

Государственный исторический музей

**Государственный военно-исторический
и природный музей-заповедник
«Куликово поле»**

ВОЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

**Сборник материалов семинара
при Государственном историческом музее**

**Москва
2008**

УДК 902/904:94(47)
ББК 63.48(2)+63.3(2)42
В25

Редакционная коллегия:
О. В. Дзуреченский (отв. редактор),
С. Ю. Каинов, А. В. Малов,
Ю. А. Кулешов (отв. секретарь)

В25 Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. – М.: Квадрига, 2008. – 200 с.:ил.

ISBN 978-904162-01-6

Сборник включает материалы по военной археологии России с древнейших времен и до XIX века. Статьи написаны сотрудниками научных, музейных, архивных учреждений разных городов России, Беларуси, Литвы, Украины.

УДК 902/904:94(47)
ББК 63.48(2)+63.3(2)42

ISBN 978-904162-01-6

©Кирпичников А. Н., предисловие, 2008
©Коллектив авторов, статьи, 2008
©Никулин А. Ю., дизайн обложки и текста, 2008
©Издательство «Квадрига», оформление, 2008

Содержание

О. В. Двуреченский. Новый путь (вместо предисловия)	5
--	---

СТАТЬИ

С. Б. Вальчак. Хронология и генезис мечей и кинжалов с рукоятями округлого сечения в предскифский период (VIII–VII вв. до н.э.)	6
А. М. Новичихин. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель	26
Е. И. Нарожный. О некоторых типах средневековых шлемов с территории Северного Кавказа	42
О. В. Двуреченский. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря	55
Ю. А. Кулешов. О позднем защитном вооружении народов Северного Кавказа	94

СООБЩЕНИЯ

Г. Л. Дорофеев, В. Е. Маслов. Находки предскифского времени из Кавминвод	99
Л. А. Бобров. Шлем «цзиньского типа» из Внутренней Монголии	106
Ю. В. Зеленский. Поножи из половецкого погребения в степном Прикубанье	116
П. Бугис. Находка панцирных пластин на территории великокняжеского замка исторического Вильно	118
Ю. Н. Бохан. Шеломы «русского» типа из Мстиславля	124
Л. С. Ильюков, Л. А. Лабунько. Два шлема из Новочеркасского музея истории донского казачества	129
В. Ю. Мясников. Позднесредневековый шлем кочевников Байкальского региона из фондов музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова	131
Р. В. Прокофьев, В. В. Трубников. Поздnekочевническое погребение у Ростова-на-Дону	135
Т. В. Сардак. Шлем из коллекции Днепропетровского исторического музея	142

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

С. Ю. Каинов. Каталог мечей из собрания Государственного исторического музея, составленный В. В. Арндтом.....	145
---	-----

ХРОНИКА

О. В. Двуреченский. Работы 2007 года военно-исторического отряда верхне-донской археологической экспедиции ГИМ на месте Донского сражения.....	156
Московский семинар по военной археологии.....	157
Библиография.....	163
А. В. Окорочков. История отечественной подводной археологии.....	163
Научное факсимильное издание лицевого летописного свода.....	165

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАА	–	Вопросы археологии Адыгеи
ГАРО	–	
ИАК	–	Известия Императорской археологической комиссии
ИЗ	–	Исторические записки
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии
МАК	–	Материалы по археологии Кавказа
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
МИАК	–	Материалы и исследования по археологии Кубани
НАРБ	–	
НМДК	–	Новочеркасский музей истории донского казачества
ОАК	–	
ПСРЛ	–	
РА	–	Российская археология
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
СМАА	–	Сборник материалов по археологии Адыгеи

НОВЫЙ ПУТЬ

(вместо предисловия)

Вниманию читателей предлагается сборник статей, посвященный вооружению и военному снаряжению от железного века до Раннего Нового времени. Эти материалы были доложены на заседаниях Проблемного совета по военной археологии, организованного по инициативе О. В. Двуреченского и С. Ю. Каинова в 2001 г. при Государственном Историческом музее.

Географический охват тем сборника весьма широк – от Вильнюса и белорусского Мстиславля на западе до Внутренней Монголии на востоке. Особенно богатый археологический материал выявлен и вводится в научный оборот по Подмосквовью, Подонью, Кубани, Красноярскому краю и Северо-Восточному Кавказу. Большинство статей посвящены ранее не публиковавшимся вещам, мало или вовсе неизвестным даже специалистам. Находки серьезно проанализированы, наблюдения богато проиллюстрированы фотографиями, чертежами и рисунками. Авторам удалось избежать соблазна модных националистических преувеличений и недооценки уровня местного ремесла. Не ставя целью охарактеризовать каждую из статей, надеемся, что их оценит читатель. Среди описанных в сборнике предметов из фондов музеев, частных коллекций, не привлекавшихся для исследования, оказалось много удивительных и неожиданных находок. Важно, что они были исследованы и стали достоянием науки; были высказаны соображения не только о развитии боевых средств древности, но и о связях народов, международном общении людей, продвижении технических новаций.

Не все выводы авторов сборника непогрешимы, но все статьи демонстрируют серьезный академический уровень. Совету и его руководству удалось сплотить способный к самостоятельному творчеству, по преимуществу молодой коллектив.

В 2002 году в Санкт-Петербурге при Институте истории материальной культуры РАН был создан Проблемный совет аналогичной направленности.

На наших глазах выдвигается оригинальная творческая сила, которая способна открывать неизвестные материалы, искать, находить и успешно решать научные задачи.

У нового поколения историков оружия впереди широкие горизонты.

А. Н. Кирпичников
профессор,
доктор исторических наук

ХРОНОЛОГИЯ И ГЕНЕЗИС МЕЧЕЙ И КИНЖАЛОВ С РУКОЯТЯМИ ОКРУГЛОГО СЕЧЕНИЯ В ПРЕДСКИФСКИЙ ПЕРИОД (VIII–VII ВВ. ДО Н. Э.)

Клинковое оружие, составной частью которого являются кинжалы и мечи, было одной из самых распространенных категорий вооружения в период поздней бронзы и в раннем железном веке. Биметаллические, реже полностью бронзовые или железные кинжалы и мечи, являются характерным для предскифского периода видом клинкового колюще-режущего и колюще-рубящего оружия. Одна из ярких и многочисленных разновидностей этого оружия неоднократно привлекала внимание исследователей и получила наименование «кинжалы кабардино-пятигорского»¹, «северокавказского»² или «киммерийского» типа³. Кроме того, эти изделия были названы «биметаллическими кинжалами с крестовидной рукоятью – БМК КР»⁴, что представляется не вполне точным терминологически.

Несмотря на достаточно большой географический ареал, для этих кинжалов и мечей, вполне приемлемо, на мой взгляд, оставить наименование «северокавказские» как наиболее отвечающее территориальным обстоятельствам бытования этого вида вооружения в рассматриваемый хронологический период. «Северокавказские» кинжалы и мечи являются одной из основ построения относительных и абсолютных хронологических схем для памятников предскифского периода на юге Восточной Европы⁵. Подавляющее большинство находок неоднократно публиковались и хорошо известны специалистам по предскифскому вооружению.

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ. В археологии употребляются различные названия одних и тех же частей клинкового оружия. В предлагаемой статье археологические термины согласованы с современной терминологией исследователей холодного оружия⁶.

¹ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М. 1960.

² Анфимов Н. В. Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья // Новое в советской археологии. М., 1965.

³ Членова Н. Л. О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху // Studia Thracica, 1. Фрако-скифские культурные связи. С., 1975; Шрамко Б. А. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. К., 1984.

⁴ Дударев С. Л. Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терек (IX–VII вв. до н.э.). Автореферат дисс... канд. ист. наук. К., 1983.; Он же., Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный. 1991.; Он же., Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир, 1999.

⁵ Вальчак С. Б. Вооружение всадников и конская сбруя юга Восточной Европы в предскифский период. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2003.

⁶ Попенко В. Н. Холодное оружие. Энциклопедический словарь. М., 1996.; Лучков С. Г. Кинжалы. Кн. 1. Традиция стиля. СПб. 1994.

Среди рассматриваемых находок имеются экземпляры как с длинными клинками (мечи), так и с короткими (кинжалы). **Клинком** называется боевая часть оружия, точнее – его полосы. В свою очередь, **полоса** является основной деталью клинкового оружия. Она «состоит из двух основных частей – клинка и хвостовика. Клинок предназначен для нанесения повреждений; на хвостовике различными способами крепится рукоять¹. В археологии **хвостовик** часто именуется **черенком/черешком**, эти термины будут употребляться как равнозначные. Клинки кинжалов и мечей предскифского времени были всегда прямые и обоюдоострые, с отчетливо выраженным острием. В подавляющем большинстве случаев клинки изготавливались из железа и плохо сохранились до наших дней, что лишает нас возможности сравнивать все известные целые и фрагментированные клинки по морфологическим признакам.

Значительно лучше сохраняются эфесы, изготовленные из металла. Именно эта составная часть клинкового оружия является наиболее информативной для сравнительного анализа. **Эфесом** называются детали клинкового оружия, объединяющие рукоять и все приспособления, которые служат для защиты руки². В археологии понятие «рукоять» часто неоправданно заменяет понятие «эфес». **Рукоятка** или рукоять – часть оружия, служащая для его удержания и удобства действий оружием³. **Гарда** или **ограничитель**, обычно именуемые в археологии «перекрестьем», призваны предохранять руку от соскальзывания на клинок, защищать ее от удара и препятствовать «погружению рукояти в тело противника»⁴. Для большинства рассматриваемых в этой работе изделий форма гарды может быть определена как **крестовина**⁵. **Головка** – деталь, которой заканчивается рукоять клинкового оружия, обычно именуемая в археологической литературе «навершием» или «шляпкой». Эта деталь иногда служит для более прочного крепления самой рукояти и препятствует выскальзыванию оружия из руки⁶, а также может служить противовесом клинку⁷.

По функции эфес любой формы предназначен для удержания оружия и защиты руки воина от травмы. При ношении оружия эфес возвышался над устьем ножен и являлся наиболее обозреваемой частью меча или кинжала. Форме составных частей эфеса и его декору всегда уделялось особое внимание, поскольку он являлся предметом гордости владельца. Именно форма и декор эфеса являются наиболее информативными для археологических интерпретаций. Понятие «эфес» применяется в основном для длинноклинкового оружия (мечей). Идентичность конструкции этой детали оружия в предскифский период как у мечей, так и у кинжалов позволяет употреблять этот термин для каждого из этих видов оружия.

В процессе накопления материала типологическое осмысление рассматриваемой категории находок носило преимущественно описательный характер. Многими исследователями выделялись признаки, которые позволяли отличать рассматриваемые кинжалы и мечи (точнее, их эфесы) от целого ряда других подобных находок. Значимость тех или иных признаков в классификациях различных исследователей существенно отличается. Одновременно с осмыслением матери-

¹ Попенко В. Н. Холодное оружие.

² Там же. С. 46.

³ Там же. С. 306.

⁴ Там же. С. 51, 57, 193, 237, 306, 464.

⁵ Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев. 1976. С. 110; Попенко В. Н. Холодное оружие. С. 158, 193.

⁶ Там же. С. 57.

⁷ Пучков С. Г. Кинжалы. Кн. 1. Традиция стиля. СПб., 1994. С. 27.

ала проводилась и его первичная систематизация¹. Увеличение находок такого рода оружия позволило исследователям в 1980–1990-х гг. создать несколько типологических и хронологических схем. Для построения типологий использовались как морфологические, так и метрические признаки. Ведущую роль играли отличительные особенности конструкции и декоративного оформления эфесов². Этими же исследователями были предложены и основные концепции развития предскифских мечей и кинжалов.

Наиболее продуктивным мне представляется дальнейшее развитие типологических признаков и общей типологической схемы, предложенных В. И. Козенковой³. Предлагаемая классификация основана на разработках В. И. Козенковой, но применяется иная компоновка классификационной схемы и иерархия значимых признаков.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭФЕСОВ. Предлагаемая классификация базируется на том разнообразии форм, которое дают нам составные части эфесов «северокавказских» кинжалов и мечей. Здесь предпринимается попытка построения открытой классификации, рассчитанной не только на возможное появление новых, еще неучтенных форм, но и на применение принципов ее построения для других видов колюще-рубящего и колюще-режущего оружия, отличающегося от «северокавказского».

Отдел. Анализируемые эфесы мечей и кинжалов могут быть разделены на отделы по форме сечения рукояти. К **первому** отделу отнесены эфесы с рукоятями округлого сечения (круглого, овального). Ко **второму** отделу отнесены эфесы с рукоятями подпрямоугольного сечения, анализу которых была посвящена специальная работа⁴.

Подотдел. Каждый из отделов разделен на подотделы по конструкции эфеса. К **первому** подотделу отнесены эфесы с гардой, ко **второму** – эфесы без гарды.

Группа. Эфесы каждого из отделов и подотделов подразделяются на группы. Признаком для выделения групп послужил основной мотив конструкции рукояти и ее рельефной орнаментации, в большинстве случаев тесно связанной с ее конструкцией.

¹ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.; Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ. Д1–4. М., 1964; Анфимов Н. В. Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья // Новое в советской археологии. М., 1965.; Козенкова В. И. К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа // Studia Thracica. 1. Фрако-скифские культурные связи. С., 1975; Членова Н. Л. О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху; Тереножкин А. И. Киммерийцы.

² Виноградов В. Б. Кинжалы с «крестовидной рукоятью» на Северном Кавказе // Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный, 1973.; Тереножкин А. И. Бронзовые кинжалы предскифского времени // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973; Котович В. Г. О происхождении «кабардино-пятигорских» или «киммерийских» биметаллических кинжалов и мечей // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978; Козенкова В. И. К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа // Studia Thracica. 1. Фрако-скифские культурные связи. С., 1975; Она же. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. В2-5. М., 1982. С. 19–20; Она же. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. В2-5. Вып. 4. М. 1995. С. 43–47, 52–58; Шрамко Б. А. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. К., 1984.; Дударев С. Л. Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека (IX–VII вв. до н.э.). Автореферат дисс... канд. ист. наук. К., 1983. С. 17–20; Она же. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. С. 40–46; Она же. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир, 1999. С. 94–112.

³ Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. В2–5. Вып. 4. М., 1995. С. 45–47. Рис. 5.

⁴ Вальчек С. Б. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронологии некоторых кинжалов и мечей предскифского периода // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского. М., 2005.

Эфесы 1-го отдела разделены на **три группы**: 1) с гладким стволом (неорнаментированной рукоятью); 2) с винтовым рельефом (ложновитым орнаментом) – имитацией обмотки рукояти; 3) с орнаментом в виде насечек или гравировки.

Тип. Группы включают в себя типы, определяемые по деталям исполнения той или иной конструкции рукояти (орнаментального мотива). Чаще всего признак этот является сложным, допускающим некоторое различие в исполнении деталей орнаментации и формы рукояти. Наблюдаемые различия объясняются индивидуальностью (штучностью) каждого изделия.

Такой признак, как форма головки (навершия) эфеса для рассматриваемой категории оружия малоинформативен. В подавляющем большинстве случаев головка имеет усеченно-шаровидную, полуэллипсоидную, уплощенно-эллипсоидную или какую-либо подобную форму. В плане (вид сверху) форма головки часто близка сечению рукояти.

Подтип. Каждый из типов 1-го подотдела может быть разделен на подтипы по длине гарды. Для **первого** подтипа характерны эфесы с длинной гардой, размер которой превышает половину общей длины всего эфеса, включая саму гарду, рукоять и головку. **Второй** подтип объединяет изделия с короткой гардой, длина которой составляет не более половины длины эфеса. Для эфесов 2-го подотдела, не имеющих гард, подтипы могут быть выделены по конструктивным особенностям **пяты клинка**, то есть места соединения рукояти и клинка.

Варианты каждого из подтипов определяются по форме гарды. Значимыми признаками здесь являются наличие или отсутствие изгиба к клинку у ее верхней и нижней сторон (граней). Можно выделить три варианта гард: 1) прямая; 2) изогнутая к клинку сверху и снизу; 3) прямая сверху и изогнутая к клинку снизу. Особенности изгиба верхней и нижней граней гард позволяют разделить каждый из вариантов на три **подварианта** (см. рис. Схема форм гард). Определения всех форм в достаточной степени условны, так как каждый из эфесов индивидуален в деталях исполнения.

НАХОДКИ КИНЖАЛОВ И МЕЧЕЙ с эфесами 1-го отдела 1-го подотдела. Среди находок, относимых к отделу 1 (с округлыми в сечении рукоятями), наиболее многочисленны эфесы с гардами (подотдел 1) и неорнаментированными рукоятями (группа 1). Отсутствие орнаментации рукояти предполагает отнесение всех эфесов этой группы к одному типу – типу 1. Таким образом, такой классификационный уровень, как группа, практически аналогичен типу и для рассматриваемых эфесов может быть исключен.

Среди экземпляров группы 2 выделены два типа. Отличие изделий типа 1 от типа 2 этой группы состоит в том, что в первом случае, орнамент имитирует обмотку рукояти шнуром, во втором случае, рукоять ложновитая, как бы закрученная винтом вокруг своей продольной оси. Технологически, при изготовлении утрачиваемой модели, рукояти 1-го типа действительно обматывались восковым шнуром, а на рукояти 2-го типа делалась винтовая нарезка.

Единственный экземпляр 3-й группы имеет орнамент в виде ломаных линий и отнесен к типу 1 этой группы.

Находки 1-й группы 1-го типа известны на левобережье Кубани в погребении (п.) 83 могильника (мог.) Николаевский¹ (Рис. 1 : 5) и среди случайных нахо-

¹ Анфимов Н. В. Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 197. Рис. 1, 4.

док (сл.н.) на мог. Псекупский № 1¹ (Рис. 1, 7). В Кисловодской котловине известна находка в п. 6 мог. Кисловодской мебельной фабрики № 1². В Северо-Восточном Предкавказье кинжалы с подобными эфесами найдены в п. 44 мог. Сержень-Юрт в Чечне³ (Рис. 1,6) и на Зандакском 2-м могильнике⁴ (Рис. 1, 1).

В лесостепной зоне Украины мечи с аналогичными эфесами происходят из случайных находок у с. Головятино (Рис. 2: 5) и в Среднем Поднепровье (Рис. 2 : 1)⁵. Две случайные находки из с. Демкино и г. Билярска известны в Поволжье (Рис. 2: 3, 4)⁶. Все перечисленные экземпляры мечей и кинжалов имели железные клинки и бронзовые эфесы с гардами 1-го варианта.

Очень близки восточноевропейским находкам изделия из нескольких местонахождений Центральной Европы. Мечи из Лейбница (Рис. 2: 8) и Панад (Szony-Brigetio) имели железные клинки и бронзовые эфесы 1-го типа, 1-го подтипа и 1-го варианта⁷. Близкие по форме цельнобронзовые мечи найдены в кладе 1900 г. у Кляйн Нойендорф в Германии (Рис. 2, 7) и Комарно в Словакии (Рис. 2: 6)⁸.

Пока только на Северо-Восточном Кавказе в предскифских памятниках мугерганской культуры Дагестана известна немногочисленная серия находок биметаллических мечей с неорнаментированными рукоятями и длинными гардами, верхние и нижние стороны которых имеют изгиб к клинку (тип 1, подтип 1, вариант 2). Такие мечи и кинжалы найдены в Хосрехском святилище (Рис. 1: 4)⁹, в п. 1 (1961 г.) Мугерганского и п. 1 (1983 г.) Шахсенгерского мог. (Рис. 1: 2, 3)¹⁰. К аналогичным изделиям причисляет С. Л. Дударев и кинжал из погребения 1979 г. Сиртичского могильника в Дагестане (раскопки О. М. Давудова). К сожалению, исследователь приводит в

¹ Ловпаче Н. Г. Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985. С. 20. Табл. XV.

² Рунич А. П. Отчет о полевых археологических исследованиях в районе Кавказских Минеральных вод за 1958 год // Архив ИА РАН. Р-1, №1720. 1958. С. 25. Рис. 81; Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. В2-5. Вып. 4. М., 1995. С. 52. Табл. X: 5.

³ Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. В2-5. М., 1982. С. 20. Табл. XIV, 10; Kozenkova V. I. Serzen'-Jurt // BAVA. Bd. 48. V., 1992. Taf. 3: 7, 6.

⁴ Дударев С. Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир, 1999. С. 96. Рис. 168.

⁵ Тереножкин А. И. Киммерийцы. С. 70, 81. Рис. 37, 7, 48.

⁶ Там же. С. 40, 117. Рис. 12, 4, 71, 1; Кузьминых С. В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. Медь и бронза. М. 1983. Табл. LIII, 7.

⁷ Членова Н. Л. О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху // Studia Thracica, 1. Фрако-скифские культурные связи. С., 1975. Рис. I, 13, IV, 16; Тереножкин А. И. Киммерийцы. С. 120, 121. Рис. 74, 3, 6, 8; Chochorowski J. Ekspansja kimmeryjska na teryny Europy Srodkowej. Krakow, 1993. S. 113, 114. Rys. 12, 1; Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. В2-5. Вып. 4. М., 1995. С. 52.

⁸ Тереножкин А. И. Предскифский период на днепровском Правобережье. К., 1961. С. 219, 220; Тереножкин А. И. Киммерийцы. С. 121. Рис. 74, 1, 8; Chochorowski J. Ekspansja kimmeryjska na teryny Europy Srodkowej. S. 113-115.

⁹ Давудов О. М. Отчет об археологических исследованиях в Южном Дагестане в 1977 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 7342, 7342а. 1977. С. 9. Рис. 31, 1; Котович В. Г., Давудов О. М. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы – раннего железа на Северо-Восточном Кавказе // СА. № 4. 1980. Рис. 1, 106; Абакаров А. И., Давудов О. М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993. Рис. 19, 25.

¹⁰ Пикуль М. И. Раскопки в южном Дагестане в 1961 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 2307, 2307а. 1961. С. 7, 8. Рис. 15, 166, 11; Котович В. Г., Давудов О. М. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы – раннего железа на Северо-Восточном Кавказе // СА. № 4. 1980. Рис. 1, 105; Давудов О. М. Новые исследования Центральнодагестанской экспедиции // АО-1983 г. М., 1985. С. 117. Рис. 1; Абакаров А. И., Давудов О. М. Археологическая карта Дагестана. Рис. 19, 2, 49.

описании и на иллюстрации уже известную находку из Шахсенгерского могильника¹. Кинжалы из п. 83 мог. Николаевский и Хосрехского святилища примечательны тем, что у них черешок железного клинка пронизывал бронзовый эфес насквозь и был заклепан сверху на головке-навершии. Вполне справедливо исследователи видят в этом пережиток более раннего способа крепления клинка с эфесом².

Несколько лет назад В. И. Козенковой был опубликован схематичный рисунок утраченного бронзового изделия из «крематория» на мог. Верхняя Рутха в Северной Осетии из раскопок Л. Г. Нечаевой³. Предмет сильно оплавлен, если он и является эфесом кинжала или меча, то его сохранность не позволяет с уверенностью судить о деталях формы и принадлежности к рассматриваемым «северокавказским» экземплярам.

Единственным изделием с прямой и длинной гардой, относящимся ко 2-й группе (с рельефной орнаментацией рукояти в виде ложной обмотки – тип 1, подтип 1, вариант 1), является биметаллический меч из клада 1971 г. на Субботовском городище в Среднем Поднепровье (Рис. 2: 2)⁴.

Перечисленные находки по особенностям их формы, в первую очередь, по наличию длинной гарды (признак подтипа 1), в рамках изделий 1-го отдела можно рассматривать как первую морфологическую совокупность. Полная информация имеется о 13 входящих в эту совокупность восточноевропейских изделиях. С ними можно сравнить и четыре средневропейские находки.

В четырех случаях вместе с кинжалами и мечами из мог. Шахсенгерский, Сержень-Юрт, Зандакский 2-й и клада в Субботово⁵ найдены **бронзовые накопечники ножен с «весловидным» гребнем** (Рис. 1: 1, 3, 6; 2: 2А)⁶. На клинках изделий из Лейбница и мог. Шахсенгерский были найдены различающиеся по орнаменту и конструкции, но одинаковые функционально, бронзовые **обоймицы устья ножен** (Рис. 1: 3; 2: 8)⁷. В ножнах из свернутого бронзового листа был найден кинжал из Хосреха (Рис. 1: 4)⁸.

Вторая морфологическая совокупность изделий 1-го отдела объединяет кинжалы и мечи с короткой гардой (подтип 2). В этой подгруппе насчитывается 24 из-

¹ Ср.: *Давудов О. М.* Новые исследования Центральнодагестанской экспедиции. С. 117. Рис. 1; *Дударев С. Л.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир, 1999. С. 94, 96. Рис. 22, 6.

² *Анфимов Н. В.* Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья // Новое в советской археологии. М. 1965. С. 197; *Давудов О. М.* Отчет об археологических исследованиях в Южном Дагестане в 1977 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 7342, 7342а. 1977. С. 9; *Шрамко Б. А.* Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. К., 1984.

³ *Козенкова В. И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996 С. 24. Рис. 13, 1; *Дударев С. Л.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир, 1999. С. 96.

⁴ *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. С. 82, 83. Рис. 49, 1.

⁵ Там же. Рис. 49, 2; *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. В2–5. М., 1982. Табл. XIV, 10; *Дударев С. Л.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир, 1999. Рис. 168.

⁶ *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. С. 123–125; *Попенко В. Н.* Холодное оружие. С. 63, 232, 237.

⁷ *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. С. 125, 126. Рис. 74, 3; *Абакаров А. И., Давудов О. М.* Археологическая карта Дагестана. Рис. 19, 2; *Chochorowski J.* Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Srodkowej. S. 125, Rys. 13, 4.

⁸ *Давудов О. М.* Отчет об археологических исследованиях в Южном Дагестане в 1977 году // Архив ИА РАН, Р-1, № 7342, 7342а. 1977. С. 9. Рис. 31, 2.

деля с железными клинками. Подавляющее большинство из них относится к экземплярам с неорнаментированной рукоятью (тип 1).

В рамках этого типа к варианту 1 (эфесы с прямой гардой) отнесены находки из разрушенных погребений мог. Псекупский №1 в Закубанье (Рис. 3: 2)¹ и в Баксанском ущелье². Гарды аналогичной формы имелись у эфесов случайно найденного кинжала 2-й группы 1-го типа (с ложной обмоткой рукояти) у хут. Чернышев в Закубанье³ и кинжала 3-й группы типа 1 (с насечками в виде ломаных линий на рукояти) из п. 2 кургана (к.) 5 Суворовского мог. в Придунайской степи (Рис. 4: 1)⁴.

Кинжалы и мечи 2-го варианта 1-го типа, имеющие изогнутую сверху и снизу гарду, насчитывают 12 экземпляров. Наиболее известными среди них являются находки из п. 56 Псекупского мог. № 1 в Адыгее (Рис. 3: 1)⁵, из п. 14 мог. № 1 Мебельной фабрики, п. 3 (1946 г.) Березовского мог. № 1, а также на мог. Каменноостровский: среди случайных находок и в погребениях 1914 и 1928 гг.⁶ У эфеса из мог. Березовский № 1 сохранились два вертикальных дуговидных в сечении стержня, расположенных между кольцевидными основаниями. Эта конструкция некогда удерживала округлые деревянные или костяные вставки, оформлявшие окончательный объем рукояти и навершия-головки⁷. Особо следует отметить находку биметаллического меча с бронзовым эфесом в разрушенном п. 1987 г. мог. Клино-Яр III⁸. Рукоять этого эфеса имела следы спиральной обмотки кожаным ремешком, предназначенной для более прочного удержания меча в руке воина (Рис. 3: 7). Данная особенность демонстрирует истоки происхождения подобной же, но литой орнаментации рукоятей у изделий 1-го типа 2-й группы. Ко 2-му типу этой же группы относятся биметаллический кинжал с ложновитым орнаментом бронзовых рукоятей из п.4 Эчкиважского мог. близ Кисловодска (Рис. 4: 13)⁹ и эфес с обломком железного клинка из случайных находок Н. В. Анфимова в Краснодарском крае, возможно происходящим из Кубанского могильника.

Бронзовые эфесы с гардой 3-го варианта (прямая верхняя и изогнутая нижняя грани) встречены только у биметаллических кинжалов 1-й группы (8 экземпляров с неорнаментированной рукоятью). На северо-западе Кавказа такой кинжал найден в п. 25 мог. Фарс (Рис. 4: 5)¹⁰. В Кабардино-Пятигорье подобные изделия найдены в п.

¹ Эрлих В. Р. Переход от бронзового к железному веку на северо-западном Кавказе (К постановке проблемы) Часть I. // РА. № 3. 2002. Рис. 3, 28;

² Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. В2-5. Вып. 4. М., 1995. С. 52. Табл. X, 6.

³ Балинский И. М. Протомеотский могильник Фарс (VIII-VII вв. до н.э.) // Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки (ред. А. М. Лесков). М., 1985. С. 68, № 108.

⁴ Тереножкин А. И. Киммерийцы. С. 63, 64. Рис. 33, 5.

⁵ Ловпаче Н. Г. Могильники в устье реки Псекупса. С. 19, 20. Табл. X, 4.

⁶ Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. В2-5. Вып. 4. М., 1995. С. 52. Табл. X, 1-3, 9.

⁷ Там же. С. 52. Табл. X, 4.

⁸ Дударев С. Л., Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. С. 44. Табл. 8, 1, 2; Berezin J. B., Dudarev S. L. Neue praskythische Funde aus der Umgebung von Pjatigorsk, Nordkaukasien // Eurasia Antiqua. Bd. 5. В., 1999. S. 189-190. Abb. 7, 1, 2.

⁹ Рунич А. П., Отчет о археологических разведках в районе Кавминвод за 1966 год // Архив ИА РАН, Р-1, № 3251. 1966. С. 20. Рис. 24, 6; Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. К., 1980; Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. В2-5. Вып. 4. М., 1995. С. 55. Табл. X, 10.

¹⁰ Лесков А. М., Эрлих В. Р. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М. 1999. С. 19. Рис. 25, 4.

121 и 186 мог. Клин-Яр III (Рис. 3: 3–4)¹, в разрушенном погребении Хабазского могильника и погребении 1959 г. мог. № 1 Кисловодской мебельной фабрики². Рукоять последнего кинжала инкрустирована четырьмя вертикальными железными вставками в прямоугольные прорезы. В степной зоне Центрального Предкавказья известна находка кинжала из недостовверного комплекса у с. Дубовая Роща (Рис. 5: 14)³. Кинжал из п. 5 мог. Кескем происходит с Северо-Восточного Кавказа (Рис. 3: 8)⁴. Известен еще один похожий эфес «с Кавказа», без указания точного местонахождения⁵.

Следует отметить, что у некоторых экземпляров конфигурация каждого из крыльев гарды отличается друг от друга и представляет различные варианты, например: у эфесов из п. 1 (1928 г.) мог. Каменноостровский, п. 25 мог. Фарс, мог. Хабазский, п. 121 мог. Клин-Яр III. Отнесение их к тому или иному варианту всегда будет отражать субъективную точку зрения того или иного исследователя (Рис. 3: 4; 4: 5).

К типу 1 группы 1 отдела 1 следует причислить железный кинжал из п. 130 мог. Псекупский № 1 (Рис. 3: 5)⁶, на котором сохранился след от некогда имевшейся гарды неустановленной формы и материала. Два железных кинжала с утраченной или невозстановимой формой гарды найдены на могильнике Пшиш в Адыгее (раскопки А. А. Сазонова 1990 г. (Рис. 3: 9), раскопки В. Р. Эрлиха и С. Б. Вальчака 2004 г.). Столь же плохо сохранившийся железный кинжал найден в п. 294 могильника Клин-Яр III в Кисловодске⁷. Невозможно установить размеры и форму гарды по обломку эфеса биметаллического кинжала из гробницы 2 мог. Терезе⁸.

Следует отметить незначительную, сравнительно с первой морфологической совокупностью, встречаемость прямых гард (вариант 1) во второй совокупности – всего пять случаев (соответственно 14 и 5). Наоборот, изогнутые сверху и снизу гарды (вариант 2) более многочисленны во второй совокупности (15 случаев), чем в предыдущей (3 случая). Прямые сверху и изогнутые снизу гарды (вариант 3) в первой совокупности пока не встречены вообще, но присутствуют во второй (8 случаев). Более характерны для второй совокупности и эфесы с орнаментированными рукоятями (группы 2 и 3), хотя признак этот редко встречается в обеих. Важно и то, что у эфесов с гардами 3-го варианта орнаментация рукоятей пока не наблюдалась.

Только три из 17 изделий первой морфологической совокупности имели по отверстию в одном из крыльев гарды. Из 24 экземпляров кинжалов и мечей второй совокупности отверстие в одном из крыльев отмечено у 17 эфесов, по одному в каж-

¹ Флеров В. С., Дубовская О. Р. Мужские погребения кобанского могильника Клин-Яр III в г. Кисловодске // Вестник Шелковского пути. Археологические источники. Вып. I. М., 1993. С. 269, 270. Рис. 3, 4; Белинский А. Б. К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе // СА. № 4. 1990. С. 191. Рис. 3, 2.

² Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). С. 55. Табл. X, 8, 11.

³ Петренко В. Г. Комплекс VIII–VII вв. до н.э. из Ставрополя // КСИА. Вып. 170. М., 1982. С. 70. Рис. 4; Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Табл. X, 7.

⁴ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М. 1960. С. 324. Табл. XXXV, 4.

⁵ Членова Н. Л. О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху // Studia Thracica, 1. Фрако-скифские культурные связи. С., 1975. Рис. 1, 10.

⁶ Ловпаче Н. Г. Могильники в устье реки Псекупса. Табл. XII, 6.

⁷ Белинский А. Б. Отчет о работе Кисловодской археологической экспедиции в 1991 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 16613–16615. 1991.

⁸ Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). С. 55, 56. Табл. X, 12.

дом из крыльев гарды – у двух эфесов, отсутствие отверстий в крыльях – у четырех. Уникален эфес из Каменномоетского могильника с тремя отверстиями в каждом из крыльев гарды. Учитывая то, что эфесы обеих совокупностей найдены на всей территории юга Восточной Европы, можно утверждать, что отличия в размерах (подтип) и форме (вариант-подвариант) гард, а также количестве отверстий в гардах каждой из подгрупп являются хронологическими признаками.

В четырех случаях вместе с кинжалами и мечами с рукоятями округлого сечения (1-го отдела) найдены **бронзовые наконечники ножен с «весловидным» гребнем**¹. Они встречены в погребении 1 (1983 г.) мог. Шахсенгерский, п. 44 мог. Сержень-Юрт, мог. Зандакский 2-й и в кладе на Субботовском городище (Рис. 1: 1, 3, 6; 2: 2)². Все эти кинжалы и меч относятся к экземплярам с длинной гардой. Подобные же наконечники найдены при двух кинжалах с короткими гардами в п. 4 мог. Эчкивапашский (Рис. 4: 13) и Баксанского ущелья³.

На клинках меча из Лейбница и кинжала из мог. Шахсенгерский (1-й отдел, 1-й подраздел, 1-я морфологическая подгруппа) были найдены различающиеся по орнаменту и конструкции, но одинаковые функционально, бронзовые **обоймицы устья ножен**⁴. Примечательно, что находка из Шахсенгерского мог. имела обоймицу и наконечник ножен, что позволяет утверждать сосуществование этих деталей ножен в определенный период времени. В отличие от изделий первой морфологической совокупности, бронзовые обоймицы устья ножен во второй совокупности (эфесы с короткими гардами) неизвестны.

ХРОНОЛОГИЯ КИНЖАЛОВ И МЕЧЕЙ 1-го ОТДЕЛА. Поскольку ареалы кинжалов и мечей первого отдела (с округлыми в сечении рукоятями), разделенных по размерам гард на две морфологические совокупности, совпадают практически полностью, вплоть до встречаемости экземпляров с гардами различных размеров в одном памятнике (могильнике), резонно предположить некоторое хронологическое различие в их бытовании.

К сожалению, очень немногие из мечей и кинжалов с эфесами первой морфологической совокупности найдены в информативных археологических комплексах⁵. К таковым памятникам можно отнести п. 6 мог. № 1 Кисловодской мебельной фабрики, п. 44 мог. Сержень-Юрт и клад на Субботовском городище⁶. Присутствующие в этих комплексах глиняные сосуды, украшения, предметы вооружения и

¹ Тереножкин А. И. Киммерийцы. С. 123–125.

² Тереножкин А. И. Киммерийцы. Рис. 49, 2; Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. В2–5. М. 1982. Табл. XIV, 10; Давудов О. М. Новые исследования Центральнодагестанской экспедиции // АО–1983 г. М., 1985. Рис. 1; Дударев С. Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX–первая половина VII в. до н.э.). Армавир, 1999. Рис. 168.

³ Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Табл. X, 6, 10.

⁴ Тереножкин А. И. Киммерийцы. С. 117. Рис. 74, 3; Давудов О. М. Новые исследования Центральнодагестанской экспедиции. Рис. 1; Абакаров А. И., Давудов О. М. Археологическая карта Дагестана. Рис. 19, 2.

⁵ Членова Н. Л. О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху // Studia Thracica, 1. Фрако-скифские культурные связи. С., 1975. С. 75.

⁶ Рунич А. П. Отчет о полевых археологических исследованиях в районе Кавказских Минеральных вод за 1958 год // Архив ИА РАН. Р–1, №1720. 1958. С. 25. Рис. 51, 52, 81, 83; Козенкова В. И. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III. М. 2002. С. 27, 28. Табл. 34; Тереножкин А. И. Киммерийцы. С. 82, 83. Рис. 49. 1, 2, 50–52

экипировки воина не являются определяющими для узких датировок. Погребение 6 Кисловодской мебельной фабрики было разрушено при строительстве, сведения получены со слов рабочих, ими же передан и инвентарь. Он состоял из двух сосудов, плохо сохранившегося железного наконечника копья, оселка и бронзовых эфесов двух мечей (?), железные клинки которых (длиной «около одного метра») не сохранились¹. Один эфес из погребения имел округлую в сечении рукоять (отдел 1) и длинную гарду. Второй эфес имел рукоять подпрямоугольного сечения (отдел 2) и однорядно-кольчатую орнаментацию. Комплекс этот, будь он достоверным, примечателен не только тем, что в нем находились мечи с разнотипными эфесами, но и уникальным фактом нахождения в предскифском погребении двух экземпляров «северокавказского» клинкового оружия.

Не является надежным свидетельством ранней даты рассматриваемых эфесов и находка в святилище Хосрех. Набор вещей из святилища отражает, по всей вероятности, период функционирования культового сооружения. Хронологические рамки этого периода остаются неизвестными, но факт, что кроме традиционных для региона бронзовых вещей предскифского времени в комплексе найден и железный «кинжал-акинак», форма которого характерна для памятников раннескифского периода – не ранее 2-й половины VII в. до н. э.²

Можно отметить лишь то, что в комплексах со специфической серией костяных бляшек-украшений конской упряжи «круга Жирноклеевского кургана» такие кинжалы и мечи неизвестны. Бляшки-украшения «жирноклеевской серии» имеют несомненные прототипы в культурах периода поздней бронзы юга Восточной Европы, а содержащие их комплексы предскифского периода относятся к наиболее ранним³.

Более информативны комплексы с эфесами второй морфологической совокупности (с короткими гардами). В большинстве из них встречены железные наконечники копий и каменные оселки, которые имеют довольно широкую датировку. Ведущую роль для определения узкой хронологии здесь играют функциональные и декоративные детали конской упряжи, а также другие категории вооружения (наконечники стрел, боевые топоры, молоты и др.).

Начальный период существования бронзовых эфесов с короткими гардами, по всей вероятности, определяют комплексы п. 25 мог. Фарс/Клады (Рис. 4: 5–12) и п. 4 мог. Эчкивашский (Рис. 4: 13–25). В первом из них встречены треугольно-конечные удила малого размера с ложновитым рельефом на стержнях и псалии типа Фарс 25⁴. Подобные изделия существуют на протяжении всего VIII в. до н.э., но морфологические особенности деталей узды и украшений из рассматриваемого погребения позволяют относить комплекс к 1-й половине – середине VIII в. до н.э.⁵ К этому же хронологическому диапазону может быть отнесено и п. 4 мог. Эчкиваш-

¹ Рунич А. П. Отчет о полевых археологических исследованиях в районе Кавказских Минеральных вод за 1958 год // Архив ИА РАН, Р-1, № 1720. 1958. С. 25. Рис. 51–52, 81–83.

² Давудов О. М. Отчет об археологических исследованиях в Южном Дагестане в 1977 году // Архив ИА РАН, Р-1, № 7342, 7342а. 1977. С. 9–11. Рис. 31, 4.

³ Вальчак С. Б., Мамонтов В. И., Сазонов А. А. Ранние памятники черноморского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Вып. 2. Армавир–М., 1996.

⁴ Лесков А. М., Эрлих В. Р. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М., 1999. С. 19. Рис. 25, 5, 6.

⁵ Вальчак С. Б. Удила предскифского периода и киммерийские лошади Восточной Европы // Харьковский историко-археологический ежегодник «Древности», 1995. Харьков. 1995. С. 44–47; Вальчак С. Б. 92, 93, 99, 100; Лесков А. М., Эрлих В. Р. Могильник Фарс/Клады. С. 67–71; Эрлих В. Р. Переход от бронзового к железному веку на северо-западном Кавказе (К постановке проблемы) Часть I.

ский¹. Псалии варианта Ростов-Эчкиваши не встречаются в комплексах позднее середины VIII в. до н.э., так же как и удила с разными звеньями (однокольчатыми и треугольно-конечными) и ложновитым рельефом стержней, чего нельзя сказать об украшениях уздечки из этого погребения². В пользу такой датировки эчкивашинского комплекса говорит и наличие в нем серебряного(?) навершия булавы³. Навершие из рассматриваемого погребения напоминает по форме находку из клада Физешу Герлий II (Fizesu Gherlii II) в Румынии, который М. Петреску-Дымбовица синхронизирует с периодом Ha B 2⁴. Тем не менее, следует заметить, что бронзовые кельты и спиралевидные украшения (очковидные фибулы) из этого комплекса⁵ находят близкие аналогии в кладах периода Ha B 3, например, в кладах Haslau-Regelsbrunn (Гаслау-Регельсбрунн), Vetis (Ветиш) и более поздних памятниках⁶. Важной для определения ранней даты комплексов с эфесами 2-й морфологической совокупности является и бляшка-лунница с тремя рельефными дисками из п. 2 к. 5 мог. Суворово⁷, где встречен и уникальный биметаллический кинжал кавказского производства (Рис. 4: 1–4). В этом погребении лунница служила украшением костюма воина, но чаще всего подобные бляшки являются украшениями уздечки с бронзовыми удилами и псалиями, встречающейся в комплексах, датированных не ранее 1-й половины-середины VIII в. до н.э.⁸ Определение даты подобных комплексов в рамках IX в. до н.э.⁹ мне представляется ошибочным.

Для определения финальной даты существования мечей и кинжалов 2-й морфологической совокупности безусловно важны их находки из погребений Закубанья и Кисловодской котловины. К ним относятся п. 95 и 103 мог. Пшиш-I (Рис. 5: 1–13), где вместе с цельножелезными кинжалами найдены железный наконечник копья и стремевидные удила с рельефом из острых шипов, которые появляются не ранее второй половины VIII в. до н.э.¹⁰ Комплекс п. 186 мог. Клиш-Яр III (Рис. 5: 18–25), в котором найден биметаллический кинжал, был аргументированно дати-

// РА. № 3. 2002а.; Он же. Переход от бронзового к железному веку на северо-западном Кавказе (К постановке проблемы) Часть II. // РА. № 4. 2002б. С. 40–48

¹ Рунин А. П. Отчет о археологических разведках в районе Кавминвод за 1966 год // Архив ИА РАН, Р-1, № 3251. 1966. С. 20. Рис. 24.

² Вальчак С. Б. Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплексы с трехпетельчатыми псалиями (классификация и хронология) // Древности Евразии. М., 1997. С. 94, 95, 99, 100; Вальчак С. Б. Основные мотивы орнаментации уздечных принадлежностей юга Восточной Европы в начале раннего железного века // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 138–143; Лесков А. М., Эрлих В. Р. Могильник Фарс/Клады. С. 67–71.

³ Рунин А. П., Отчет о археологических разведках в районе Кавминвод за 1966 год. Рис. 24, 10.

⁴ Petrescu-Dimbovita M. Depozitele de Bronzuri din Romania. Bucuresti. 1977. P. 142, Pl. 346, 19.

⁵ Там же. P. 142, Pl. 346, 4, 6, 7, 347, 6, 7.

⁶ Muller-Karpe H. Beitrage zur Chronologie der Urnenfelderzeit Nordlich und Suedlich der Alpen. Text. Tafeln // Romisch-Germanische Forschungen. Bd. 22. Berlin, 1959. S. 128–133, Abb. 40, 15, 51, 9, 59, 8, Taf. 143A, 3–10, 13–16; Petrescu-Dimbovita M. Depozitele de Bronzuri din Romania. P. 142, Pl. 362, 380, 385–386, 391, 394.

⁷ Тереножкин А. И. Киммерийцы. С. 64. Рис. 33, 6.

⁸ Тереножкин А. И. Киммерийцы. С. 48, 205. Рис. 19, 1–7; Сазонов А. А. Ранняя группа конских жертвоприношений протомеотского могильника Пшиш-I // Археология Адыгеи. Майкоп. 1995. С. 92. Рис. 9; Вальчак С. Б., Мамонтов В. И., Сазонов А. А. Ранние памятники черноморского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Вып. 2. Армавир–М., 1996. С. 37–39; Скорый С. А. Киммерийцы в украинской лесостепи. К.–Полтава, 1999. С. 59.

⁹ Козенкова В. И. У истоков горского менталитета. С. 127–133. Табл. VI.

¹⁰ Вальчак С. Б. Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплексы с трехпетельчатыми псалиями (классификация и хронология) // Древности Евразии. М. 1997; Сазонов А. А. О хронологии протомеотских погребений Закубанья // *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci*. Krakow, 2004. С. 392, 400. Рис. IV.

рован А. Б. Белинским рубежом VIII–VII – 1-й половиной VII в. до н. э.¹ на основании имеющегося в инвентаре шлема «ассирийского типа». Близкие даты предлагают и другие исследователи². Попытки удревнить дату появления таких шлемов на Северном Кавказе представляются слабо обоснованными³, так как не опираются на детальный анализ другого восточноевропейского материала предскифского времени⁴. Создается впечатление, что имеющийся материал иногда усиленно втискивается в рамки надуманных хронологических концепций, абсолютная же датировка зависит от воззрений того или иного исследователя⁵.

Исходя из последовательности развития функциональных деталей уздечки, встреченные внутри шлема «ассирийского типа» в п. 186 бронзовые псалии представляют собой достаточно ранние формы, относящиеся ко 2-й хронологической группе уздечных комплектов и появляющиеся около середины – третьей четверти VIII в. до н.э. Бытование этих уздечных комплектов, включающих псалии типа Фарс 14 и двукольчатые удила с двурядно-прямоугольным рельефом на стержнях, продолжается до конца VIII в. до н.э., что подтверждается богатыми и разнообразными материалами гробницы 3 мог. Терезе. В широких рамках эти погребения могут датироваться последней четвертью VIII – 1-й четвертью VII в. до н. э.⁶

В этих же хронологических рамках следует рассматривать и разрушенное воинское п. 1987 г. мог. Клино-Яр III. Помимо биметаллического меча с бронзовым эфесом (Рис. 3: 7) в нем присутствовал и бронзовый шлем, практически аналогичный экземпляру из п. 186 этого же могильника (Рис. 5: 22)⁷. Бронзовая «пектораль» из п. 1987 г. сближает его с п. 14 этого же могильника, которое содержало позднейшие модификации двукольчатых удили и трехпетельчатых псалиев предскифского периода⁸. Предположение о принадлежности «пекторалей» к упряжи коня⁹, нашло

¹ Белинский А. Б. К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе // СА. № 4. 1990. С. 195.

² Эрлих В. Р. О времени появления и характере «восточных» элементов в культуре Северного Кавказа конца VIII – первой половины VII вв. до н.э. // Северная Евразия от древности до средневековья. Тез. конф. Археологические изыскания. Вып. 2. СПб., 1992. С. 177–179; Белинский А. Б., Эрлих В. Р. О хронологии нижнего горизонта могильника Клино-Яр III // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докладов). Кисловодск, 1994. С. 68, 69; Вальчак С. Б. Удила предскифского периода и киммерийские лошади Восточной Европы. С. 46, 47; Скорый С. А. Киммерийцы в украинской Лесостепи. С. 49–56; Лесков А. М., Эрлих В. Р. Могильник Фарс/Клады. С. 70, 71; Дударев С. Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир, 1999. С. 162–167.

³ Иванчик А. И. О так называемых «передневосточных» шлемах, найденных на Кавказе // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.

⁴ Вальчак С. Б., Скаков А. Ю. Дигорские «пекторали» предскифского периода // РА. № 3. 2003. С. 118–119.

⁵ Иванчик А. И. О так называемых «передневосточных» шлемах, найденных на Кавказе // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.; Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. С. 98.

⁶ Вальчак С. Б. Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплекты с трехпетельчатыми псалиями (классификация и хронология) // Древности Евразии. М., 1997. С. 93, 94, 99, 100; Вальчак С. Б. Основные мотивы орнаментации уздечных принадлежностей юга Восточной Европы в начале раннего железного века // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 138–141.

⁷ Дударев С. Л., Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный. 1991. Табл. 17; Berezin J. B., Dudarev S. L. Neue praskythische Funde aus der Umgebung von Pjatigorsk, Nordkaukasien // Eurasia Antiqua. Bd. 5. Berlin. 1999. S. 192–195, Abb. 8, 1.

⁸ Дударев С. Л., Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Табл. 15, 16, 22; Berezin J. B., Dudarev S. L. Neue praskythische Funde aus der Umgebung von Pjatigorsk, Nordkaukasien. S. 192–195, Abb. 8, 2, 12, 1–3, 7.

⁹ Эрлих В. Р. У истоков раннескифского комплекса. М. 1994. С. 86–87.

подтверждение у многих исследователей¹. Датировать появление подобного рода изделий следует (в совокупности со шлемами) не ранее конца VIII в. до н. э.²

Из других известных археологических комплексов следует обратить внимание на п. 14 мог. № 1 у Мебельной фабрики и разрушенное п. 1971 г. у с. Дубовая Роща. Первое погребение, исходя из морфологических особенностей бронзовых наконечников стрел и скипетра³, может быть отнесено ко 2-й половине VIII – рубежу VIII–VII вв. до н.э. Уникальное сочетание двуколычатых удил с двурядно-прямоугольным рельефом и псалием типа Черногоровка в сомнительном комплексе из Дубовой Рощи (Рис. 5: 14–17)⁴ можно датировать не позднее рубежа VIII–VII или самого начала VII в. до н.э. Малоинформативные комплексы с кинжалами 2-й морфологической подгруппы из п. 56 мог. Псекупский № 1, п. 3 (1946 г.) мог. Березовский № 1 и п. 121 мог. Клин-Яр III⁵ могут быть датированы временем около середины-конца VIII в. до н.э.

К концу VIII – первой половине VII в. до н.э. можно отнести финальный этап существования всех мечей и кинжалов с эфесами 1-го отдела (с округлыми в сечении рукоятями). Достоверно можно говорить лишь о существовании в позднейший период эфесов с короткими гардами, слегка превышающими ширину самого клинка. Мечи и кинжалы с округлыми рукоятями и длинной гардой существуют, по всей вероятности, на протяжении VIII в. до н.э., их бытование в VII в. до н.э. пока недоказуемо. Необходимо отметить, что в комплексах с какими-либо элементами последующих хронологических пластов (жаботинским и келермесским) раннескифских памятников юга Восточной Европы эфесы с округлыми рукоятями и рассматриваемыми вариантами гард не встречены. Следует согласиться с наблюдением С. Л. Дударева касательно тенденции к сокращению длины гард с течением времени⁶. Исследователь объясняет этот процесс влиянием цельножелезных мечей без гард. В этом случае, датировать событие возможно не ранее 1-й половины VII в. до н.э. На мой взгляд, тенденция к сокращению размеров гард объясняется постепенным выведением из оборота длинноклинкового оружия, возвращением к изготовлению привычных для Кавказа форм гард (коротких, дугообразно изогнутых к острию клинка – вариант 2), но с элементами гард 1-го варианта. Процесс этот начался практически одновременно с началом бытования эфесов с длинными гардами и завершился довольно быстро, во второй половине VIII в. до н.э., что наглядно демонстрируется статистическими данными.

¹ Махортых С. В., Черненко Е. В. О кавказских «пекторалях» VIII–VII вв. до н. э. // РА. № 2. 1995.

² Вальчак С. Б., Эрлих В. Р. Еще раз о комплексах типа Новочеркасского клада // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тез. докладов. Краснодар. 1993. С. 17–19; Белинский А. Б., Эрлих В. Р. О хронологии нижнего горизонта могильника Клин-Яр III // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докладов). Кисловодск. 1994. С. 68, 69; Вальчак С. Б., Скаков А. Ю. Дигорские «пекторали» предскифского периода. С. 114–120.

³ Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. К., 1980. С. 185. Рис. 2, 3, 5–6; Эрлих В. Р. У истоков раннескифского комплекса. С. 73–75; Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант С. 9–11. Табл. II, 11, X, 2.; Лесков А. М., Эрлих В. Р. Могильник Фарс/Клады. С. 67–71.

⁴ Петренко В. Г. Комплекс VIII–VII вв. до н.э. из Ставрополя // КСИА. Вып. 170. М. 1982.

⁵ Ловпаче Н. Г. Могильники в устье реки Псекупса. Табл. X; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. Табл. XII; Флеров В. С., Дубовская О. Р. Мужские погребения кобанского могильника Клин-Яр III в г. Кисловодске. Рис. 8, 1–5.

⁶ Дударев С. Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир, 1999. С. 100.

В целом, кинжалы и мечи с округлой в сечении рукоятью второй морфологической совокупности (с короткими гардами), бытовали на протяжении VIII в. до н.э. и в начале – первой четверти VII в. до н.э.

На клинках меча из Лейбница и кинжала из мог. Шахсенгерский (1-й отдел, 1-й подотдел, 1-я морфологическая подгруппа) были найдены бронзовые **обоймицы устья ножен**¹. Все обоймицы по деталям конструкции и орнаменту отличаются друг от друга. Биметаллический кинжал из святилища в с. Хосрех был найден в ножнах, свернутых из бронзового листа². В памятниках горного Дагестана подобные бронзовые ножны встречаются с различными местными типами кинжалов, некоторые из этих ножен имеют треугольные прорезы, подобные тем, что имеются на обоймице из Шахсенгерского могильника³. Для иных территорий юга Восточной Европы свидетельства об использовании бронзовых ножен редки, но часто на клинках встречаются остатки дерева. Деревянные ножны с обкладкой из бронзового листа отмечены у бронзового кинжала с деревянным эфесом в п. 15 (4) мог. Березовский № 1⁴.

Рассмотренные материалы позволяют предполагать существование кинжалов с короткими гардами на всем протяжении предскифского периода. Отчетливо заметна эволюция форм гард от прямых (вариант 1) к изогнутым к клинку (варианты 2 и 3). Длинные гарды встречаются преимущественно у мечей. Длинноклинковое оружие (мечи), употреблявшееся в основном конными воинами, надежно зафиксировано в памятниках первого (1-я половина VIII в. до н.э.) и третьего (конец VIII – 1-я половина VII в. до н.э.). Вполне вероятно, что такое явление было вызвано некоторыми глобальными политическими событиями на юге Восточной Европы: освоением территории и утверждением господства предскифских племен на первом этапе и экспансией киммерийцев в Закавказье на третьем этапе. Относительно стабильный период середины – конца VIII в. до н.э. (2-й хронологический этап) не требовал активных военных действий и необходимости длинноклинкового вооружения. В памятниках этого времени найдено исключительно короткоклинковое оружие (кинжалы). Кинжалы и мечи с гардами 2-го и 3-го варианта выглядят достаточно однообразно, сами по себе они не могут датироваться точнее, чем 2-й половиной VIII – 1-й половиной VII в. до н.э.

Таким образом, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что период появления и развития «северокавказских» кинжалов и мечей с рукоятями округлого сечения может быть определен в рамках VIII – первой половины VII в. до н.э. Гипотезы о более раннем их появлении, как и существовании позднее середины VII в. до н.э., представляются сомнительными.

¹ Тереножкин А. И. Киммерийцы. С. 125. Рис. 74, 3; Давудов, 1985. С. 117. Рис. 1; Абакаров А. И., Давудов О. М. Археологическая карта Дагестана. Рис. 19, 2.

² Давудов О. М. Отчет об археологических исследованиях в Южном Дагестане в 1977 году // Архив ИА РАН, Р-1, № 7342, 7342а. 1977. С.9. Рис. 31: 1, 2.

³ Абакаров А. И., Давудов О. М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993. Рис. 19: 23; 21: 44, 5.

⁴ Рунич А. П., Отчет о археологических разведках в районе Кавминвод за 1963 год // Архив ИА РАН, Р-1. № 2694. 1963. С. 2.

ВАРИАНТЫ

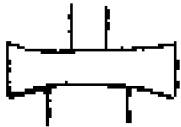
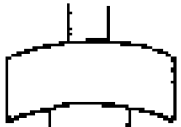
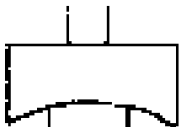

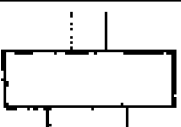

	1	2	3
1			
2			
3			

Схема форм гард.

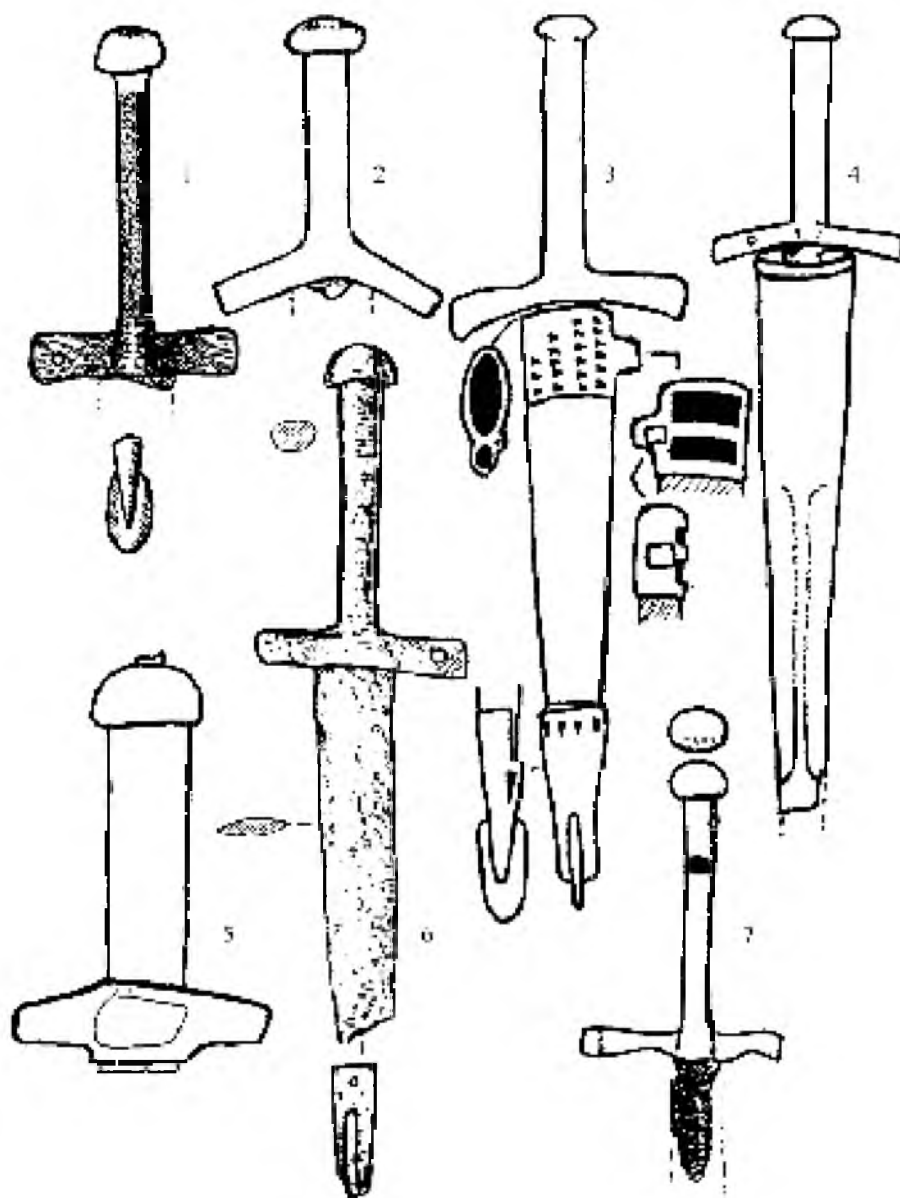

Рис. 1. Кинжалы и мечи с эфесами с длинной гардой.

- 1 – Зандакский 2-й мог., разр. п.; 2 – Мугерганский мог., п. 1; 3 – Шахсенгерекский мог., п. 1;
4 – Хосрехское святилище; 5 – Николаевский мог., п. 83; 6 – Сержень-Юрт, п. 44;
7 – Псекупский мог., разр.п.

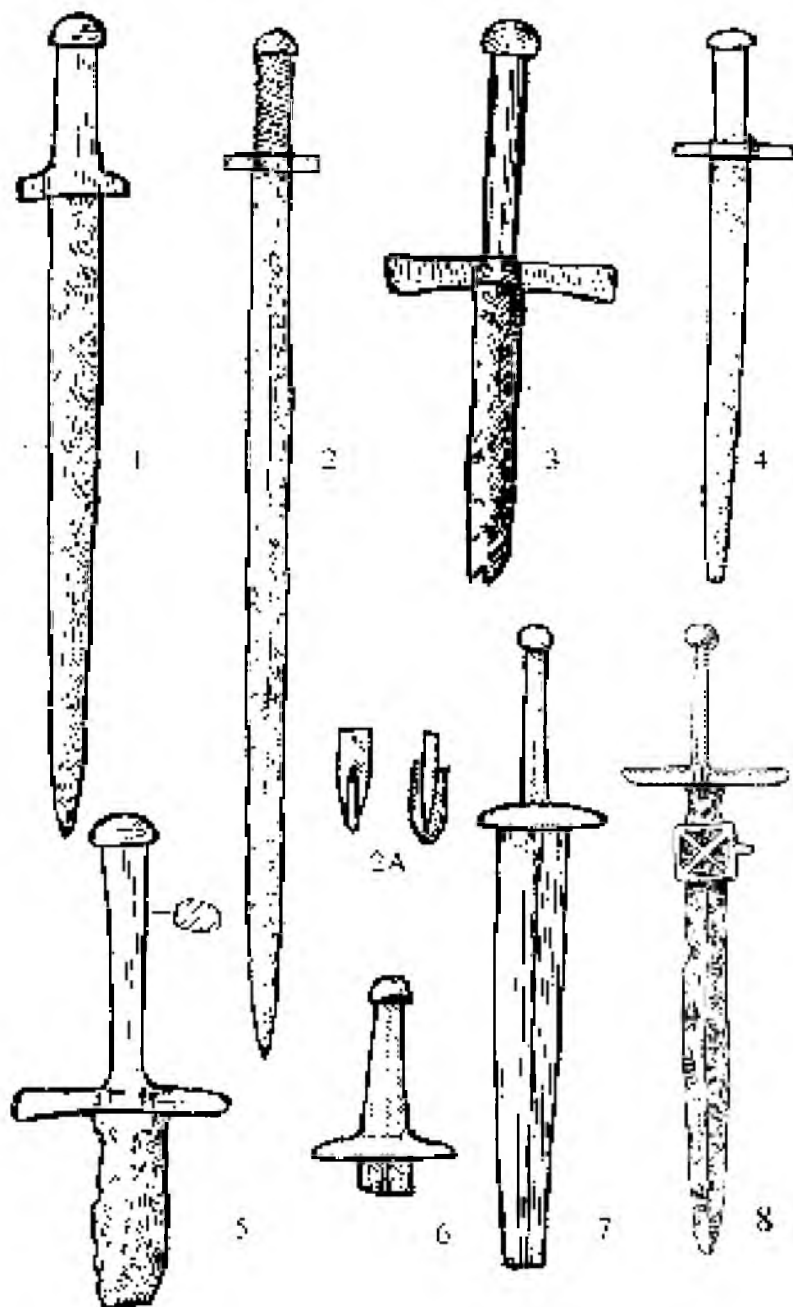

Рис. 2. Кинжалы и мечи с эфесами с длинной гардой.

1 – Среднее Поднепровье, сл. н.; 2 – Субботово, клад 1971 г.; 3 – Демкино, сл. н.;
4 – Билярск, сл. н.; 5 – Головятино, сл. н.; 6 – Комарно; 7 – Нойендорф; 8 – Лейбниц.

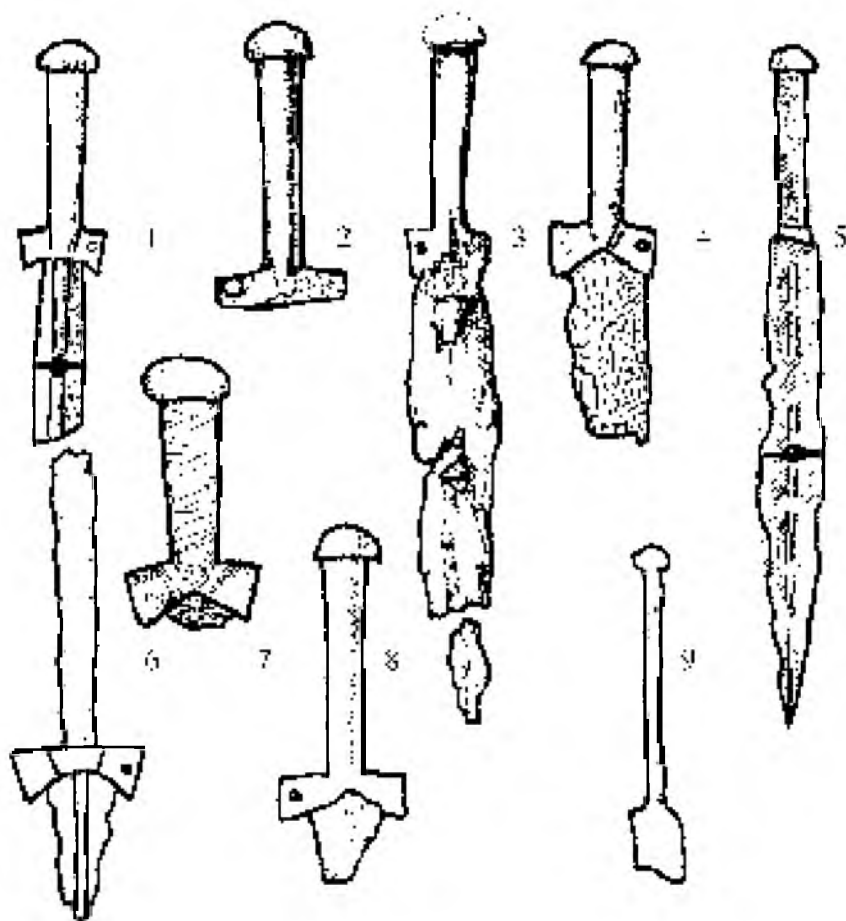

Рис. 3. Кинжалы и мечи с эфесами с короткой гардой.

- 1 – Псекупский мог., п. 56; 2 – Псекупский мог., разр. п.; 3 – Клин-Яр III, п. 186;
4 – Клин-Яр III, п.121; 5 – Псекупский мог., п. 130; 6 – Пшиц, п. 41;
7 – Клин-Яр III, разр. п. 1987 г.; 8 – Кескем, п.5; 9 – Пшиц, разр. п.

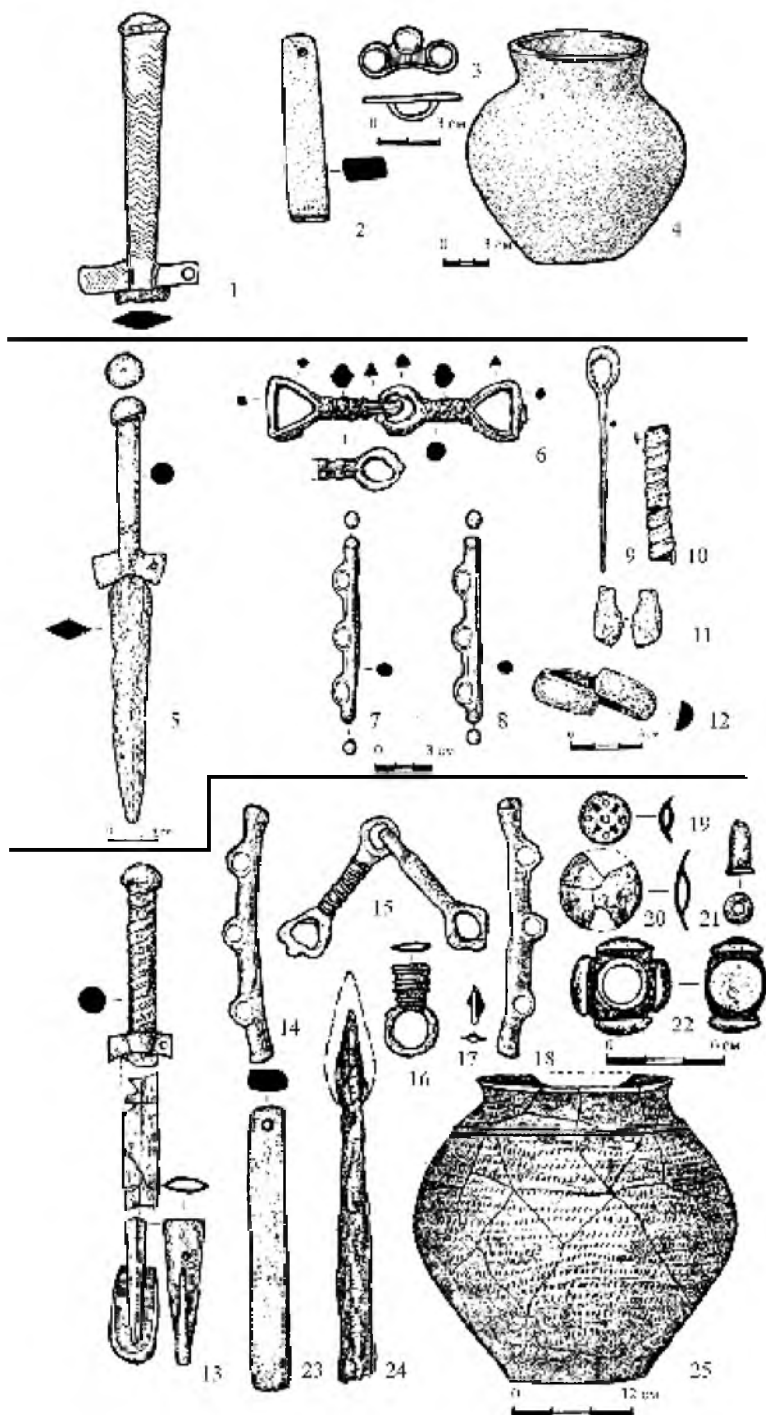

Рис. 4. Комплексы с кинжалами ранней группы.

1-4 - Суворово, к. 5, п. 2; 5-12 - Фарс/Клады, п. 25; 13-25 - Эчкиващ, п. 4.

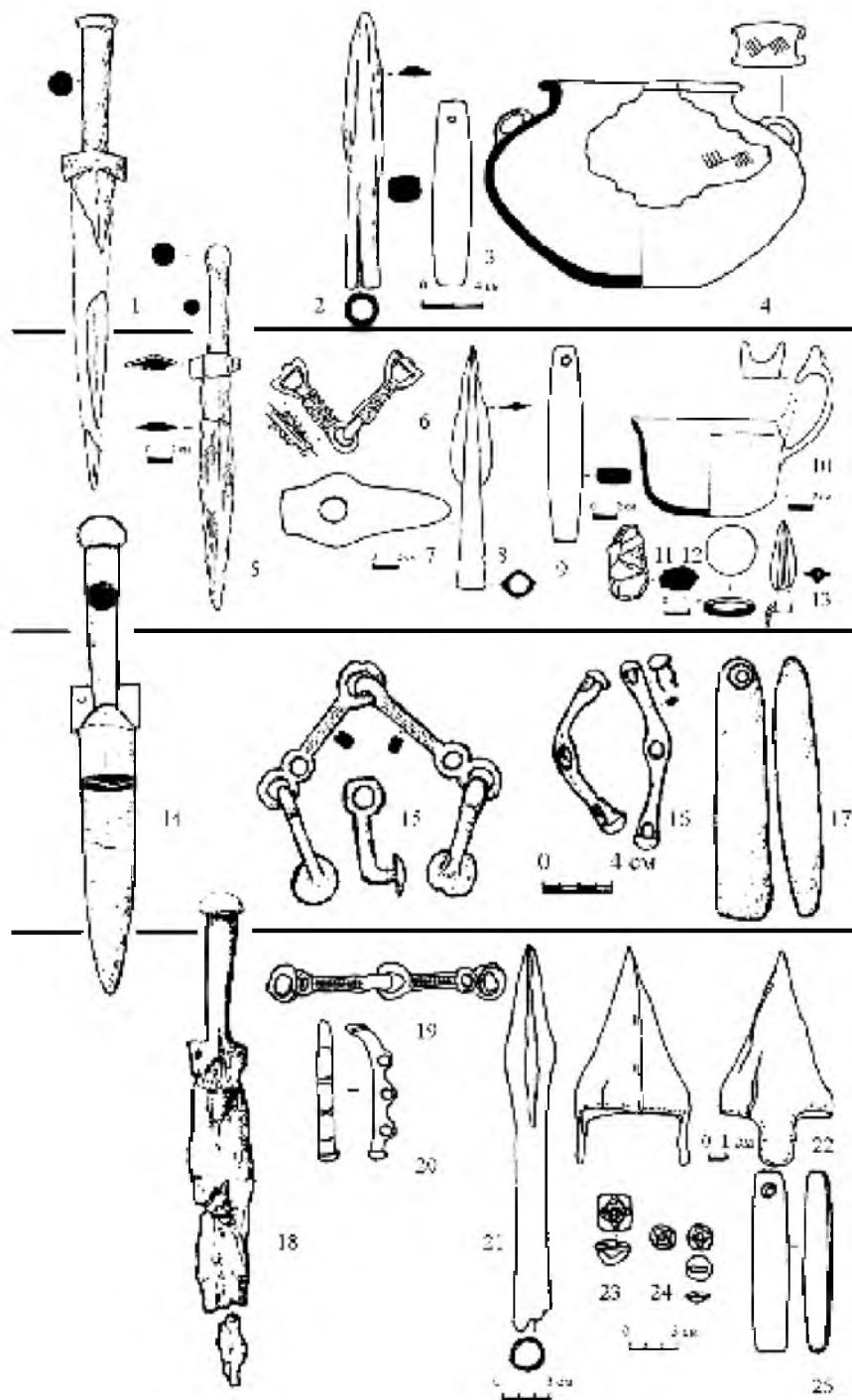

Рис. 5. Комплексы с кинжалами поздней группы.

1-4 - Пшиц, п. 103; 5-13 - Пшиц, п. 95; 14-17 - Дубовая роща, разр. п.;
18-25 - Клинь-Яр III, п. 186.

ВОИНСКИЙ КЕНОТАФ С ЗАХОРОНЕНИЕМ БОЕВОГО КОНЯ НА СРЕДНЕВЕКОВОМ МОГИЛЬНИКЕ АНДРЕЕВСКАЯ ЩЕЛЬ*

В 1991 и 1992 гг. отряд Анапского археологического музея проводил охранные раскопки на средневековом могильнике Андреевская щель¹.

Памятник расположен в 0,5 км восточнее с. Су-Псех Анапского района Краснодарского края, на склоне горы, справа от входа в урочище Андреевская щель, по которому и получил название. Могильник был открыт в 1987 г. сотрудниками Анапского археологического музея во время инспекционного осмотра многослойного, от энеолита до раннего средневековья, поселения, частично перекрытого могильником: разрушенные погребения были обнаружены в траншее газопровода Анапа – Сукко.

Раскопки 1991 и 1992 гг. были вызваны необходимостью доследовать участки могильника, разрушенный при возобновлении осенью 1990 г. строительства газопровода. На участке площадью 100 м² было открыто шесть захоронений: пять детских и погребение боевого коня с набором предметов вооружения. Публикации последнего и посвящена настоящая работа.

Материалы рассматриваемого комплекса уже получили освещение в научной литературе. Е. А. Армарчук в обобщающей работе по археологии Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. привела описание погребения и рисунки основных находок из него². Ею же и автором раскопок в совместной статье, посвященной украшениям конской упряжи из могильника Андреевская щель, опубликованы парадные детали конского снаряжения из рассматриваемого комплекса³. Упомянутые предметы узды были подвергнуты химико-технологическому изучению, осуществленному Л. В. Коньковой⁴. В работе Г. Г. Король были проанализированы особенности декора содержащегося в комплексе парадного начальника⁵.

Захоронение, получившее в полевой документации № 5, было совершено в прямоугольной яме со слегка скругленными углами, размерами 1,95×1,3 м, впущенной в материковую скалу на 0,25–0,3 м. Дно ямы расположено на глубине 0,8 м от

* Автор пользуется случаем выразить глубокую признательность С. А. Плетневой, взявшей на себя труд ознакомиться с черновым вариантом статьи и высказать ряд ценных замечаний, в значительной степени учтенных при подготовке ее к печати, а также А. В. Дмитриеву и А. В. Пьянкову, любезно ознакомивших автора с материалами своих раскопок и принявших участие в обсуждении затронутых в публикации проблем средневековой археологии Северо-Западного Кавказа.

¹ Новичихин А. М. Исследование средневекового могильника Андреевская щель в 1991 и 1992 гг. // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар, 1993. С. 76, 77; Он же. Итоги работ археологического отряда Анапского музея в 1991–1995 гг. // Древности Кубани. Вып. 7. Краснодар, 1998. С. 5.

² Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. М., 2003. С. 215, 216. Табл. 95.

³ Армарчук Е. А., Новичихин А. М. Украшения конской упряжи X–XII вв. из могильника «Андреевская щель» близ Анапы // КСИА. Вып. 216. 2004. С. 59–71.

⁴ Конькова Л. В. Состав металла и технология изготовления украшений конской сбруи из могильника «Андреевская щель» // КСИА. Вып. 216. 2004. С. 71–78.

⁵ Король Г. Г. Два предмета – украшения конского убора XI–XIII вв. из Северо-Восточного Причерноморья (особенности декора) // РА. 2004. № 2. С. 157–167.

современной дневной поверхности. Могила была заполнена плотным серым грунтом с мелкими камнями и фрагментами античной керамики, попавшей из разрушенного культурного слоя поселения. У западного края могильной ямы, на уровне древней дневной поверхности, находилось скопление из пяти камней, возможно связанное с погребением (надмогильный знак – ?).

На дне могильной ямы расчищен скелет лошади, уложенной на правом боку, головой на запад, со слегка подогнутыми ногами (Рис. 1). Лобные кости черепа разрушены, видимо, вследствие удара. На черепе и вокруг него находились пять медных ажурных подвесок-решм и пять медных бубенчиков, две медные крестовидные накладки и семь медных заклепок, в зубах – железные удила. Между черепом и плечевыми костями было помещено деревянное седло, от которого сохранились обе луки, причём по отношению к останкам коня седло было уложено задом наперед. На левую сторону черепа опиралась задняя лука седла, поверх нее лежал сползший с черепа медный начельник. Передняя лука седла перекрывала плечевые кости передних ног. Обе лежали лицевыми сторонами вниз. Из-за плотности грунта взять деревянные части седла монолитом не удалось – дерево было снято крупными фрагментами.

В юго-западном углу могильной ямы, частично на костях передних ног лошади, были обнаружены компактно уложенные предметы вооружения и воинского снаряжения: сильно корродированная спекшаяся железная кольчуга, смятый шлем, свернутая в 1,5 оборота сабля с деталями ножен и портупей, пять железных наконечников стрел и детали колчана, нож, кресало. По обе стороны от этого комплекса располагались костяные петли. Все железные предметы несут следы пребывания в огне.

На позвонках лошади у лопаток находилось одно стремя, второе лежало на костях передней правой ноги, рядом с кольчугой. В средней части позвоночника находилась железная подпружная пряжка, за спиной лошади медная античная монета со следами пребывания в огне, в северо-западном углу могилы, у шейных позвонков – железный наконечник копья.

При разборке костяка лошади под нижней челюстью найдена медная восьмерковидная пряжка, между черепом и комплексом оружия – медный наконечник ремня.

Никаких следов останков погребенного человека в могильной яме не обнаружено, хотя сопровождающий инвентарь представлен не только полным комплектом снаряжения верхового коня, но и оружием и снаряжением конного воина.

Рассмотрим оба комплекса подробнее.

Конская упряжь представлена богатым уздечным набором и деталями парадного седла.

Уздечный набор состоит из железных удил, медных начельника, подвесок-решм, сопровождаемых бубенчиками, крестовидных накладок, заклепок, пряжки и наконечника ремня.

Удила обычные, двусоставные, во внешние петли звеньев вставлены круглые кольца из круглой в сечении проволоки (Рис. 3: 7). Длина звеньев удил 7 и 7,5 см, диаметр колец 4 см.

Начельник состоит из основания в виде сегмента шара и прикрепленной к нему четырьмя заклепками конической втулки с закраиной (Рис. 2: 1). Высота изделия 7 см, диаметр основания 11,5 см. Втулка слегка скошена назад, вследствие чего в основании позади втулки образовалась подковообразная вмятина. Основание, амальгамированное белым металлом, имеет четыре заклепки для крепления начельника к ремням узды. Шляпки заклепок круглые, украшены по краю валиком и пояском псевдозерни. Рядом с ними напаяны четыре круглых обоймы, в которых при

помощи четырех выступов-усиков закреплены вставки из бесцветного прозрачного стекла. Втулка позолочена и украшена гравировкой – сложной плетенкой, образующей три овальных медальона с четырьмя кольцами-завитками вверху, внизу и по сторонам каждый. В поле между медальонами концы плетенки снизу и сверху сливаются в бутоны, направленные вершинами друг к другу. В центральном медальоне изображена сложная плетенка, четыре конца которой завершаются «полулисточками». В медальоне слева от центрального помещено изображение мужчины, идущего влево на полусогнутых ногах, ступни «на пуантах». В правой руке, выставленной вперед и слегка согнутой, мужчина держит коническую чашу на конической подставке, левая рука покоится на поясе. Лоб покатый, нос большой, глаз обозначен кружком. Поперек туловища изображена сабля с грушевидным навершием, прямым перекрестием, двумя полукруглыми скобами для подвешивания, овальным наконечником ножен. В третьем медальоне изображена сидящая по-восточному с подогнутыми под себя ногами женщина. Волосы ее собраны в пучок на темени, глаз обозначен маленьким кружком, согнутые руки женщина держит перед собой. Фон заполнен частыми ударами цилиндрического пунсона (Рис. 2: 1в). Закраина втулки имеет двенадцать отверстий, в четырех из которых сохранились петельки с подвешенными к ним позолоченными бубенчиками. Бубенчики грушевидной формы с линейной прорезью внизу. На концах прорези и по бокам в нижней части – отверстия, окруженные гравированными колечками.

Металлические втульчатые начельники – характерный элемент парадных уздечных наборов Северного Кавказа VIII–XIII вв. В настоящее время в этом регионе их обнаружено более двух десятков: в Центральном Предкавказье – десять в могильниках Кольцо-Гора, Змейском, Мартанчуйском I, у бывшей станицы Фельдмаршальской¹, Кобанском², Балтинском³; в Закубанье – три в могильниках Колосовка⁴, Псекупском⁵, у станицы Кужорской⁶; на Черноморском побережье Западного Кавказа – восемь в могильниках Борисовском⁷, Дюрсо⁸, Молдавановка⁹, Потомственный¹⁰, Сапун¹¹, Андреевская щель, на котором помимо публикуемого найдено

¹ Савенко С. Н., Конские захоронения на могильнике X–XII вв. Кольцо-Гора // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе. 1983. С. 107.

² Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. № 106. 1962. Рис. 5–4; Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского Естественно-исторического музея) // Аланы: история и культура. Alanica III. Владикавказ, 1995. С. 197. Табл. XLIII.

³ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // МАК. Вып. VIII. 1900. С. 133. Табл. XIV, 8–9; Конь и всадник: взгляд сквозь века. Каталог выставки. М. 2003. С. 54. Кат. 109.

⁴ Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс // СМАА. Майкоп, 1961. С. 154, 155. Рис. 11.

⁵ Ловпаче Н. Г. Могильники в устье реки Псекупса // ВАА. Майкоп, 1985. Табл. XXVII, 1.

⁶ Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка... С. 155; Ловпаче Н. Г. Изображение зверей в торевтике адыгов // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1980. Табл. III.

⁷ Саханев В. В., Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // ИАК. Вып. 56. 1914. С. 145. Рис. 28, 4. Табл. IV, 22.

⁸ Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М. 2003. С. 204. Табл. 91, 27.

⁹ Тарабанов В. А. Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдавановское Крымского района в 1989 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 гг. Ейск, 1992. С. 27. Рис. 2, 7.

¹⁰ Раскопки М. Г. Минеева и А. Б. Григорьева. Материалы хранятся в Геленджикском краеведческом музее.

¹¹ Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003. С. 218. Табл. 98, 14; Армарчук Е. А., Дмитриев А. В., Конькова Л. В. Парадное конское оголовье из средневекового курганного погребения в Северо-Восточном Причерноморье // ПА. № 2. 2004. С. 150. Рис. 1, 5–7.

еще два начельника, происходящих из разрушенных комплексов¹. Наиболее близкими аналогиями начельнику из погребения 5 являются начельники из Колосовки², комплекса 1 могильника Кольцо-Гора³ и начельник, случайно найденный на могильнике Андреевская щель в 1988 г.⁴

Следует отметить, что из всех северокавказских начельников лишь один имеет украшенную гравированную втулку – начельник из погребения, открытого в станице Кужорской⁵. По форме она не цилиндрическая, а, скорее, биконическая, но гравированное изображение на ней очень близко гравировке на втулке публикуемого начельника из Андреевской щели – плетенка образует четыре медальона с вписанными в них фигурами животных и птиц. Несмотря на отличия в деталях, можно предположить, что обе гравировки являются произведениями одной художественной школы, или даже одной мастерской.

Орнамент в виде плетенки, образующей овальные или округлые медальоны, часто с вписанными в них изображениями, известен и на других памятниках торевтики XI–XII вв. из северокавказских находок: игольник и копоушки из могильника Колосовка⁶, пластины-амулеты из Змейского могильника⁷.

Интерпретация сюжета изображения в медальонах на втулке начельника из погребения 5 едва ли может быть однозначной и несомненно требует специального исследования. Определенным шагом в изучение декора и сюжета гравировки на втулке является недавняя работа Г. Г. Король⁸. Отметим, что близкая, как представляется, сцена (мужчина с чашей в руке подбоченясь стоит перед женщиной (?)) имеется среди изображений на стенах аланского дольменообразного склепа XI–XII вв. с реки Кривой⁹.

Единый комплекс с начельником составляют пять ажурных подвесок-решим с листовидными рамками, в которые помещены косые кресты. Рамки оформлены в виде ленты с тремя завитками (вверху и по бокам) и пояском выпуклых точек посередине. В центре перекрестия – круглое гнездо со стеклянной вставкой. Сверху решимы имеют ушко, к которому шарнирно прикреплен круглый щиток с рядом выпуклых точек по краю и выступающим круглым гнездом со вставкой из бесцветного прозрачного стекла, фиксируемой четырьмя зажимами. Внизу рамки – по два ушка для крепления бубенчиков. Лицевая сторона рамок и подвижных щитков позолочена, на обратной стороне имеются гвоздики для крепления подвесок к ремням узды. Подвески несут сле-

¹ Армарчук Е. А., Новичихин А. М. Украшения конской упряжи X–XII вв. из могильника «Андреевская щель» близ Анапы // КСИА. Вып. 216. 2004. С. 60–62. Рис. 1.

² Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс // СМАА. Майкоп, 1961. Рис. 11.

³ Савенко С. Н. Конские захоронения... С. 106. Рис. 2,2; Он же. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII вв. могильника Кольцо-Гора // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 76, 77. Рис. 2, 9.

⁴ Хранится в Анапском археологическом музее, № КМ 8681. Армарчук Е. А., Новичихин А. М. Украшения конской упряжи... С. 60. Рис. 1, 1.

⁵ Ловпаче Н. Г. Изображение зверей в торевтике адыгов // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1980. Табл. III.

⁶ Ловпаче Н. Г. Изображение зверей в торевтике адыгов. Табл. V. Табл. VI, 3; Дитлер П. А. Могильник Колосовка № 1 (Раскопки 1962 г.) // ВАА. Майкоп, 1985. С. 131–132. Табл. V: 22–23, 25.

⁷ Кузнецов В. А. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // СА. 1959. № 2. Рис. 15, 1, 2; Он же. Змейский катакомбный могильник по раскопкам 1957 г. // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961. Табл. XII, 5; Он же. Аланские племена Северного Кавказа. Рис. 13, 5, 6.

⁸ Король Г. Г. Два предмета – украшения конского убора XI–XIII вв. из Северо-Восточного Причерноморья (особенности декора) // РА. № 2. С. 157–167.

⁹ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. С. 52–56. Рис. 18; Он же. В верховьях Большого Зеленчука. М., 1977. С. 102, Рисунок; Охонько Н. А. Изображения на стенах гробницы с реки Кривой // СА. 1983. № 2. Рис. 2.

ды длительного использования – некоторые гнезда на перекрестиях и на щитках утратили стеклянные вставки (Рис. 2, 2–6). Длина рамок решм 4–4,5 см.

Начельники в северокавказских парадных уздечных уборах обычно сопровождаются подобными подвесками-решмами. В наборах IX–X вв. они плоские – круглые или листовидные¹, в комплексах XI–XII вв. – как правило, ажурные, реже сплошные, с овальной или листовидной рамкой, подвижно прикрепленным щитком и подвешенными бубенчиками². Практически полными аналогиями решмам из Андреевской щели являются вторично использованная в качестве женского украшения подвеска из погребения 15 Колосовского могильника и «ажурная бляха с ушком» из катакомбы 67 Змейского могильника: отличие заключается лишь в отсутствии у колосовского и змейского экземпляров гнезда для стеклянной вставки в центре перекрестия³. Близкую форму имеют решмы из катакомбы 15 Змейского могильника⁴, разрушенного могильника у п. Школьный⁵, а также подвеска, случайно найденная близ х. Бужор Анапского района⁶.

Бубенчики, сопровождавшие подвески-решмы, двух видов. Высота бубенчиков 1,8–2,1 см. Три из них грушевидной формы, штампованные, спаянные из двух половинок, посередине бубенчиков проходит кольцевой горизонтальный валик, нижняя часть покрыта вертикальными каннелюрами, вверху – петелька для подвешивания. Одна из сторон покрыта позолотой (Рис. 2: 2, 4, 5). Два других бубенчика также грушевидной формы, штампованные и спаянные из двух половинок, посередине бубенчиков также проходит кольцевой горизонтальный валик. Отличие заключается в наличии в верхней части бубенчиков утолщения, отсутствии каннелюр и позолоты (Рис. 2: 3, 6). Судя по всему, каннелированные позолоченные бубенчики входили в первоначальный комплект решм, а бубенчики второго вида были подвешены взамен утраченных – решмы, рядом с которыми они найдены, сохранили в нижних петлях ушки от обломившихся бубенчиков. Аналогичные бубенчики входили в комплекты подвесок решм из 15 змейской катакомбы, комплекса I Кольцо-Горы, уздечного набора из Колосовки⁷.

¹ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. Табл. XVI; Кузнецов В. А., 1962. Аланские племена Северного Кавказа. Рис. 5: 5–6; Хайнрих А., 1995. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан. С. 197. Табл. XXXVII–XXXIX, Табл. XL: 1, 3, 4. Табл. XLI: 7; Конь и всадник... С. 54. Кат. 109; Ловпаче Н. Г. Могильники в устье реки Псекупса // ВИА. Майкоп, 1985. Табл. XXVII: 10; Саханев В. В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. Табл. IV: 25; Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков. Табл. 91: 20–25; Тарабанов В. А. Раскопки средневекового кремационного могильника... Рис. 2, 8, 10, 12.

² Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник по раскопкам 1957 г. Табл. X: 5; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. Рис. 8, 9; Савенко С. Н. Конские захоронения на могильнике X–XII вв. Кольцо-Гора. Рис. 2, 3; Он же. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII вв. могильника Кольцо-Гора. Рис. 2, 8; Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс. Рис. 10. Табл. XII, 6.

³ Дитлер П. А. Могильник Колосовка № 1 (Раскопки 1962 г.) // ВИА. Майкоп. 1985. Табл. IV, 25; Кузнецов В. А. Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. // Аланы: история и культура. Alapica III. Владикавказ, 1995. С. 335. Рис. 10, 7.

⁴ Дитлер П. А. Змейский катакомбный могильник по раскопкам 1957 г. Табл. X, 5; Он же. Аланские племена Северного Кавказа. Рис. 8, 9.

⁵ Материалы не опубликованы. Хранятся в Анапском археологическом музее.

⁶ Хутор Бужор расположен в нескольких сотнях метров от урочища Андреевская щель. Нельзя исключать, что данная находка может быть связана с исследуемым средневековым некрополем. Армарчук Е. А., Новичихин А. М. Украшения конской упряжи X–XII вв. из могильника «Андреевская щель» близ Анапы. С. 66. Рис. 3, Е.

⁷ Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник по раскопкам 1957 г. Табл. X, 5; Он же. Аланские племена Северного Кавказа. Рис. 8, 9; Савенко С. Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII вв. могильника Кольцо-Гора. Рис. 2, 8; Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс. Рис. 10.

К конскому убору относились и две накладки в виде крестов с овальной формы концами и плоским круглым выступом в центре размерами 1,8×1,8 см. Лицевая сторона накладок позолочена, на обратной стороне каждой из лопастей гвоздик для крепления (Рис. 2: 7, 8). Очевидно, накладки не только имели декоративное назначение, но и служили для крепления перекрестных ремней конской узды. В момент находки они находились на носу лошади, одна над другой.

То же назначение имели, видимо, и заклепки в виде гвоздиков с широкими позолоченными шляпками диаметром 0,8 см, украшенными по краю пояском выпуклых точек, а в центре – плоским круглым выступом (Рис. 2: 9).

Медная прогнутая пряжка (в виде восьмерки) длиной 3,4 см в центральной части перемины сохранила остатки железного язычка, для которого в одном из колец, служившем рамкой, проточен желобок. По сторонам перемины декорирована овальными выступами (Рис. 2: 10). Пряжка имеет аналогии в материалах Змейского могильника¹ и погребении 30 могильника Кольцо-Гора².

Кроме того, в комплект узды входил плоский наконечник ремня со следами амальгамы белого металла. Нижнее основание его округлено, в верхнем – фигурный вырез. На оборотной стороне два гвоздика для крепления к кожаной основе (Рис. 2: 11). Длина наконечника 3,3 см.

Таким образом, детали уздечного убора (Рис. 3: 1) находят аналогии в комплексах, связанных с богатыми воинскими погребениями Центрального Предкавказья (Змейская, Кольцо-Гора) и Закубанья (Колосовка). Катакомбы Змейского могильника В. А. Кузнецов датировал XI–XII вв.³ Комплексы могильника Кольцо-Гора датируются С. Н. Савенко концом XI – первой половиной XII вв.⁴ Могильник Колосовка отнесен автором раскопок П. А. Дитлером к X–XI вв.⁵ Уздечный набор из могильника Андреевская щель также, очевидно, следует отнести к XI – первой половине XII вв., однако, учитывая следы длительного использования на некоторых предметах убора, дату включения его в состав погребального инвентаря можно ограничить первой половиной XII в.

От седла сохранились деревянные луки с металлическими деталями, железная прямоугольная пряжка и стремяна.

Передняя лука арочной формы высотой 18 см и шириной 27 см с бортиком по нижнему краю лицевой стороны (Рис. 3: 2а). Задняя лука также арочной формы высотой 15 см и длиной 27 см, но несколько иной конфигурации (Рис. 3: 2б), что обусловлено ее наклонным положением в конструкции седла. Обе луки были обтянуты кожей, крепившейся по периметру лицевой стороны серебряными гвоздиками длиной 0,6–0,8 см с плоскими круглыми шляпками (всего около 500) (Рис. 2: 16). Помимо крепления кожи шляпки гвоздей служили, видимо, и украшением седла. Вместе с гвоздиками у верхнего края лицевой стороны кожу крепили плоские круглые кольцевидные накладки диаметром 0,7 см с посеребренной поверхностью и двумя выступами для крепления с оборотной стороны (Рис. 2: 17). Поле лук было украшено медной золоченой аппликацией в виде плетенки, образованной лентой с пунсонным орнаментом (Рис. 2: 18). Аппликация крепилась к дереву серебряными гвоздиками. У верхнего края крыльев обеих луки были прикреплены

¹ Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник по раскопкам 1957 г. Табл. IX.

² Савенко С. Н. Конские захоронения на могильнике X–XII вв. Кольцо-Гора. Рис. 1, 12.

³ Кузнецов В. А. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. С. 115; Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник по раскопкам 1957 г. С. 129; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. С. 26–27.

⁴ Савенко С. Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII вв. могильника Кольцо-Гора. С. 80.

⁵ Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс. С. 164; Он же. Могильник Колосовка № 1 (Раскопки 1962 г.). С. 134.

медные золоченые восьмерковидные накладки размерами 2,3×1,2 см в виде двух плоских, покрытых насечкой колец, соединенных выступающей бантовидной перемычкой (Рис. 2: 12–15). Кроме того, в поле передней луки располагались три прямоугольнорамчатые медные позолоченные накладки размерами 2×2,3 см, оформленные в виде плетенки из двойной, гладкой изнутри и покрытой насечкой снаружи ленты, образующей по углам рамки завитки (Рис. 2: 19–21). Оба типа накладок крепились к дереву с помощью расположенных на оборотной стороне гвоздиков (Рис. 3: 2).

Стремена, одно из которых сохранилось полностью, а второе во фрагментах, – арочного контура, дужка в сечении овальная, в верхней части она расширена и имеет прямоугольную прорезь для ремня, подножка расширенная, выпуклая, с внешней стороны усилена четырьмя продольными валиками (Рис. 4: 8, 9). Высота стержней 13,5 см, ширина подножки 4 см.

Железная подпружная пряжка прямоугольной формы с продольным язычком размерами 4,5×3,5 см (Рис. 4: 10).

Помещенное в могильную яму оружие представляет собой практически полный набор наступательного (сабля, наконечник копья, наконечники стрел) и защитного (кольчуга, шлем) вооружения.

Сабля¹ с прямым однолезвийным, на 13 см от конца обоюдоострым клинком с широким долом на одной из сторон (лицевой). На тыльной стороне клинка, у его окончания – выступ-елмань, у основания на лезвии – пластинчатая обойма. Общая длина сабли 71 см, черен для рукояти выделен с обеих сторон, слегка наклонен в сторону лезвия (Рис. 5: 1). Перекрестие напускное, овальное в плане, верхнее основание его прямое, нижнее в виде тупого угла, направленного вершиной к клинку, с двумя вытянутыми каплевидными выступами по сторонам. На лицевой стороне перекрестия поперечные бороздки – гнезда для инкрустации проволокой цветного металла, утраченной при кремации (Рис. 5: 1а). В могилу сабля была помещена свернутой в 1,5 оборота. Железное навершие рукояти имеет форму овальной втулки с выпуклым уплощенношаровидным завершением, на основании по обеим сторонам полукруглые выступы, соединенные стержнем, над ними с лицевой стороны – кольцо для темляка (Рис. 5: 1б). От ножен сабли сохранились железные детали: дуговидно изогнутая портупейная скоба (Рис. 5: 1в) и наконечник ножен в виде овальной втулки с выпуклым уплощенно шаровидным завершением. Лицевая сторона наконечника покрыта поперечными бороздками, служившими, как и на перекрестии, гнездами для инкрустации проволокой цветного металла (Рис. 5: 1г).

Форма перекрестия сабли напоминает гарду парадной сабли из катакомбы 14 Змейского могильника². Время изготовления змейской сабли В. А. Кузнецов определяет XI в., время помещения в погребение – XII в.³ Имеется сходство и с некоторыми сабельными перекрестиями из кремационных погребений могильника Черноклен в Западном Закубанье⁴. Сабельные клинки с долом известны в ма-

¹ Возможно, данный экземпляр клинкового оружия следует атрибутировать как палаш. Соловьев А. И. О некоторых характеристиках клинкового оружия // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1985. С. 153.

² Кузнецов В. А. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. Рис. 3; *Он же*. Змейский катакомбный могильник по раскопкам 1957 г. Табл. V, 2; *Он же*. Аланские племена Северного Кавказа. Рис. 7, 1.

³ Кузнецов В. А. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. С. 103; *Он же*. Змейский катакомбный могильник по раскопкам 1957 г. С. 127.

⁴ Пьянков А. В. Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // МИАК. Вып. 1. Краснодар, 2001. Рис. 7, 33.

териалах первой хронологической группы (X–XII вв.) Убинского могильника в Закубанье¹.

Наконечник копья массивный, с круглой конической втулкой, плавно переходящей в четырехгранное перо в форме вытянутого треугольника (Рис. 4: 1). Длина наконечника 28 см.

От колчана сохранились железные пластины, скобы, небольшой гвоздик (Рис. 4, 12–17). Колчанный набор состоял из пяти наконечников стрел. Все наконечники черешковые, с высоким порожком, три имеют перо ланцетовидной формы, четвертый, самый крупный – лавролистной, пятый наконечник представляет собой вильчатый срезень (Рис. 4: 2–6). Длина наконечников от 7,5 до 13 см.

Кольчуга оказалась сильно коррозированной и в момент раскопок представляла собой бесформенный монолит, распавшийся при выемке на четыре крупных и множество мелких кусков. Из-за коррозии техника плетения неясна. На отдельных участках отчетливо видно чередование колец диаметром 0,8 см и диаметром 0,9 см, сечение колец овальное.

Железный шлем сфероконической формы высотой около 30 см, склепан из двух половинок путем крепления при помощи заклепок к их стыкам с внутренней стороны узкой пластины (Рис. 5: 2). Шлем увенчан восьмигранным навершием с овальным отверстием в верхнем основании и двумя круглыми отверстиями, расположенными на противоположных гранях (Рис. 5: 2а). Тулья шлема украшена приклепаннными к основе ажурными пластинами с медными прокладками, изображающими бутоны и побеги. Поверхность шлема, возможно, была посеребрена – при реставрации отчетливо были видны капельки белого металла от расплавившейся при кремации амальгамы. На одном из стыков – выпуклая четырехугольная заклепка – след ремонта (?) (Рис. 5: 2б).

В целом шлем близок древнерусским сфероконическим шлемам II типа по классификации А. Н. Кирпичникова². В отличие от большинства древнерусских шлемов он, как указывалось, склепан не из четырех, а из двух пластин. Шлем подобной конструкции поступил в 1894 г. в Эрмитаж из Археологической комиссии³.

Отдельно найдена кольчужная бармица шлема в виде свернутой ленты шириной около 20 см. Бармица сплетена из колец диаметром 0,7 см, сечение колец овальное, по краю (верхнему – ?) прикреплена тонкая железная лента.

Помимо оружия в состав инвентаря погребения входили предметы воинского снаряжения: железный нож длиной 17 см с прямым клинком и выделенным черенком, на одной из сторон клинка вдоль спинки, прослеживается узкий желобок (рис. 4: 20); овальнорамчатое кресало размерами 5×2,5 см с уплощенной рабочей частью и сомкнутыми, заходящими друг за друга концами (Рис. 4: 11); костяные петли, служившие креплениями пут, в форме вытянутых (длина 6–6,3 см) пластин, одна сторона которых прямая, другая слегка скруглена, в центральной части – прямоугольное отверстие (Рис. 4: 18, 19). Все предметы, относящиеся к снаряжению всадника, хронологически недостаточно выразительны, большинство имеет широкий период бытования (X–XIII вв.).

¹ Стрельченко М. Л. Вооружение адыгейских племен в X–XV вв. (По материалам Убинского могильника) // Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края. Краснодар, 1960. С. 146.

² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1–36. 1971. С. 25

³ Ленц Э. Э. Предметы вооружения и конского убора, найденные близ села Демьяновка Мелитопольского уезда // ИАК. Вып. 2. 1902. С. 89, 90. Рис. 13; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. С. 28, 29. Табл. XIII, 1.

Особняком стоит найденная в погребении монета. Она относится к чекану боспорского царя Митридата VIII и датируется 39/40–41/42 гг. н.э.¹ В данном случае, судя по всему, имеет место использование древней монеты, не имевшей практического назначения и, очевидно, помещенной в могилу в ритуальных целях².

Таким образом, хронологически выразительные предметы комплекса, прежде всего великолепный уздечный набор, позволяют относить захоронение к первой половине XII в. Наличие следов воздействия огня на сопровождающих погребение предметах дает основания связывать публикуемый комплекс с кругом средневековых погребальных памятников, совершенных по обряду трупосожжения.

Обряд кремации появился на Северо-Западном Кавказе (в Закубанье и Причерноморье) в середине VIII в. и сохранился здесь, видоизменяясь со временем в отдельных элементах, вплоть до XIII в. Если на начальном этапе, во второй половине VIII–IX вв., кремированные останки погребенного вместе с обожженным инвентарем укладывались в неглубокие ямки Борисовский, третья хронологическая группа³, Дюрсо, вторая хронологическая группа, или четвертый период по новейшей периодизации⁴, Псекупский⁵, Казазово II⁶, Молдавановский⁷, то в X–XII вв. прах обычно помещался в керамические сосуды-урны Убинский⁸, Колосовка I⁹, Псекупские 2 и 4¹⁰, Абинский 4¹¹, Черноклен¹², Циплиевский¹³, Ленинахабльский¹⁴, Бжид 1¹⁵, а в XII–XIII вв. получил распространение обычай возведения над погребением курганной насыпи (курганы в окрестностях Новороссийска и Геленджика¹⁶).

¹ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев. 1986. С. 151. Табл. 12, 330

² Новичихин А. М. Вторичное использование античных монет на средневековом могильнике Андреевская щель // Древности Кубани. Вып. 4. Краснодар, 1997. С. 14–16.

³ Саханев В. В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. С. 141–155.

⁴ Дмитриев А. В. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VII – начала IX века в районе Новороссийска – Геленджика // VIII Крупновские чтения. Тез. докл. Нальчик. 1978. С. 48–49; Он же. Могильник эпохи переселения народов на р. Дюрсо // КСИА. Вып. 158. 1979. С. 54–55; Он же. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков. С. 203–205, 206.

⁵ Ловпаче Н. Г. Могильники в устье реки Псекупса. С. 24, 25.

⁶ Пьянков А. В. Новый средневековый могильник у аула Казазово // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 158–165; Тарабанов В. А. Исследование раннесредневековых памятников в Адыгее в 1986 году // Древности Кубани. Вып. 14. Краснодар, 1999. С. 20–26.

⁷ Тарабанов В. А. Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдавановское Крымского района в 1989 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 гг. Ейск, 1992. С. 76–78.

⁸ Стрельченко М. Л. Вооружение адыгейских племен в X–XV вв. С. 143–144.

⁹ Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс. С. 155–159; Он же. Могильник Колосовка № 1. С. 114–140.

¹⁰ Ловпаче Н. Г. Могильники в устье реки Псекупса. С. 24, 25.

¹¹ Пьянков А. В. Средневековый могильник Абинский 4 // Древности Кубани и Черноморья (Studia Pontocaucaica). Краснодар, 1993. С. 123–139.

¹² Пьянков А. В. Средневековый могильник Черноклен из Краснодарского края // XV Крупновские чтения. Махачкала, 1988. С. 63, 64.

¹³ Пьянков А. В. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение // Вестник Абинского народного музея. Вып. 3. Абинск, 2000. С. 12–25.

¹⁴ Носкова Л. М. Средневековый кремационный могильник близ а. Ленинахабль // Древности Кубани. Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 1991. С. 76–77; Она же. Кремационный урновый могильник близ бывшего а. Ленинахабль в Адыгее // Материальная культура Востока. М., 1999. С. 101–225.

¹⁵ Пьянков А. В. Урновые трупосожжения из могильника Бжид 1 // Древности Кубани. Вып. 9. Краснодар, 1998. С. 16–23.

¹⁶ Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // МАК. Вып. II. 1889. С. 66, 67, 75, 76, 100, 101; Саханев В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. С. 201, 202; Минеев М. Г. К вопросу формирования средневековой адыгейской общности // Краткие содержания

Единичные захоронения боевых коней, сопровождающие погребения воинов, отмечены на могильниках X–XII вв. Чернооклен¹, в курганах XII–XIII вв. такие захоронения становятся традиционными².

Отсутствие в могильной яме кремированных останков человека не позволяет определить публикуемый комплекс как погребение. Не исключено, что урна с прахом была погребена вне пределов могильной ямы. Как сообщил автору А. В. Дмитриев, подобные случаи известны в курганах XIII в. в районе Новороссийска, причем в нескольких случаях урна находилась за спиной лошади, к северу от могильной ямы, а этот участок на могильнике Андреевская щель остался неисследованным. Однако более вероятным представляется считать рассматриваемое захоронение кенотафом.

Судя по многочисленным находкам предметов вооружения в большинстве закубанских и причерноморских кремационных погребений, носители этого обряда составляли довольно милитаризованное общество, одним из видов деятельности которого был военный промысел. Неотъемлемой частью этого прибыльного, но опасного промысла являлись вооруженные набеги, причем, возможно, очень дальние. Несомненно, что далеко не все павшие в боях участники таких походов могли быть погребены на родине (если вообще их тела доставались соплеменникам). В таком случае на родине погибшего мог сооружаться кенотаф.

Такие ложные погребения известны на могильниках с трупосожжениями. Так, среди погребений третьей хронологической группы Борисовского могильника В. В. Саханевым выделено семь комплексов предметов, несущих следы пребывания в огне, но не сопровождавшихся кремированными останками человека³. В двух случаях (погребения 134 и 144) комплексы представляли собой комплекты предметов вооружения и конского снаряжения, причем «погребение 134» является одним из самых насыщенных инвентарем комплексов Борисовского могильника⁴. Кенотафом, судя по всему, было и погребение VIII–IX вв., открытое при раскопках меотского Тахтамукаевского могильника – оно представляло собой скопление обожженных предметов вооружения и конской узда и не содержало останков человека⁵. При раскопках могильника Бжид 1 открыт сопровождавшийся захоронением коня кенотаф, синхронный группе кремационных погребений XII в.⁶ Захоронения коней XII–XIII вв., сопровождавшихся несущими следы пребывания в огне саблями при отсутствии кремированных останков человека,

докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1985 г. Л., 1986. С. 11, 12; Дмитриев А. В. К вопросу об этнической принадлежности погребений с конем в средневековых курганах в районе Новороссийска // XV Крупновские чтения. Махачкала. 1988. С. 77, 78; Носкова Л. М. Исследования средневековых курганов в пос. Кабардинка // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 гг. Ейск, 1992; Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков // Археология, этнография и краеведению Северного Кавказа. Тез. докл. межрег. научн. конф. Ставрополь, 2001. Рис. 7, 22.

¹ Пьянков А. В. Средневековый могильник Чернооклен из Краснодарского края. С. 64; Он же. Касоги (касахи) кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тез. докл. межрег. научн. конф. Ставрополь, 2001. Рис. 7, 22.

² Дмитриев А. В. К вопросу об этнической принадлежности погребений с конем в средневековых курганах в районе Новороссийска. С. 59–61; Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. С. 216.

³ Саханев В. В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. С. 141.

⁴ Там же. С. 118, 119.

⁵ Анфимов Н. В. Тахтамукаевский могильник // СММА. Майкоп. Т. II. 1961. С. 197.

⁶ Пьянков А. В. Урновые трупосожжения из могильника Бжид 1. С. 17.

которые также могли быть кенотафами, открыты на Цемдолинском могильнике близ Новороссийска¹.

Вопрос об этнической атрибуции носителей обряда трупосожжения в Закубанье и Причерноморье, несмотря на большое число исследованных памятников, долгое время был далек от окончательного решения². Так, Е. П. Алексеева предполагала, что кремации следует считать погребениями предков абазин³, М. Л. Стрельченко и М. Г. Минеев – одной из разновидностей погребального обряда адыгов⁴. А. В. Дмитриев, А. В. Пьянков и В. А. Тарабанов находили в погребальной обрядности и материальной культуре носителей традиции трупосожжения элементы, позволяющие связывать эти памятники со степными кочевниками – тюрками или тюрко-уграми⁵. В последние годы А. В. Пьянковым и Е. А. Армарчук приведены аргументы, дающие основание идентифицировать носителей обряда кремации в Закубанье и Причерноморье с историческими касогами⁶. Аналогичное мнение об этнической атрибуции закубанских и причерноморских кремаций высказывал и автор настоящей статьи⁷.

Публикуемое захоронение, как, впрочем, и другие открытые на могильнике Андреевская щель погребения, не дают новой информации в поддержку какой-либо из перечисленных гипотез. Однако, вне зависимости от этнической принадлежности, этот неординарный, как по обряду, так и по выразительному вещевому набору, комплекс позволяет связывать пока еще мало изученные средневековые древности района Анапы с широким кругом средневековых культур Северного Кавказа.

¹ Армарчук Е. А., Малышев А. А. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир–М., 1997. С. 112.

² Дмитриев А. В. Проблемы изучения средневековых памятников в районе Новороссийска // Материалы к научно-практическому семинару археологов на тему: «Итоги полевых исследований археологических памятников Краснодарского края в 1982–1983 гг. и задачи на 1984–1985 гг.» Краснодар, 1984. С. 8; Пьянков А. В. Проблемы средневековой археологии западных адыгов // Первая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар, 1989. С. 112.

³ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 195, 196.

⁴ Стрельченко М. Л. Вооружение адыгейских племен в X–XV вв. С. 143, 144; Минеев М. Г. К вопросу формирования средневековой адыгейской общности. С. 11, 12.

⁵ Дмитриев А. В. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VII – начала IX века в районе Новороссийска–Геленджика. С. 48, 49; Он же. Могильник эпохи переселения народов на р. Дюрсо. С. 54, 55; Он же. К вопросу об этнической принадлежности погребений с конем в средневековых курганах в районе Новороссийска. С. 77, 78; Пьянков А. В. Новый средневековый могильник у аула Казазово. С. 164; Он же. Средневековая археологическая культура адыгов // Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар, 1997. С. 438; Тарабанов В. А. Болгарские племена на территории края. Хазарский каганат // По страницам истории Кубани. Краснодар, 1993. С. 39; Тарабанов В. А. Кремационные погребения VIII–X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 1994. С. 58, 59.

⁶ Пьянков А. В. Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа. С. 117–120; Там же. С. 198–206; Гавритухин И. О., Пьянков А. В. Древности и памятники VIII–IX веков // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М. 2003. С. 199; Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003. С. 225.

⁷ Новичихин А. М. Анапский район в средние века // Очерки по истории Анапы. Анапа, 2000. С. 91, 92.

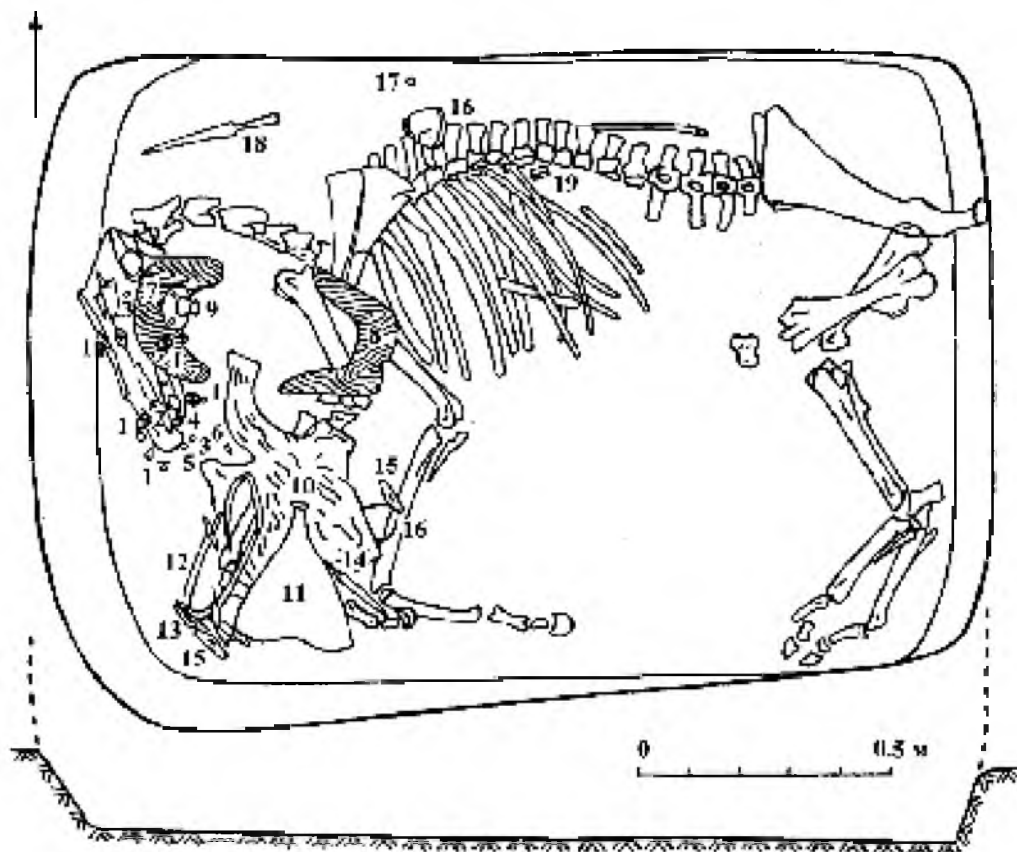

Рис. 1. Могильник Андреевская щель. План и разрез погребения 5.

- 1 – подвески-решмы и сопровождавшие их бубенчики; 2 – крестовидные накладки;
3 – заклепки; 4 – удила; 5 – пряжка; 6 – наконечник ремня; 7 – задняя лука седла;
8 – передняя лука седла; 9 – начельник; 10 – кольчуга; 11 – шлем; 12 – сабля;
13 – наконечники стрел и детали колчана; 14 – нож; 15 – петли для пут; 16 – стремяна;
17 – монета; 18 – наконечник копыа; 19 – подпругная пряжка.

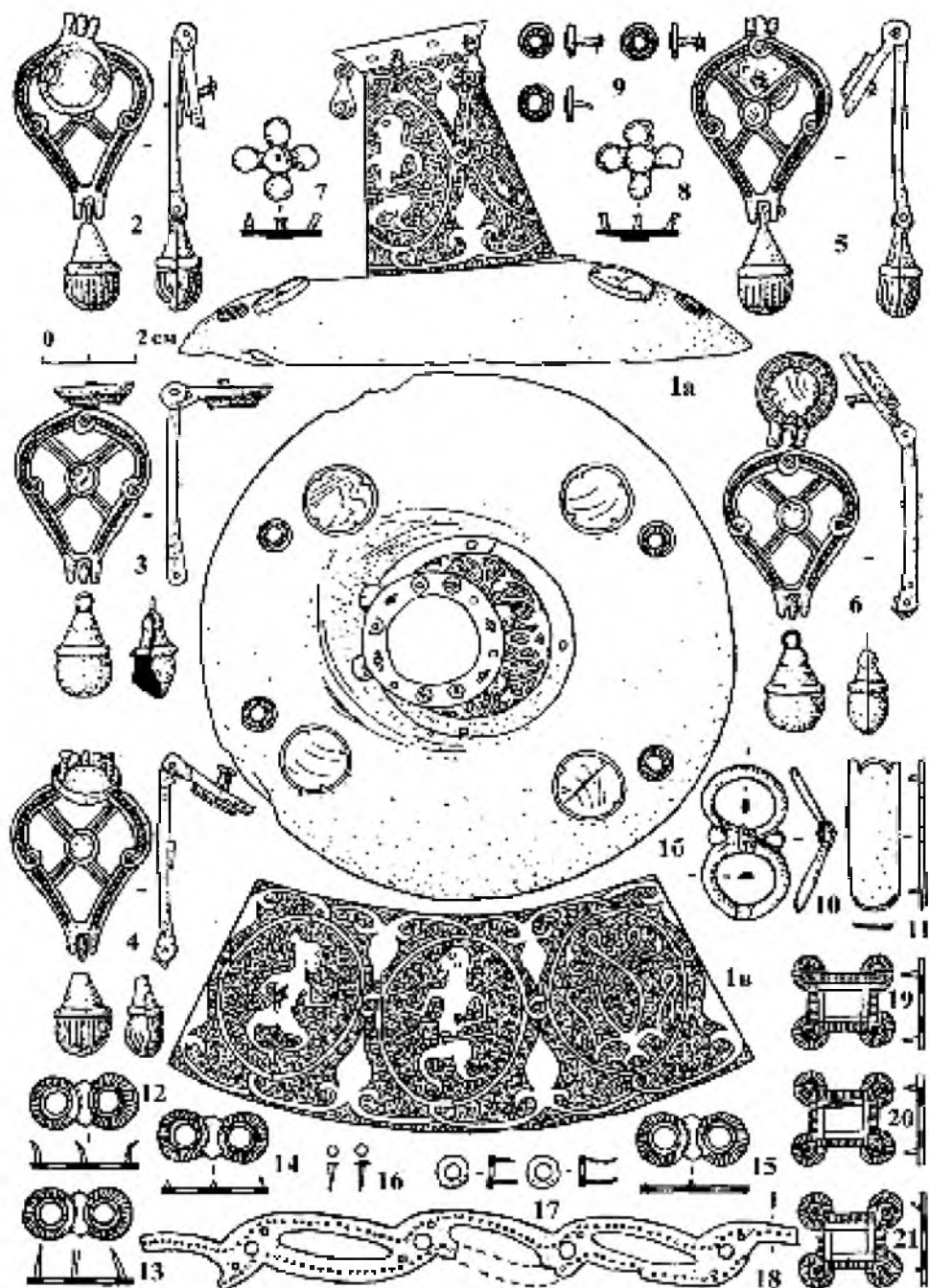

Рис. 2. Металлические детали парадного конского убора.

1 – начельник (а – вид сбоку, б – вид сверху, в – развертка гравированного изображения на втулке); 2–6 – подвески-решмы и сопровождавшие их бубенчики; 7, 8 – крестовидные накладки; 9 – заклепки; 10 – восьмерковидная пряжка; 11 – наконечник ремня; 12–15 – восьмерковидные накладки; 16 – гвозди; 17 – кольцевидные накладки; 18 – аппликация; 19–21 – прямоугольнорамчатые накладки. Медь, позолота, серебрение.

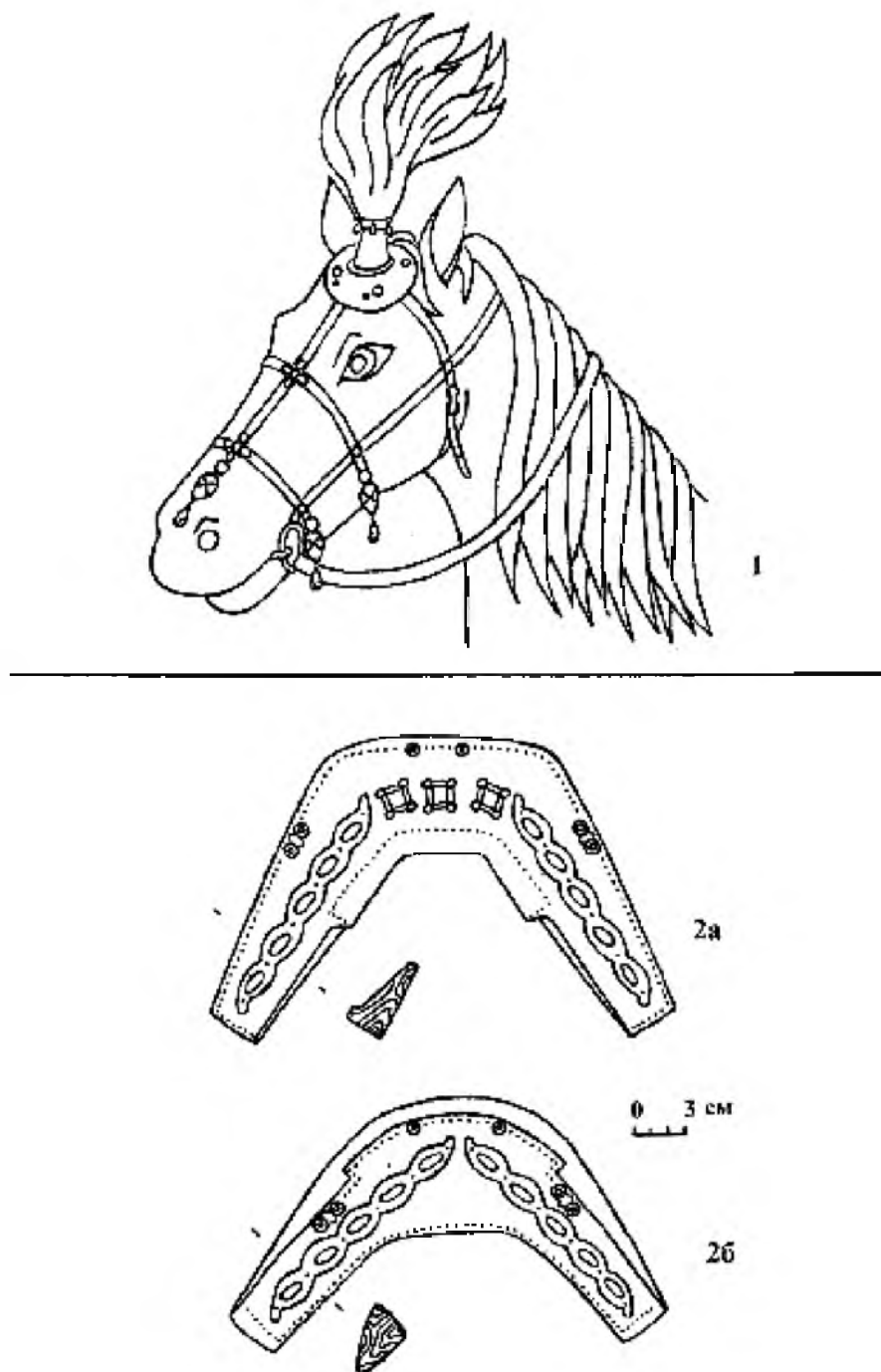

Рис. 3. Реконструкция парадного снаряжения верхового коня из погребения 5.
1 – уздечный набор; 2 – убрaнство передней (а) и задней (б) лук седла.

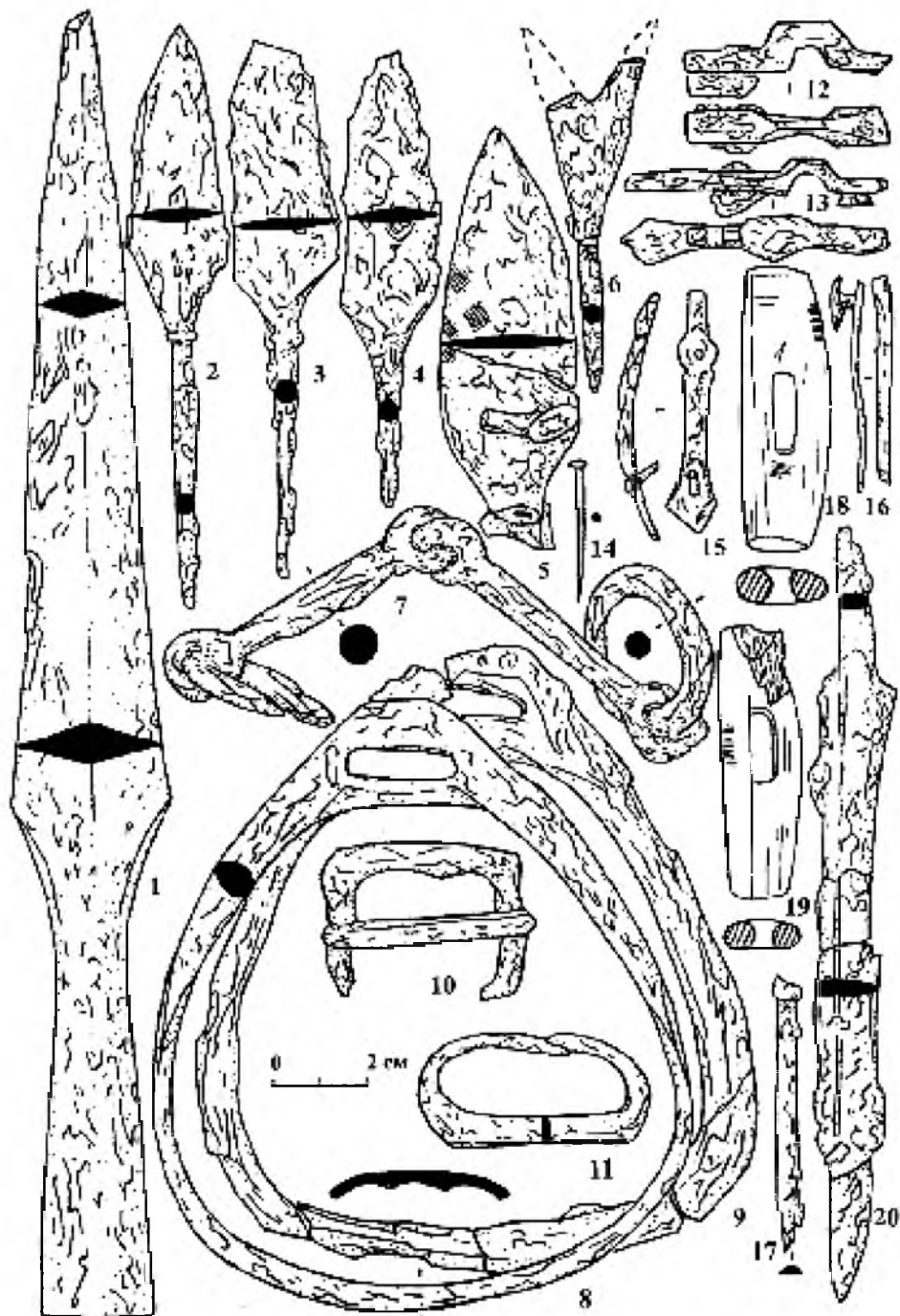

Рис. 4. Предметы вооружения, снаряжения воина и верхового коня из погребения 5.
 1 – наконечник копья; 2–6 – наконечники стрел, 7 – удила; 8, 9 – стремяна; 10 – подпружинная пряжка; 11 – кресало; 12–17 – детали колчана; 18–19 – петли для пут; 20 – нож; 1–17, 20 – железо; 18, 19 – кость.

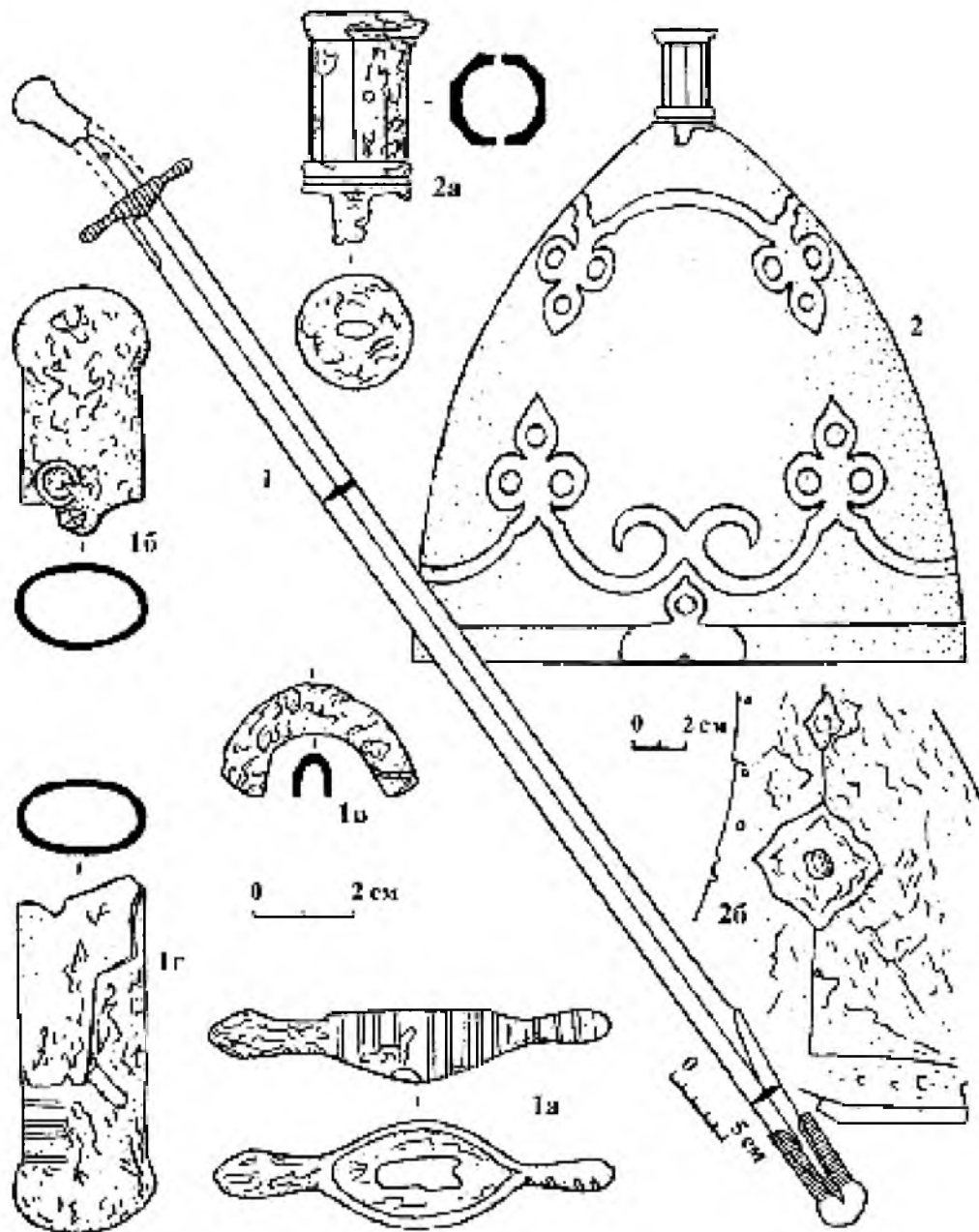

Рис. 5. Предметы вооружения из погребения 5 и их детали.

1 – сабля (реконструкция), 1а – перекрестие, 1б – навершие рукояти, 1в – портупейная скоба, 1г – наконечник ножен; 2 – шлем (реконструкция), 2а – навершие, 2б – следы ремонта.

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ШЛЕМОВ С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В специальной литературе история эволюции защитного доспеха, впрочем, как и иных категорий воинской экипировки средневековых воинов, изучена недостаточно. Во многом подобная ситуация может быть объяснена тем, что эта проблема редко привлекает к себе внимание. С другой стороны, решению проблемы сильно мешает стойкая убежденность многих авторов в том, что устанавливаемая ими предварительная этнокультурная составляющая местных археологических комплексов обязательно должна определять и этнокультурные истоки тех или иных категорий воинского снаряжения, находимого в этих комплексах. Существуют и иные факторы, в значительной мере запутывающие исследователей и, как следствие, не способствующие активизации познания истории военного дела.

В предлагаемой публикации мы остановимся лишь на отдельных типах боевых наголовий эпохи средневековья, к настоящему времени выявленных на Северном Кавказе, историческая интерпретация которых, однако, в силу целого ряда обстоятельств еще далека от окончательного решения.

1. Шлем из погребения кочевника у с. Новотерское в Чечне

Интересующий нас шлем происходит из сильно разрушенного позднекочевнического захоронения из частично поврежденного кургана в окрестностях с. Новотерское (Наурский район современной Чечни), Остатки погребального инвентаря из захоронения были собраны у местных жителей и опубликованы Д. Ю. Чахкиевым¹. По мнению публикатора этого выразительного набора воинской экипировки, разрушенное захоронение могло принадлежать половецкому «воину-всаднику середины XIII века»².

После выхода в свет указанной публикации новотерский комплекс привлек к себе внимание и других специалистов. М. В. Горелик, ознакомившись с материалами, вскоре вновь опубликовал этот же шлем и отдельные пластины от защитного доспеха. В отличие от Д. Ю. Чахкиева, М. В. Горелик предложил иной вариант реконструкции этого же боевого наголовья (Рис. 1: 2), которое, по его мнению, первоначально, имело и вырезы для глаз³, а сам шлем из с. Новотерского М. В. Гореликом был отнесен к числу типично «монгольских»⁴. Пластинки от защитного доспеха из новотерского комплекса тем же исследователем были определены как

¹ Чахкиев Д. Ю. Богатое погребение воина-кочевника у сел. Новотерское (Чечено-Ингушетия) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1983. С. 95–104.

² Там же. С. 104.

³ Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 190. Рис. 11, 3.

⁴ Там же. С. 189–190.

пластинки от типично монгольского доспеха типа хатангу-дегель. Тем самым новотерский погребальный комплекс получил некоторые основания для того, чтобы его можно было рассматривать как захоронение одного из представителей кочевой и всаднической знати Золотой Орды, скорее всего, центральноазиатского («монгольского») происхождения.

Вскоре после выхода в свет указанной публикации Д. Ю. Чахкиева материалы из-под с. Новотерское, благодаря любезному содействию ее автора, оказались в нашем распоряжении. В ходе знакомства с остатками погребального инвентаря данного комплекса мы расчистили от патины бронзовую «пластинку» на вершине шлема. В результате оказалось: «пластинка» на шлеме имела фигурные очертания, была составлена из 4 литых сегментов, при помощи заклепок крепившихся к шлему (Рис. 2: 3), декорирована и являлась остатками навершия, слабо возвышавшегося над шлемом.

Бронзовое навершие шлема.

В ходе расчистки «пластинки» на вершине шлема от патины оказалось, что она представляла собою основание бронзового навершия, венчавшего боевое наголовье и была составлена из четырех фигурных секторов. Каждый такой сектор вдоль внешнего периметра декорирован выпуклыми «точками», обрамленными двумя мелко врезанными линиями. В центре навершия – сквозное отверстие, оконтуренное двумя поясками рельефных точек (Рис. 2: 3). Пространство между ними – в виде мелко заглубленного желобка. Снизу пластинки было хорошо заметно, что через указанное отверстие проходила припаянная трубочка для плюмажа, выходявшая сквозь него наверх. Трубочка обломана; заметны следы припая снизу.

Внутри каждого из фигурных секторов располагались слабо рельефные изображения «птицы»: по одной фигурке в каждом секторе, размещены головами друг к другу.

Эти изображения как фигурки «птиц» определяются условно. Головы «птиц» обозначены в виде двух, вписанных одна в другую, концентрических окружностей. «Клюв» трактован схематично: от головы вниз отходит двойная S-видная линия, доработанная после отливки, при помощи мелкой гравировки. Ниже головы, заметно расширяясь книзу, обозначена шея птицы. Слабо выпуклая ее поверхность доработана косой штриховкой. Под шеей, в виде округлой выпуклости, обозначено туловище. По внешнему периметру «туловища» – мелкие, слаборельефные округлости. В центре «туловища» – мелкая розетка из шести круглых шариков, расположенных по кругу. В центре этого скопления еще один точно такой же шарик, возвышающийся над остальными.

Выше «туловища» и в сторону от него при помощи двойной гравированной линии обозначено отставленное в сторону крыло и возвышающаяся над ним (за шеей) комбинация из трех полуокружностей, напоминающих растительный орнамент. Крыло заштриховано.

Под крылом «птицы», обозначен хвост. Верх и низ хвоста были обведены двойными линиями, пространство заштриховано косыми линиями. Хвост отделен от «туловища» двумя поясками подпрямоугольной формы. Один из них с мелким, овальной формы углублением в центре; второй декорирован мелкими «зернышками».

Под туловищем хорошо проработана слабо рельефная лапа с большим когтем.

Все слабо рельефные детали фигурки хищной «птицы» – со следами позолоты.

Мы не случайно так подробно остановились на описании декора этой пластинки бронзового навершия, поскольку близкие навершия уже публиковались в специальной литературе, однако этнокультурный генезис таких наверший, впрочем, как и генезис самих шлемов, определялись по-разному.

Железный ободок на нижнем крае шлема.

Как справедливо описывал эту деталь наголовья Д. Ю. Чахкиев, она опоясывала нижний край шлема. Отличительной ее особенностью являлось то, что пластинка была сложена вдвое и П-образно, с двух сторон охватывая нижний край корпуса шлема (Рис. 3: 1). По внешней поверхности этого ободка проходили три параллельные и вдавленные линии. В месте сгиба П-образной пластинки (по нижнему ее краю), равномерно были расположены вырезы аркообразной формы (Рис. 3: 1). На реконструкции шлема в варианте М. В. Горелика эти же вырезы расположены слишком широко один от другого.

Подобная конструкция предназначалась для того, чтобы в эти вырезы, перпендикулярно полоске, вставлялись вертикально располагавшиеся кольца бармицы. С лицевой стороны шлема, вдоль сгиба пластинки, под краем нижней оконечности корпуса шлема, вероятнее всего, продевалась железная проволока, одновременно продевавшаяся и через кольца бармицы, вставленные в вырезы. Тем самым обеспечивалось крепление бармицы со шлемом.

Лицевая сторона шлема.

Судить о ней сложно. Однако, если учитывать форму сохранившейся части пластинки для крепления бармицы, следует обратить внимание на плавно изгибающийся вверх конец этого фрагмента, что, вероятно, и послужило основанием для М. В. Горелика предположить существование у шлема выреза для глаз (Рис. 1: 2). Если судить по еще двум мелким фрагментам от шлема, которые имелись в комплексе, то эти фрагменты могли быть частью наносника. Последний насколько можно судить по фрагментам, были идентичны другому крупному фрагменту наносника золотоордынской эпохи (Рис. 3: 2), случайно обнаруженному на территории Северо-Западного Прикаспия¹. Близкий по форме наносник был и на шлеме из погребения № 1 Келийского могильника в высокогорной Ингушетии². Верхний край наносника прямой и обломанный, что позволяет нам предполагать о возможном его креплении прямо к корпусу шлема.

Кроме того, среди мелких обломков шлема заметно выделялись несколько железных пластинок со слабым изгибом, шириной не более 0,7 см. Обломаны по длине; верхние и нижние края их ровные. Заманчиво эти фрагменты сопоставить с остатками накладных «бровей». Один из указанных фрагментов имел следы округлого стерженька-заклепки, вероятно, при помощи таких заклепок «брови» крепились к корпусу шлема.

¹ Виноградов В. Б., Петренко В. А., Мялковский В. А. К этнической истории северо-западного Прикаспия в I тысячелетии до н. э. // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 60. Рис. 3, 38.

² Виноградов В. Б., Нарожный Е. И. Погребения Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1994. С. 70. Рис. 2, 1.

Бармица.

На фрагментах шлема из-под Новотерского бармицы не было обнаружено. Д. Ю. Чахкиев вполне справедливо предполагал возможным ее изначальное существование, в связи с чем мы обратим внимание на еще одну находку из того же комплекса. В описании инвентаря из Новотерского Д. Ю. Чахкиев указывает на крупные и мелкие фрагменты «кольчужной сетки» (Рис. 3: 3) из спекшихся железных колец. Этот фрагмент по своей конфигурации имеет форму окружности и как бы свернут в полудугу. По мнению исследователя, все эти кольчатые фрагменты являлись остатками редко встречающегося «кольчато-чешуйчатого» оборонительного доспеха¹. Внимательное рассмотрение этих деталей доспеха показало: фрагмент кольчужной сетки по внешнему диаметру практически совпадает с диаметром нижнего края шлема. Это дает нам все основания утверждать: опубликованный Д. Ю. Чахкиевым фрагмент кольчужной сетки являлся бармицей, а не частью кольчато-чешуйчатого оборонительного доспеха. Судя по конфигурации коррозированных остатков бармицы, ее общая длина (высота) была не менее 30 см. В погребении бармица оказалась на шлеме. Поскольку шлем, вероятно, стоял вертикально, кольчужная сетка бармицы оказалась сложенной (подогнутой) в 2-4 слоя.

Об этнокультурной атрибуции Новотерского захоронения.

Приведенные уточнения дают нам все основания высказаться и по вопросу о происхождении интересующего нас шлема. В первую очередь следует обратить внимание на описывавшееся выше бронзовое навершие шлема. Насколько нам известно, оно – далеко не единственное. Мы располагаем информацией (с разной степенью полноты), как минимум, о трех шлемах с подобными навершиями (включая и новотерскую находку) и о навершии без шлема.

Первый шлем был отмечен в позднекочевническом захоронении близ г. Энгельса в Саратовском Заволжье².

Во втором случае было случайно обнаружено лишь навершие с территории золотоордынского города – Нового Сарая³.

Третий шлем с тождественным навершием в 1987 г. был раскопан М. Б. Мужухоевым в Келийском могильнике в высокогорной Ингушетии. К величайшему сожалению, этот образец до сих пор не опубликован; он представляет собой кольчужный корпус («чулок»), закрывавший голову и лицо, с двумя подпрямоугольными вырезами для глаз. Сверху шлем венчался точно таким же навершием, как и шлемы новотерский, из-под Энгельса и Нового Сарая.

Е. К. Максимов, публикуя шлем из-под Энгельса, отнес его ко времени с XII по XIII вв., сблизив его со шлемами с территории Руси. Он полагал, что «трудно сказать, попали ли эти предметы вооружения к кочевникам в результате торговли с древней Русью или военных столкновений с ней, но они, наряду с находками в причерноморских районах, позволяют говорить о влиянии древнерусских оружейников на своих восточных соседей – кочевников южнорусских степей»⁴.

¹ Чахкиев Д. Ю. Богатое погребение воина-кочевника у сел. Новотерское (Чечено-Ингушетия). С. 104.

² Максимов Е. К. Находка древнерусского шлема в Саратовском Заволжье // СА. № 4. М., 1960. С. 190–193. С. 191. Рис. 1, 1–3; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

³ Полуобяринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1987. С. 33. Рис. 5, 2.

⁴ Максимов Е. К. Находка древнерусского шлема в Саратовском Заволжье. С. 135.

Г. А. Федоров-Давыдов так же датировал шлем из-под Энгельса¹. М. Д. Полубояринова, приняв эту датировку, поставила опубликованное ею бронзовое навершие из Нового Сарая в прямую связь с пребыванием там либо русских пленников, либо воинов². По всей видимости, датировку необходимо скорректировать, поскольку навершие Келийского могильника в высокогорной Ингушетии датируется по нумизматике золотоордынской эпохой³. XIII–XIV вв. следует датировать и шлем с таким же навершием из Новотерского погребения в Чечне.

Более того, сравнивая изображения птиц на всех известных нам образцах, мы вынуждены констатировать: при близкой иконографии новотерской «птицы», декор навершия отличается от декора других. Вполне вероятно, что отличия объясняются плохой сохранностью. Однако есть основания полагать, что Новотерское навершие могло являться местной копией рассмотренных выше наверший шлемов.

Стоит обратить внимание на еще один аспект. Д. Ю. Чахкиев, публикуя новотерские материалы, склонялся к мысли о том, что это было захоронение знатного полвца. Однако в 1988 году при охранно-спасательных раскопках курганов в Наурском районе нынешней Чечни мы отыскали курган с еще заметными остатками погребальной ямы. Погребальное сооружение представляло собой простую грунтовую яму с незначительными (6–7 см) заплечиками, фрагментарно сохранившимися вдоль трех сторон. Сама яма длиной осью была вытянута не с В на З, как утверждалось ранее, а с С на Ю⁴. Погребальные памятники поздних кочевников вне зависимости от территории имевшие ориентировку с С на Ю, традиционно считаются захоронениями монголов⁵. Подобная этнокультурная атрибуция, вероятнее всего, приемлема и для разрушенного захоронения из-под с. Новотерское Наурского района бывшей Чечено-Ингушетии. Стоит обратить внимание и на то, что все три одинаковые или близкие навершия связаны с совершенно разными наголовьями.

2. О находках четырехчастных шлемов

Интерес к данной группе боевых воинских наголовий был обозначен недавней статьей Р. Б. Схатума и В. М. Дымченко⁶. Публикуя реконструированный ими шлем из кургана № 24 Убинского (на Кубани) могильника, оба автора отметили, что данный тип представлен уже 7 экземплярами. Поэтому есть смысл повторить список интересующих нас находок, составленный краснодарскими авторами. Это шлемы из-под ст. Раевской на Кубани; сразу три экземпляра были открыты при исследовании Цебель-

¹ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. С. 32–34.

² Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. С. 60.

³ Виноградов В. Б., Нарожный Е. И. Монетные чеканы закавказских городов в северокавказских древностях XIII–XIV вв. // Научная конференция: «Средневековые города и городская жизнь Кавказа (В свете археологических материалов)». Тез. докл. Тбилиси, 1988.

⁴ Нарожный Е. И. Восточные и Западные инновации золотоордынской эпохи у населения Верхнего и Среднего Притеречья. (Археолого-историческое исследование). Автореф. дисс... к. и. н. Воронеж, 1998. С. 9–10.

⁵ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. С. 160. С. 157; Федоров-Давыдов, 1981. С. 231; Именохонов Н. В., Коновалов Е. В. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985. С. 78–80; Добролюбовский А. О. Кочевники Восточного Причерноморья в эпоху средневековья. К., 1988. С. 120–132.

⁶ Схатум Р. Б., Дымченко В. М. Шлем из кургана № 24 Убинского могильника: атрибуция, реставрация, реконструкция // Магистериум. Вып. 1. Краснодар, 2003. С. 29–35.

динского могильника; пятый происходит из-под Новороссийска (Краснодарский край); шестой найден в погребении в кургане № 36 Борисовского могильника под Геленджиком; седьмой – из кургана № 4 могильника Хазарова щель (Краснодарский край), восьмой – как уже отмечалось выше, в кургане № 24 Убинского могильника¹.

Следует согласиться с Р. Б. Схатумом и В. М. Дымченко в том, что «узкая датировка этих шлемов затруднена», хотя авторы приняли точки зрения своих предшественников, датировав шлемы из погребения 21 и 34 Цебельдинского могильника в пределах конца XII–XIII вв., а Убинского могильника – концом XII–XIV вв. Могильники Борисовский, Хазарова щель, Раевский оба автора не без оснований датируют XIII–XV вв.²

Несмотря на размытость отмеченной выше датировки, нелишне обратить внимание на компактное расположение основной массы рассматриваемых шлемов в курганах Прикубанья, с этнокультурно соотносимых либо с половцами, либо с предками современных адыгов (хронология памятников которых нуждается в разработке). Кардинального уточнения требует и этнокультурная атрибуция кочевнических памятников; пока укажем на необходимость более четкой датировки, и, в первую очередь, шлема Убинского кургана.

Как представляется, шлем может быть датирован гораздо уже. Убинские захоронения и предметы вооружения относят к X–XIV вв.³ В погребении № 70 Убинского могильника Н. В. Анфимов обнаружил 7 серебряных золотоордынских монет, впоследствии определенных Г. А. Федоровым-Давыдовым (ханов Бирдибека, Кульны, Хызра, Ордумелика, Кильдибека)⁴ и датированных серединой XIV в. Монеты – возможно, от одного мониста, т.е. после их изъятия из денежного обращения они долгое время могли использоваться как украшения. По этой причине погребение № 70 Убинского могильника, указывающее и на относительную датировку всего некрополя, должно датироваться временем не ранее начала второй половины – конца XIV века. К предтимуровской эпохе может быть отнесен и интересующий нас шлем Убинского кургана № 24.

Что же касается остальных четырехчастных шлемов, то и здесь много неясного и требующего уточнений.

Так, погребения могильника Хазарова щель, насколько о них можно судить по публикациям⁵, вряд ли окажутся ранее золотоордынского периода. Необходимо проверить и сведения о шлеме из погребения у ст. Раевской. Не имея такой возможности, не исключаю того, что именно с этим захоронением связана золотоордынская монета Джанибека⁶. Шлем из Цемесской бухты под Новороссийском⁷, если он действительно четырехчастный⁸, происходит с территории изначально подкурганного могильника, отнесенного к концу XII–XIV вв.⁹ Однако находки наконечников стрел в погребении,

¹ Схатум Р. Б., Дымченко В. М. Шлем из кургана № 24 Убинского могильника: атрибуция, реставрация, реконструкция // Магистериум. Вып. 1. Краснодар, 2003. С. 3.

² Там же. С. 33.

³ Стрельченко М. Л. Вооружение адыгейских племен в X–XV вв. (По материалам Убинского могильника) // Наш край. Вып. 1. Краснодар. 1960. С. 140–157.

⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Клады Джучидских монет // НЭ. Т. 1. М. 1960. С. 151.

⁵ Стрельченко М. Л. Адыгейский средневековый могильник Хазаровой щели (Туапсинский район) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар, 2002. С. 161–167.

⁶ Федоров-Давыдов Г. А. Находки Джучидских монет // НЭ. Т. 3., 1965. С. 207.

⁷ Армарчук Е. А., Малышев А. А. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир–М., 1997. С. 104. Рис. 13, 1.

⁸ Схатум Р. Б., Дымченко В. М. Шлем из кургана № 24 Убинского могильника: атрибуция, реставрация, реконструкция. С. 31.

⁹ Армарчук Е. А., Малышев А. А. Средневековый могильник в Цемесской долине. С. 109.

зеркало, костяные изделия и многое другое, по аналогиям создают впечатление о более узкой дате захоронения в пределах ордынской эпохи. Это впечатление усиливает и находка в погребении № 36 золотоордынской монеты с именем хана Токты¹. Исходя из этих уточнений, более узкой может быть дата и шлема Борисовского могильника, также упоминаемого Р. Б. Схатумом и В. М. Дымченко. По относительной хронологии Борисовского могильника в литературе высказывались не раз. Уместно воспроизвести наблюдения М. Г. Крамаровского. «Борисовский могильник (район Геленджика), – пишет М. Г. Крамаровский. – известен по предварительной публикации². В. В. Саханев вскрыл в районе Геленджика 147 погребений, из которых 135 датировал VI–IX вв., а 12 отнес к IX–XV вв. Погребальный обряд этой, последней по времени группы курганов Борисовского могильника резко отличается от обряда погребений Белореченского. По нашим наблюдениям, время поздней группы Борисовского могильника отмечается пределами второй половины XIII – начала XV века.³».

Таким образом, несмотря на то, что интересующие нас четырехчастные шлемы найдены в различных погребальных комплексах, все они, скорее всего, примерно одного времени, невзирая на существующие различия в датировке. А это дает основания считать, что истоки и причины распространения таких однотипных шлемов, имевших хождение у этнокультурных групп населения Прикубанья и Причерноморья, стоит связывать с традициями военного дела Золотой Орды середины – конца XIV в.

Описывая реконструируемый шлем из кургана № 24 Убинского могильника, Р. Б. Схатум и В. М. Дымченко особо подчеркивали и тот факт, что четырехчастный шлем «был выкован из четырех пластин-сегментов. Полосы соединены между собой методом сварки»⁴. Эти технологические детали позволяют обратить внимание на близость шлемов перечня Р. Б. Схатума и В. М. Дымченко еще двум боевым наголовьям из Прикубанья. Первое (Рис. 4: 3) было введено в научный оборот Ю. В. Зеленским⁵, второе (Рис. 4: 2) было опубликовано волгоградскими коллегами⁶. Описывая находку из погребения 1 кургана 1 могильника «Кривуша-4», они отмечали: «Шлем был составлен из четырех сваренных между собой сегментов, усиленных в верхней части четырьмя прямоугольными пластинками с клепками. Шлем венчало обломанное навершие, отделенное от основания круглым «яблоком»⁷. Публикаторы справедливо соотнесли его с наголовьем, опубликованным Ю. В. Зеленским.

Перечисленные Р. Б. Схатумом и В. М. Дымченко наголовья не имеют вырезов для глаз, имеющих у шлемов из погребений у с. Пролетарского и погребения 1 кургана 1 могильника «Кривуша-84». (Шлемы с вырезами для глаз, скорее всего,

¹ Армарчук Е. А., Малышев А. А. Средневековый могильник в Цемесской долине. С. 104. Рис. 13. С. 109.

² Саханев В. В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–12 годах // ИАК. Вып. 56. Пг., 1914. См.: Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году // ИАК. Вып. 33. 1910. С. 86. С. 99–102; Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // МАК. Вып. 2. М., 1889. С. 3–4, 63–69, 71–88, 91–92, 98–102.

³ Крамаровский М. Г. Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII–XV вв.). По материалам Крыма и Кавказа) // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С. 176. Прим. 18.

⁴ Схатум Р. Б., Дымченко В. М. Шлем из кургана № 24 Убинского могильника: атрибуция, реставрация, реконструкция. С. 29.

⁵ Зеленский Ю. В. Позднекочевническое захоронение со шлемом из степного Прикубанья // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир – М., 1997. С. 90. Рис. 2, 12.

⁶ Блохин В. Г., Дьяченко А. Н., Скрипкин А. С. Средневековые рыцари Кубани // МИАК, Вып. 3. Краснодар, 2003. С. 191, 208. Рис. 9, 2.

⁷ Там же. С. 191.

должны были иметь и «брови» с наносником). Нет на них и крестообразно расположенных пластинок наверхшия, что может быть объяснено степенью сохранности шлемов. Такие детали могли присутствовать на шлемах перечня, и во всех перечисленных случаях мы имеем один тип боевых наголовий, хотя связать их с «черкесскими» шлемами «Задонщины»¹ маловероятно.

* * *

Среди археологических материалов с территории Северного Кавказа ныне известно несколько новых шлемов, в атрибуции которых, тем не менее, продолжает оставаться много неясного. Следует указать на находки в нескольких подкурганых захоронениях у ст. Дмитриевской на Кубани. Введенные в научный оборот лишь недавно², некоторые из этих шлемов уже привлекли к себе внимание и анализировались специалистами на недавно прошедших конференциях. Не располагая пока публикациями с изложением этих точек зрения, укажем на некоторые параллели одному из вновь введенных в оборот шлемов.

Шлем из погребения № 2 кургана 4 могильника Дмитриевская-1.

Экземпляр происходит из погребения 2 кургана 4 Дмитриевского могильника (Рис. 5: 1)³. Такой же шлем с округлым утолщением на вершине, сквозным отверстием и со вставленным в него подвижным кольцом (для флажка?), в свое время опубликовал Д. Ю. Чахкиев (Рис. 5: 2)⁴. Правда, тот шлем имел слабо выраженный горизонтальный козырек, отсутствующий на прикубанском, хотя из-за фрагментарности нижнего края наголовья он мог и не сохраниться.

Аналог происходит из горноингушского полуподземного склепа близ поздне-средневекового с. Верхний Лейми. Д. Ю. Чахкиев относит этот шлем к золотоордынской эпохе, основываясь на наличии в том же склепе фрагмента наруча, шестопера и сабли с перекрестием, сильно загнутым вниз. Позднее шлем рассматривался М. В. Гореликом и В. В. Дорофеевым⁵, поставившими его в один ряд с иными, сугубо «монгольскими» шлемами. Вполне вероятно, что и шлем из погребения № 2 кургана № 4 относится к той же серии боевых воинских наголовий, имевших распространение на территории Золотой Орды и входивших в экипировку разноэтничных ее обитателей.

В качестве еще одного аналога следует привести шлем из известного Чингульского кургана⁶.

Рассмотренные выше шлемы, несмотря на то, что в первичных публикациях их относили к широкому хронологическому отрезку времени и к захоронениями преимущественно половецких воинов, не имеют половецкой принадлежности. Широкий территориальный разброс (Кубань – Северо-Восточный Кавказ), наличие в погребениях останков разноэтничных обитателей региона периода Золотой Орды могут свидетельствовать лишь об общем ареале распространения шлемов. Вопрос об их генетических истоках продолжает оставаться открытым.

¹ Схатум Р. Б., Дымченко В. М. Шлем из кургана № 24 Убинского могильника: атрибуция, реставрация, реконструкция. С. 34.

² Блохин В. Г., Дьяченко А. Н., Скрипкин А. С. Средневековые рыцари Кубани.

³ Там же. С. 188. С. 205. Рис. 6, 2.

⁴ Чахкиев Д. Ю. Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми (Горная Ингушетия) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С. 62. Рис. 1, 6.

⁵ Горелик М. В., Дорофеев В. В. Погребение золотоордынского времени у сел. Таборовка // Проблемы военной истории народов Востока. Вып. 2. М., 1990. С. 132. Рис. 4, 3.

⁶ Отрощенко В. В., Рассмахин Ю. Я. Половецкий комплекс Чингульского кургана // Археология. № 53. К., 1986. С. 22. Рис. 7, 2. Отрощенко В. В., Рассмахин Ю. Я. Половецкий хан у Чунгульского кургана // Золото Степу. Шлезвиг, 1991. С. 270. Рис. 3.

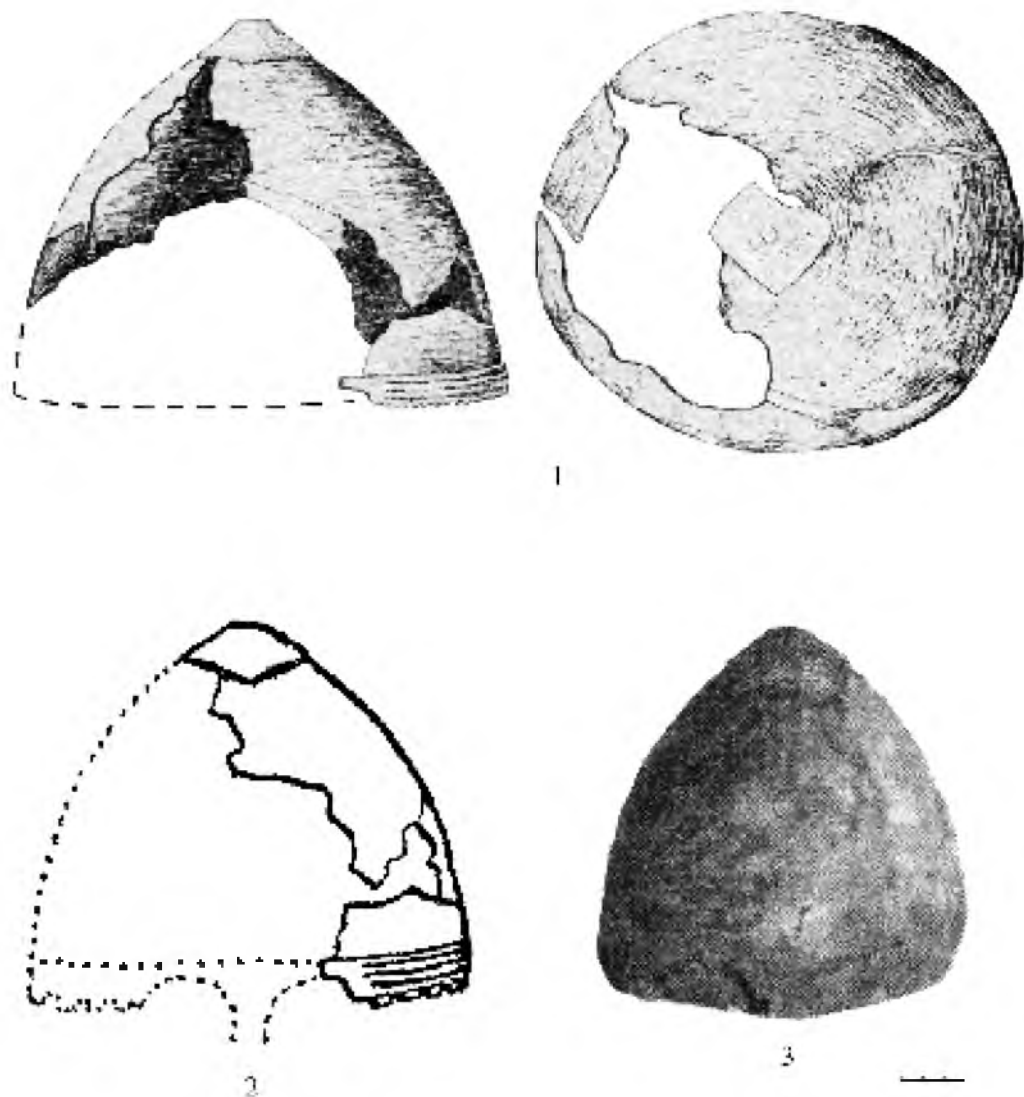

Рис. 1. Шлемы золотоордынской эпохи.

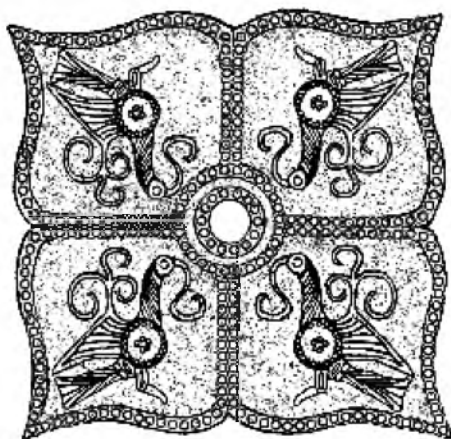
1-2 – Шлем из погребения из-под с. Новотерское (1 – по Д. Ю. Чахкиеву; 2 – по М. В. Горелику); 3 – Шлем из-под г. Энгельса (по Е. К. Максиму).

1

2

3

Рис. 2. Навершия шлемов.

1 – на шлеме из-под г. Энгельса (по Е. К. Максимуму);
2 – Из Нового Сарая (по М. Д. Полубояриновой); 3 – Прорисовка с навершия шлема из-под с. Новотерское.

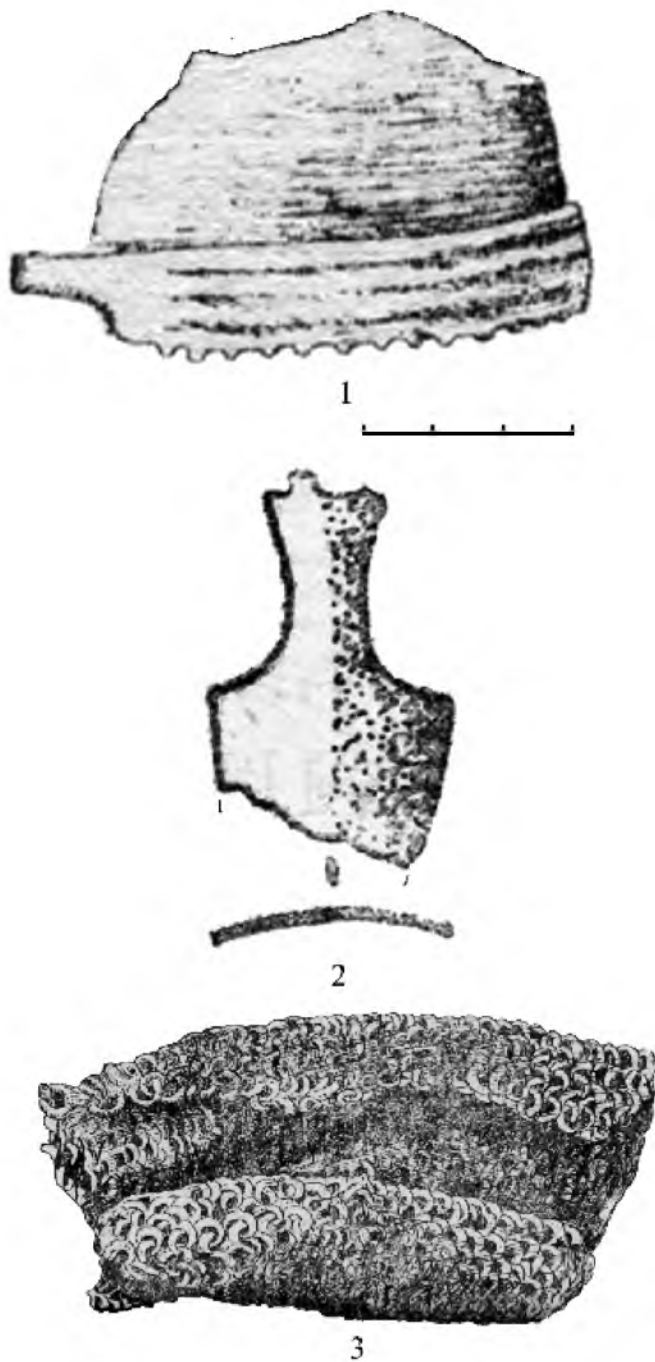

Рис. 3. Детали шлемов.

- 1 – фрагмент новотерского шлема с ободком и вырезами для бармицы;
2 – фрагмент наносника с территории Северо-Западного Прикаспия
(по В. Б. Виноградову, В. А. Петренко и В. А. Мялковскому);
3 – фрагмент бармицы Новотерского шлема.

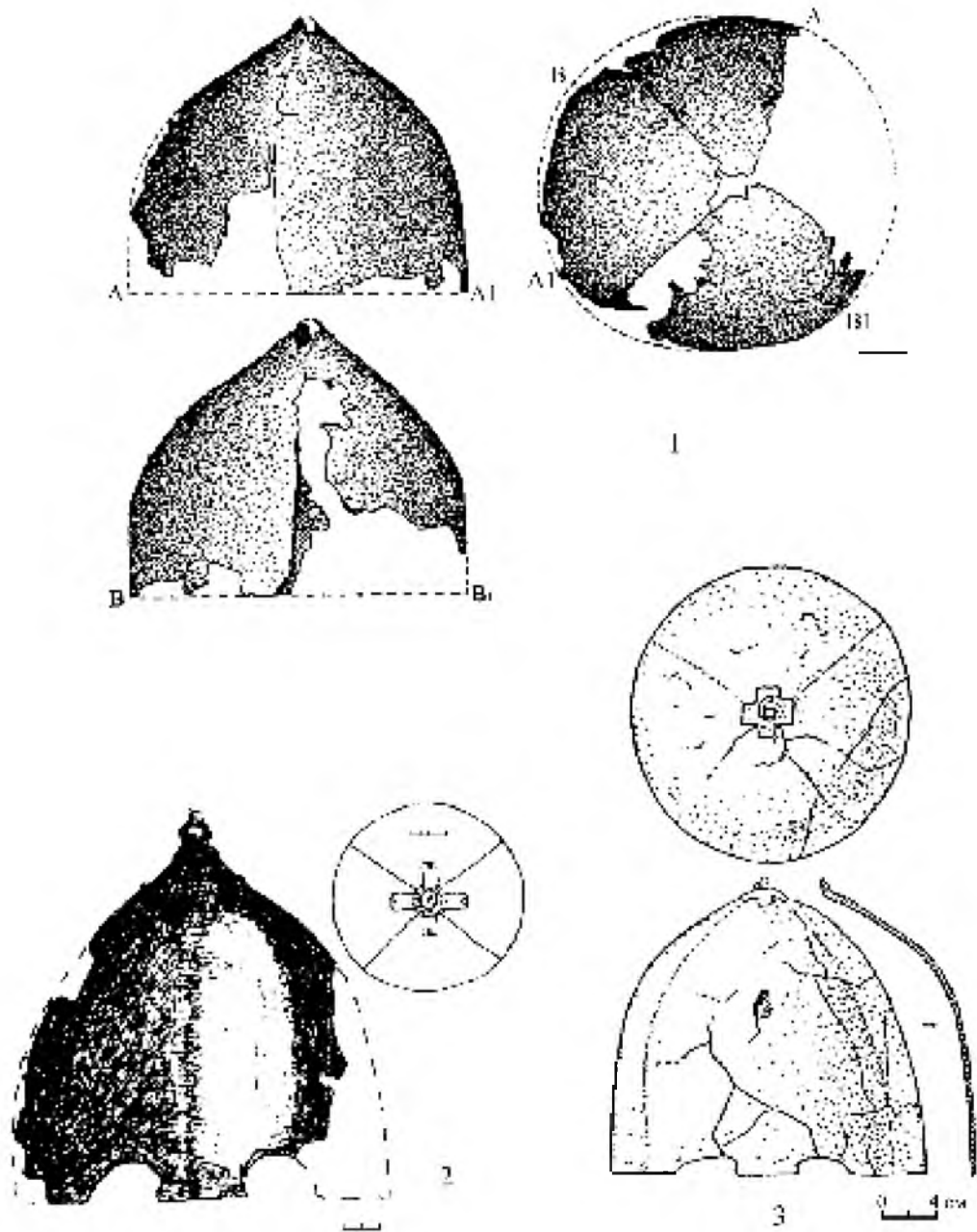

Рис. 4. Четырехчастные шлемы из Прикубанья.

1 – Шлем из Убинского могильника (по Р. Б. Схатуму, В. М. Дымченко);

2 – шлем из погребения № 1 кургана 1 могильника «Кривуша-4»

(по В. Г. Блохину, А. Н. Дьяченко, А. С. Скрипкину); 3 – из погребения у с. Пролетарского (по Ю. В. Зеленскому).

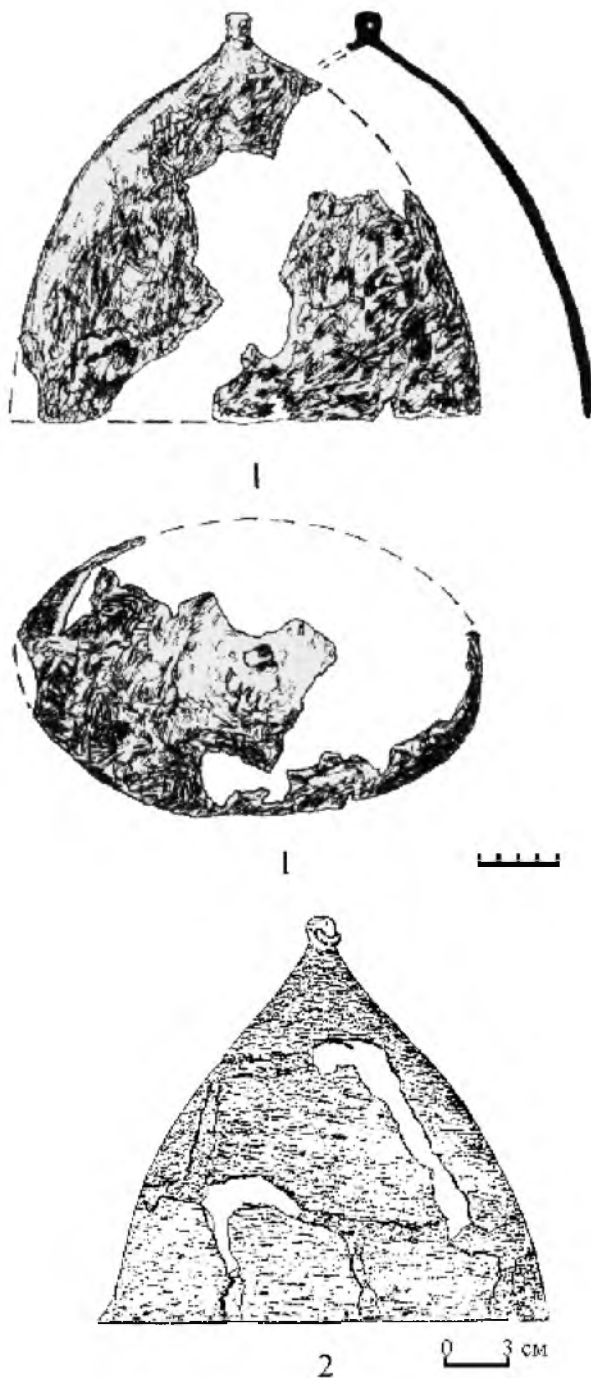

Рис. 5. Шлемы золотоордынской эпохи.

1 – Прикубанье (по А. Г. Блохину, А. Н. Дьяченко, А. С. Скрипкину);
 2 – Подулоземный склеп у сел. Верхний Лейми, горная Ингушетия (по Д. Ю. Чахкиеву).

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И СНАРЯЖЕНИЯ ВСАДНИКА И ВЕРХОВОГО КОНЯ ИЗ СБОРОВ НА ТЕРРИТОРИИ ТУШИНСКОГО ЛАГЕРЯ

Тушинский лагерь, просуществовавший как вторая столица Московской Руси с июня 1608 года по январь 1610 года, по праву находится в числе символических памятных мест истории нашей страны. Около 300 лет высились валы лагеря. В конце XIX – начале XX в. при прокладке Московско-Виндавской железной дороги, разрушившей Тушинский лагерь, инженером В. А. Политковским на его территории и, по всей видимости, в ближайшей округе собрана коллекция вещей, переданная затем на хранение в Исторический музей. Часть вещей, происходивших с территории лагеря, была куплена на торгу. На сегодняшний день коллекция инженера Политковского – это все, что осталось от былой «столицы» Лжедмитрия. Несмотря на интерес, тушинские предметы, кроме целей паспортизации и первичной систематизации, долгое время не становились предметом специального изучения¹.

Начавшиеся крупномасштабные раскопки в Москве в 1940–1960 гг. пробудили интерес к материалам из Тушина². Новый этап археологических исследований средневековых городов Москвы и Московской Руси, начавшийся в 1980-е гг., заставляет обратиться к коллекции Политковского вновь. Автором работы была поставлена задача собрать и обработать все ее материалы, разделенные между отделами Государственного Исторического музея.

Всего Тушинскую коллекцию составляют 834 номера хранения. Значительный процент (251 номер) – предметы вооружения и снаряжения коня и всадника. Оружие Московской Руси до сих пор лишь частично охарактеризовано в публикациях и, в отличие от более раннего, не подвергнуто даже первичному обобщению. В этой связи материалы приобретают особую важность не только как узко датированный комплекс (при учете их подъемного характера), но и как происходящие из военного лагеря, отражающие традиции народов Центральной и Восточной Европы.

Целью статьи является полная публикация и первичный анализ предметов вооружения и снаряжения всадника и верхового коня, происходящих с территории Тушинского лагеря.

Наконечники копий.

Копья из Тушинских сборов представлены 7 целыми и фрагментированным экземплярами. По форме наконечника выделяются два варианта.

Вариант 1. Копье с пером в виде четырехгранного, ромбического в сечении стержня и воронковидной втулкой (Рис. 1: 1–4, 6, 7). Включает 6 экземпляров. Длина пера 130–190 мм, ширина 10–13 мм, длина втулки 60–100 мм. Соотношение ширины пера к длине

¹ Городцов В. А. Описание холодного оружия Исторического музея (копья) // Труды Исторического музея» М., 1911. С. 17–24.

² Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. Вып. Е1–34. М, 1971. С. 36; Розенфельдт Р. Л. Инструменты московских ремесленников // Древности Московского Кремля. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. IV // МИА. Вып. 167. М., 1971. С. 256–258.

1:13–1:19. Диаметр втулки составляет – 25–37 мм. Копья данного варианта относятся к пикам (тип V по классификации А. Н. Кирпичникову), время появления которых для Европы определяется VIII–IX вв. На территории Древней Руси особое распространение пики получают в предмонгольское время и существуют до конца средневековья, оставаясь господствующим типом среди наконечников копий других типов¹. На четырех пиках фиксируется наличие яблочка – шаровидного утолщения на шейке копья (Рис 1: 1–3, 7). Сам шарик на одном наконечнике украшен еле заметной спиралевидной насечкой, а шейка наконечника орнаментирована насечкой в виде стилизованного «волчьего зуба». Ближайшими аналогиями данному варианту являются наконечники копий, найденные в 1895 г. в Ипатьевском переулке в Москве. Клад из Ипатьевского переулка, в состав которого входили различные предметы вооружения и монеты, датируется эпохой Ивана IV до венчания его на царство в 1547 г. Аналогичные образцы наконечников копий характерны также и для первой половины – середины XVII вв.²

Вариант 2. Включает 1 экземпляр. Копье с трехлопастным пером, втулка обломана (Рис. 1: 5). Длина пера 160 мм, ширина – 22 мм, общая длина наконечника неизвестна. Соотношение ширины пера к длине 1/7. Аналогии данного наконечника в позднесредневековых материалах автору не известны.

Таким образом, тушинские наконечники копий представлены практически единственным типом так называемых бронебойных пик, характеризующих не только наборы древкового вооружения, но и сложившиеся способы его тактического применения. Последний факт очень ярко подтверждает ранее высказанную мысль о том, что копье не вышло из употребления в позднесредневековую эпоху, и было одним из главных видов холодного наступательного оружия, наряду с саблями, бердышом и топором, применявшимся против конных воинов³.

Клиновое оружие.

Клиновое оружие – сабли – представлено обломками клинков, перекрестьев, наконечников ножен, деталей портупей.

К сожалению, специального оружейведческого исследования, посвященного морфологии, типологии и эволюции клинкового оружия Московской Руси XVI–XVII вв., в отечественной науке не существует. Этому вопросу уделены краткие замечания С. К. Богдавленского и М. М. Денисовой⁴.

В кратком определителе русского оружия приводятся соображения о типах сабель XVI–XVII вв. Для второй половины XVI в. авторы считают характерными «широкие» сабли турецкого образца. В XVII в. конница все чаще вооружается персидской саблей, «более легкой и более совершенной по своей конструкции»⁵.

Параллельную типологическую схему сабельного оружия XVI–XVII вв. Восточной и Центральной Европы разработали польские исследователи, которые, при

¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие IX–XIII вв. Вып. 1. // САИ. Е–1–36. М., 1966. С. 15–16; Он же. Древнерусское оружие IX–XIII вв. Вып. 2. // САИ. Е–1–36, М., 1966.

² Городцов В. А. Описание холодного оружия Исторического музея (копья) // Труды Исторического музея М., 1911. С. 17–24; Бойцов И. А. Производственное сооружение середины XVII в. на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 260.

³ Кирпичников А. Н. Военное дело Древней Руси XIII–XV вв. М., 1976. С. 20; Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904. С. 108.

⁴ Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // ИЗ. Т. 4. М., 1938; Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX вв. М., 1953.

⁵ Там же. С. 31.

наличию несущественных различий, выделяют четыре основные разновидности сабель¹: т.н. «венгерско-польские», «гусарские», «карабелы», «ордынки» или «армянки». Данные разновидности отражают устоявшиеся типы. В интересующий нас период на территории Польши и сопредельных регионов бытовали «венгерско-польские» сабли с широким массивным клинком, открытой рукоятью (миндалевидной в сечении), расположенной под углом к перекрестью, протяженным перекрестьем с петлей в центре крестовины².

Для характеристики восточных образцов сабель, которые могли ходить на территории Московского царства в начале XVII в., определенную ценность представляет книга Э. Г. Аствацатурян, посвященная турецкому оружию. При описании различных типов турецких сабель XVI – начала XVIII в. автор выделяет два периода. Первый датирован XVI веком, когда использовались сабли с широкими и длинными слабо изогнутыми клинками, слегка отогнутыми рукоятями и прямыми крестовинами. В качестве одного из примеров приводится сабля Ф. М. Мстиславского, хранящаяся в Оружейной палате. Для характеристики второго (XVII – начала XVIII в.) автор указывает типы сабель, описанные в книге итальянского дипломата графа Луиджи Фердинандо де Марсилли, находившегося в Турции в 70–80-е годы XVII в. Вслед за Марсилли Э. Г. Аствацатурян выделяет такие типы турецких сабель, как «гаддаре», «клич» и «аджем-клич». Отдельно рассматриваются сабли, аналогичные восточно-европейским «ордынкам». Описанные образцы турецких сабель второго этапа относятся к более позднему для нашего исследования периоду³.

В коллекции входят три обломка сабельных полос. При обработке предметов автору удалось выявить только два обломка клинка (№ 600, 821). Размеры третьего (№ 601) были восстановлены по масштабированному рисунку, сохранившемуся в коллекционной описи (Рис. 2).

Фрагменты сабельных полос сохранились на длину 190–610 мм. Длина стержневой рукояти с учетом обломанных концов составляла 60–70 мм. Наклон стержня рукояти составлял 3–5 градусов от оси клинка. Ширина пяты клинка 31–33 мм. Обращает на себя внимание малая ширина клинков (26–29 мм), что возможно, связано с плохой сохранностью образцов. Кривизна клинка не устанавливается. Клинки не имеют долов. Исходя из приведенных типологий, описанные сабельные полосы не подходят ни под один из выделенных для конца XVI – начала XVII вв. типов клинков. Возможно, клинки найденные на территории Тушинского лагеря, демонстрируют характерные именно для русской военной традиции рядовые образцы боевого оружия.

Перекрестья сабель (крестовины).

Перекрестья представлены 7 экземплярами, делящимися на два основных типа с вариантами (Рис. 3, 4).

Тип 1. К первому типу относятся так называемые простые или стержневые перекрестия с продолговатыми симметричными отростками в серединной части (Рис. 3). По оформлению концов перекрестия выделяется три варианта.

¹ Nadolski A. Polska bron. Bron biala. Wroclaw etc., 1984.; Zygylski Z. Bron w dawnej Polsce na tie uzbrojenia Europy i Bliskiego Wschodu. Warszawa, 1982.; Kwasniewicz Wl. Szabla Polska od XV do konca XVIII w. Zielona Gora, 1988.

² Kwasniewicz Wl. Szabla Polska od XV do konca XVIII w. S. 32–76.

³ Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие. М., 2002.

Вариант 1. Перекрестья с простыми стержневидными окончаниями (1 экземпляр). Длина – 117 мм, высота с учетом срединных отростков 67 мм (Рис. 3: 3).

Вариант 2. Перекрестья с расширяющимися уплощенными концами (1 экземпляр). Длина – 126 мм, высота с учетом срединных отростков 81 мм (Рис. 3: 5).

Вариант 3. Перекрестья с шаровидным окончанием концов (3 экземпляра). Длина 150–152 мм), высота с учетом срединных отростков 80–84 мм (Рис. 3: 1–2, 4).

Прямые перекрестия с невысокими крестовидными отростками 15–38 мм и простыми стержневидными, слегка уплощенными окончаниями выделяются в отдельные типы (тип II, варианты 6–8, 10, 11 по А. В. Евглевскому и Тат. М. Потемкиной; тип II по А. Н. Кирпичникову) как для материалов Руси XII–XIV вв., так и для восточноевропейских кочевнических сабель¹. Эволюция перекрестий упомянутых выше типов на материалах Восточной Европы XIV–XV вв. демонстрирует поиски в усилении защиты руки, что привело к появлению перекрестий с расширяющимися уплощенными концами и более вытянутыми отростками в срединной части, достигающими в высоту до 60 мм². Известные для XIV в. перекрестья с расширяющимися уплощенными концами, соответствующие варианту 2 Тушинского лагеря, отличаются только незначительной высотой отростков. Перекрестия с шаровидными окончаниями хорошо известны на Руси XII–XIII в., они также характерны для степей Восточной Европы предмонгольского и золотоордынского периодов³. Они отличаются от крестовин XVI–XVII в. только отсутствием срединных отростков. Наиболее ранние образцы сабель и палашей с перекрестьями первого типа, как уже было сказано выше, связываются с распространением переднеазиатской (турецкой) оружейной традиции в конце XV–XVI вв.

Тип 2 гард – это характерные для «венгерско-польских» сабель (Рис. 4: 1, 2) простые стержневидные перекрестия длиной 200–211 мм, что значительно больше перекрестий традиционных сабель Московской Руси. Их также отличают очень высокие отростки, достигавшие 145–168 мм, и дополнительные защитные кольца, крепившиеся к середине крестовины. Этот тип сабель распространяется в середине XVI в. в Южной Европе и связывается с турецкой и венгерской военной традицией. Во второй половине XVI в. он проникает в Польшу и Литву, где вытесняет традиционное оружие тяжелой кавалерии – меч⁴. находка двух перекрестий этого типа в Тушинском лагере может иллюстрировать как вооружение польско-литовского воинства, так и взаимовлияние военных традиций, постоянно происходившее на просторах Восточной Европы.

К предметам, связанным с холодным оружием, следует отнести наконечники ножен и портупейный крюк.

Наконечники ножен представлены двумя экземплярами (Рис. 2: 3, 4). Первый в виде полуовальной створки (половины когда-то спаянного наконечника), украшенной в верхней части двумя сегментобразными выемками, образующими центральный зубец высотой 67 и шириной 47 мм.

¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие IX–XIII вв. Вып. 1. С. 62–63; Евглевский А. В., Потемкина Тат. М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 1999. С. 129–131.

² Кирпичников А. Н. Военное дело Древней Руси XIII–XV вв. М., 1976. С. 26.

³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие IX–XIII вв. Вып. 1. // САИ, Е–1–36. М. 1966. С. 62–63; Он же. Древнерусское оружие IX–XIII вв. Вып. 2. // САИ, Е–1–36, М. 1966; Евглевский А. В., Потемкина Тат. М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли. С. 129–131.

⁴ Свешников И. Г. Битва під Берестечком. К., 1994. С. 225–231.

Другой наконечник ножен представлял собой целый экземпляр в виде свернутой в форме конверта тонкой трапецевидной жестяной пластины с заостренными концами. Передняя, вытянутая сторона наконечника крепилась к ножнам при помощи двух отверстий, сам же корпус наконечника охватывал основание ножен и стягивался вдоль своей основной длины при помощи «жестяного шва». Общая высота с выступающей передней пластиной 136 мм, высота корпуса наконечника 80 мм, ширина 47 мм.

В коллекции предметов Тушинского лагеря имеется предмет – S-видный стреленгель высотой 105 мм, круглый в сечении, с петлей на одном конце и небольшим шариком на другом (Рис. 2: 5). Аналогичные предметы, изготовленные из железа и бронзы, найдены на месте битвы под Берестечком, а также в культурных слоях Мангазеи и казачьих слободах Епифани, где они датируются концом XVI–XVII вв. Данные изделия интерпретируются исследователями либо как крюки для подвешивания сабли, либо как кукарки (деталь оленьей упряжи). Их находка в Епифанских слободах, а также портупей с такими крюками под Берестечком позволяют связать эти предметы с портупейным снаряжением¹.

Таким образом, на территории Тушинского лагеря клинковое оружие представлено довольно широким спектром типов. Это и характерные для России XVI–XVII веков сабли с перекрестиями типа 1 (варианты 1–3), клинки которых могли соответствовать по весо-размерным показателям ранним турецким прототипам, хранящимся в Оружейной Палате². Отдельной группой являлись широко распространенные в конце XVI в. сабли «венгерско-польского» типа с перекрестиями и портупейными крюками, характерные для польской военной традиции³.

Топоры.

По наблюдению А. Н. Кирпичникова, боевые топоры отличаются от рабочих специализированной формой либо более легким весом⁴. По этой причине необходимо рассмотреть все типы топоров с территории Тушинского лагеря. История изучения позднесредневекового топора тщательно описана О. В. Овсянниковым, М. И. Беловым и В. Ф. Старковым в фундаментальном исследовании материальной культуры Мангазеи. Они же обрисовали общую канву эволюции топоров в рамках рассматриваемой хронологии. К сожалению, топоры из Мангазеи не отличаются большим разнообразием, характерным для позднесредневековых комплексов Центральной России, и принять за основу их систематизацию не представляется возможным. Топоры коллекции Политковского публиковались ранее⁵ и наряду с материалами из Ладоги и Белгорода основой для описания топоров Московской Руси XVI–XVII вв.

Из Тушино происходит 19 целых и фрагментированных топоров, которые отнесены нами к 6 разным типам (Рис. 5–7).

Тип 1. Топоры этого типа (3 экземпляра) имеют массивное слегка опущенное лезвие и удлиненный плоский обух (Рис. 7: 1–3). Длина до 200–260 мм, ширина лезвия 90–110 мм. Наиболее близкие аналогии происходят с территории Ук-

¹ Свешников И. Г. Битва під Берестечком. К., 1994. С. 227; Долгих Б. О. Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Л.–М., 1951. С. 189. Табл. IX. Рис. 2–4.

² Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. С. 29.

³ Свешников И. Г. Битва під Берестечком. С. 227.

⁴ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие IX–XIII вв. Вып. 2.

⁵ Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. С. 36; Розенфельдт Р. Л. Инструменты московских ремесленников. С. 256–258.

раины, Польши и Белоруссии, где они датируются второй половиной XVI – XVII вв. Аналогичные топоры, неудобные для ведения боевых действий, были найдены на месте битвы под Берестечком (1651). Они входили, по всей видимости, в снаряжение рядовых сельских повстанцев¹. Все это позволяет рассматривать и тушинские топоры как типичное шанцевое снаряжение и предполагать их возможное боевое использование.

Тип 2. Топоры этого типа (8 экземпляров) имеют симметрично вытянутое более тонкое лезвие, с уплощенной, иногда граненой, обушной частью (Рис. 5: 3–6; 6: 1–2, 5–6). А. В. Никитин считал, что они являются дальнейшей эволюцией топоров так называемого второго типа по новгородской типологии². По своей форме топоры этого типа вполне могут быть отнесены к универсальным. Размеры: длина 150–200 мм, ширина лезвия – 80–92 мм. Из восьми экземпляров один (длина 120 мм, ширина лезвия 90 мм) выделяется меньшими размерами и весом и вполне мог быть боевым. На картине неизвестного польского художника, запечатлевшего в первой четверти XVI в. битву под Оршей (1514), аналогичными боевыми «топорками» вооружено московское конное войнство³. Боевой топор рассматриваемого типа представлен в составе Ипатьевского клада, датированного серединой XVI в.⁴. Таким образом, перед нами топоры, имеющие довольно продолжительную историю бытования. Появившись в XIII в., они, видоизменяясь главным образом в оформлении обушной части, становятся одним из основных типов боевых топоров в XV–XVI вв., когда роль топора как одного из основных видов оружия московского конного войска значительно возрастает. находка боевого топора этого типа в составе тушинской коллекции позволяет считать, что употребление их в качестве предмета вооружения продолжалось и в начале XVII в.

Тип 3. К этому типу нами отнесены 3 экземпляра так называемых топоров «утяжеленной формы» (Рис. 6: 3, 4, 7). Это довольно распространенные в позднесредневековых городах Московской Руси клиновидные топоры. Они имеют массивную рабочую часть, симметричное лезвие, удлиненный треугольный в сечении плоский обух, с толстыми стенками и характерной бородкой. Топоры такого типа по Новгородским материалам известны с XV в. В XVII веке они становятся основным видом рабочего топора Московской Руси. О чем свидетельствуют находки таких топоров при раскопках в Москве и Мангазее⁵.

Тип 4. Топор-чекан. 1 экземпляр (Рис. 5: 4). Наиболее близок к универсальным топорам 2-го типа, характерным отличием является молоточковидное утолщение обушной части.

Тип 5. Топор-секиру мы отнесли к отдельному типу (Рис. 7: 4). Судя по треугольному сечению обуха и отсутствию молоточковидного отростка в обушной части, его вряд ли можно связать с ранними топорами Восточной Европы X – начала XI в., несшими функции секиры и чекана. Аналоги в более поздних материалах не известны. Но на уже упоминавшейся картине, изображавшей битву под

¹ Свешников И. Г. Битва під Берестечком. С. 215–219.

² Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. С. 38; Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА № 65. М., 1959. С. 26.

³ Кирпичников А. Н. Военное дело Древней Руси XIII–XV вв. Табл. XXII.

⁴ Там же. Табл. IV.

⁵ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 163; Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., Мангазеев, материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. 2. М. 1981. С. 141.

Оршей, можно заметить такие маленькие секировидные топорики в руках отступающего московского воинства¹.

Тип 6. Представлен единственным топором с рабочей частью секировидной формы, но с мощной втульчатой основой (Рис. 5: 2).

Бердыши.

Бердыши относятся к одному из основных видов стрелецкого холодного наступательного вооружения. Данному виду вооружения в историографическом смысле повезло значительно больше, чем другим видам позднесредневекового вооружения. Так, уже в 1908 г. В. А. Городцов свел информацию о бердышах, хранившихся в музейных собраниях России. На основании определенных образцов из Исторического музея им были выделены четыре типа: «бердыши топоровидные»; «бердыши с роговидным передним концом»; «бердыши с роговидным передним концом и с одним или двумя рядами скважин по тупию бердыша» и «бердыши с верхним концом, срезанным в виде полумесяца»². Характеризуя типы XVI–XVII вв., В. А. Городцов признавал невозможным выделить древнейший тип русских бердышей, считал более характерными для XVI – начала XVII вв. бердыши первого и второго типов, лишенных орнамента и «просверленных скважин». Довольно редкими он полагал для того времени бердыши с урезанным верхним краем лезвия, но не выделил их в отдельный тип. Для середины – второй половины XVII в. он считал характерными третий и четвертый типы. Бердыши Тушина В. А. Городцов отнес к неопределенным и не стал подробно описывать. Позднее бердыши рассматривались в работах советских исследователей³. М. М. Денисова повторила в своем справочнике общую типологическую схему В. А. Городцова, отметив, что отверстия по лезвию у бердышей могли появиться и в XVI веке⁴. А. Н. Кирпичников затронул вопрос происхождения бердышей и также пришел к мысли, что, несмотря на факты находок ранних топоров похожих форм, трудно доказать зависимость позднего бердыша от ранних широколезвийных топоров; следовательно, происхождение бердыша как оружия не совсем ясно⁵. Само название А. Н. Кирпичников вывел вслед за В. А. Городцовым из древневерхненемецкого *Barta, Barda* – «широкий топор». Общим для всех исследователей являлось утверждение, что это оружие преимущественно стрелецкого войска и что в конце XV в. бердыши появились также в Швеции⁶. Следует признать, что предложенная В. А. Городцовым типологическая схема не претерпела существенных изменений и может использоваться как основная современными исследователями.

В материалах Тушина бердыши представлены двумя целыми экземплярами и одним обломком. К сожалению, автору не удалось обработать целые образцы, так как к моменту написания работы они не были доступны. О типологических особенностях мы можем судить только по немасштабным рисункам двух целых бердышей, сделанным при подготовке описи коллекции В. А. Политковского в отделе археологии ГИМ. Странно, что рисунки и сами бердыши,

¹ Кирпичников А. Н. Военное дело Древней Руси XIII–XV вв. Табл. XXI.

² Городцов В. А. Описание холодного оружия Исторического музея (топоры, бердыши) // Труды Исторического музея. М., 1908. С. 118–123.

³ Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. С. 42; Кирпичников А. Н. Военное дело Древней Руси XIII–XV вв. С. 22.

⁴ Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. С. 43.

⁵ Кирпичников А. Н. Военное дело Древней Руси XIII–XV вв. С. 22.

⁶ Там же. С. 22, 23.

которые В. А. Городцов должен был видеть, не позволили ему отнести их ни к одному из четырех предложенных им типов.

Первый из целых бердышей (№ 588) представляет собой тип с месяцевидным профилем лезвия и роговидным передним концом. В коллекционной описи отмечена петля в верхней части лезвия. Возможно, составители приняли за верхнюю часть косицу, при помощи которой лезвие крепилось к ратовищу. Круглых отверстий и следов орнамента по лезвию не отмечено. Размер по описи 65×13 см. Бердыши такого типа бытовали в XVI – начале XVII вв.¹

Второй бердыш (№ 589) представлял собой тип с месяцевидным лезвием, но его верхний конец откован в два более коротких острия. Нижний конец лезвия обломан. Размер изделия по описи 28×12 см. Отверстий и орнамента по лезвию на рисунке не отмечается. Несмотря на то, что В. А. Городцов упомянул в своей работе аналогичные бердыши и отнес их к раннему периоду, он не выделил их в отдельный тип.

Третий бердыш (по описи № 606) дошел до нас в сильно поврежденном состоянии (Рис. 5: 1). От лезвия сохранилась только нижняя часть с расплющенной под два квадратных отверстия косицей. В одном из отверстий сохранились остатки гвоздя. Размер сохранившейся части 290×120 мм. Ширина лезвия 50 мм. Размер косицы 65×15 мм. Втулка бердыша подтреугольная 55×23 мм. Судя по ширине лезвия и внешнему виду, бердыш также имел месяцевидное лезвие и роговидный передний конец и может быть датирован XVI – началом XVII в.

Таким образом, все рассмотренные бердыши Тушинского лагеря представляют типичные образцы, которыми было вооружено русское войско в начале XVII в.

Наконечники стрел.

При сборах на территории Тушинского лагеря наконечники стрел составили 25 экземпляров, почти все хорошей сохранности, и были учтены при составлении первичной систематизации. Все относятся к одному классу – железных, по форме насада составляют отдел черешковых, а по форме пера делятся на две группы. Слабая изученность наконечников стрел Московской Руси уже отмечалась². До последнего времени отсутствовали публикации крупных серий XVI–XVII вв., почти не было попыток классификации³. Автором создана база данных по наконечникам стрел Московской Руси, куда вошел публикуемый комплекс. На основании этой базы была разработана типология, которая и будет применяться далее⁴.

Класс Железных.

Тип 1. Шиловидные граненые. Представлен одним вариантом.

Вариант 1а. Шиловидные трехгранные в сечении с шейкой и простым упором (Рис. 9: 3). Представлен одним экземпляром. Вес 8 г, пропорция пера 1/9, длина пера 54 мм, ширина 6 мм, длина черешка 29 мм. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников (тип 93 по А. Ф. Медведеву) датируются X–XIV вв.

¹ Городцов В. А. Описание холодного оружия Исторического музея (топоры, бердыши). С. 118–123; Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. С. 42–43.

² Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея, материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. 2. М. 1981. С. 75–78; Гоняный М. И., Гриценко В. П., Двуреченский О. В. Комплекс вооружения и снаряжения верхового коня и всадника из Епифанских слобод (В печати).

³ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея... Ч. 2. С. 77–79.

⁴ Двуреченский О. В. Наконечники стрел Московской Руси конца XIV–XVII вв. (В печати).

включительно¹. Как было позднее установлено, этот вариант существовал до второй половины XVII в., находки происходят из Москвы, Епифанских слобод, Белгорода, Пскова, Изборска, Мангазеи. По функциональному назначению данные наконечники – броневойные прокалывающего действия².

Тип 6. Ромбовидные уплощенные в сечении с расширением в нижней трети длины пера. Представлен тремя вариантами.

Вариант 6а. Ромбовидные – вытянутые, уплощенные (ромбические, линзовидные) с расширением в нижней трети длины пера, с упором. Некоторые экземпляры варианта 6а не имеют упора, он замещается слабо выраженным валиком, что отделяет их от типа ромбовидных наконечников без упора. Вариант представлен 15 экземплярами (Рис. 8: 2–6, 7, 8, 10; 9: 4, 7–10, 12, 14). Вес 4,8–13 г. Пропорции пера 1/5. Длина пера 52–72 мм, ширина 11–15 мм, длина черешков 18–28 мм. Наиболее близкие древнерусские наконечники (тип 40 по А. Ф. Медведеву), датируются X–XIV вв. включительно³ и происходят со всей территории Московской Руси: Москвы, Белгорода, Вологды, Воротынска, Епифани, Пскова, Изборска, Коломны, Смоленска, Суздаля, Твери, Тулы, Чебоксар. Используются до второй половины XVII в. Функционально универсальны⁴.

Вариант 6б. Ромбовидные – вытянутые, уплощенные с расширением в нижней трети длины пера, с вытянутой шейкой и упором. Вариант представлен 4 экземплярами (Рис. 8, 11; 9, 1, 5, 6). Вес 7,6–11,4 г. Пропорции пера 1/5. Размеры наконечников варьируют: длина пера 56–70 мм, ширина 13–23 мм, длина черешков 11–14 мм. Аналогичные древнерусские наконечники не известны. Происходят преимущественно из Москвы, Коломны, Твери и южных пограничных городов – Епифани, Белгорода. Данный тип наконечников датируется XVI–XVII вв.⁵

Вариант 6в. Ромбовидные – укороченные, уплощенные в сечении (ромбические, линзовидные) с расширением в нижней трети длины пера. Вариант представлен 1 экземпляром (Рис. 8: 9). Вес 6,6 г, с пропорцией пера 1/3. Длина пера 45 мм, ширина 15 мм, длина сохранившейся части черешка 13 мм. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников (тип 40, 44 по А. Ф. Медведеву) датируются IX–XIV вв. включительно⁶. Данный тип наконечников стрел, претерпев небольшие изменения, продолжает существовать до второй половины XVII века, известен по всей территории Московской Руси. Находки этого варианта стрел известны в Москве, Епифани, Пскове, Коломне, Рузе, Суздале, Твери, Белгороде, Воротынске, Кашине, Радонеже, Туле⁷.

¹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1–36. М., 1966. С. 84.

² Никитин А. В. Отчет об археологических исследованиях в Белгородской крепости. Архив ИА РАН Р–1 № 779, 780. М., 1952. С. 75; Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея... Ч. 2. С. 78, 136. Табл. 67; Артемьев А. Р. Города Псковской земли XIII–XV вв. Владивосток, 1998. С. 103; Гоняный М. И., Гриценко В. П., Двуреченский О. В. Комплекс вооружения...

³ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. С. 65.

⁴ Никитин А. В. Отчет об археологических исследованиях в Белгородской крепости. С. 75; Артемьев А. Р. Города Псковской земли XIII–XV вв. С. 102. Табл. 77; Гоняный М. И., Гриценко В. П., Двуреченский О. В. Комплекс вооружения...

⁵ Никитин А. В. Отчет об археологических исследованиях в Белгородской крепости. С. 75; Гоняный М. И., Гриценко В. П., Двуреченский О. В. Комплекс вооружения...

⁶ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. С. 65.

⁷ Никитин А. В. Отчет об археологических исследованиях в Белгородской крепости. Архив ИА РАН Р–1 № 779, 780. М., 1952. С. 75; Гоняный М. И., Гриценко В. П., Двуреченский О. В. Комплекс вооружения...

Тип 7. Ромбовидные – клиновидные с расширением в нижней трети длины пера без упора. Представлен одним вариантом.

Вариант 7а. Ромбовидные, плоские, линзовидные в сечении, с расширением в нижней трети длины пера – 2 экземпляра (Рис. 9: 11, 13). Все наконечники этого варианта из Тушина – плохо сохранившиеся линзовидные образцы весом 1,8–2,5 г. Пропорция пера 1/4. Длина пера 45 мм, ширина 11 мм. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников (тип 46 по А. Ф. Медведеву) датируются X–XIII вв. включительно¹. Вариант 7а, возможно, является модификацией типа б и отличается лишь отсутствием упора; по всей видимости, существовал до второй половины XVII в. Аналогичные изделия происходят из раскопок в Москве, Епифани, Пскове, Мангазеи².

Тип 12. Ромбические плоские наконечники без упора. Представлен вариантом 12 а.

Вариант 12а. Узкие ромбические наконечники с наибольшим расширением в середине длины пера, без упора. Представлен 1 экземпляром (Рис. 9: 2). Вес 6,15 г. Пропорции пера 1/5. Длина пера 52 мм, ширина 11 мм. Аналогичные наконечники происходят из слоев конца XIV–XVII вв. Пскова, Москвы, Епифани³.

Тип 15. Ромбовидные утяжеленные с расширением в нижней трети длины пера и упором (Рис. 8: 1). Представлены 1 экземпляром. Вес наконечника 22,7 г. Пропорции пера 1/4. Длина пера 80 мм, ширина 21 мм, длина черешка 65 мм. Относится к типу 41 варианту 2 по классификации А. Ф. Медведева. Были широко распространены с середины XI до XIV в., особенно широко в XII–XIV вв.⁴ Аналогичные наконечники происходят также из культурных слоев Москвы конца XIV–XVII вв.⁵

Набор стрел Тушинского лагеря функционально единообразен: это универсальные плоские ромбовидные (клиновидные) наконечники, предназначенные для стрельбы как по легковооруженному, так и хорошо защищенному противнику. Бронбойные представлены единственным экземпляром. Основную массу (88%) наконечников составили простые ромбовидные (клиновидные) с упором или без него, и ромбовидные (клиновидные) с вытянутой шейкой. Все стрелы характеризуются средними размерами от 50 до 100 мм, весом 4–11 г, с учетом потери весо-размерных характеристик от коррозии. Отсутствуют характерные для более раннего времени срезни и генетически связанные с ними широколопастные стрелы. Эта тенденция более очевидна даже по сравнению с единовременным комплексом епифанских стрел, где доля универсальных ромбовидных (клиновидных) составила 60%. Из массы выбивается ромбовидный наконечник (тип 15) большего размера и веса⁶.

Чесноки.

К снаряжению, применявшемуся против вражеской кавалерии, традиционно относятся так называемые чесноки, представленные в материалах Тушинского лагеря тремя экземплярами. Длина каждого шипа 30–35 мм. Шипы имели либо

¹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. С. 67.

² Никитин А. В. Отчет об археологических исследованиях в Белгородской крепости. Архив ИА РАН Р–1 № 779, 780. С. 75; Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., Мангазея... Ч. 2. С. 78, 136. Табл. 67; Гоняный М. И., Гриценко В. П., Двуреченский О. В. Комплекс вооружения...

³ Там же; Двуреченский О. В. Наконечники стрел Московской Руси конца XIV–XVII вв.

⁴ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. САИ. Вып. Е1–36. М. 1966. С. 65.

⁵ Двуреченский О. В. Наконечники стрел Московской Руси конца XIV–XVII вв. (В печати).

⁶ Гоняный М. И., Гриценко В. П., Двуреченский О. В. Комплекс вооружения...

простое окончание, либо с зазубринами. Общая высота чеснока от уровня поверхности 60 мм. Аналогичные образцы известны по материалам раскопок оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря, где они датируются началом XVII в.¹

Снаряжение для огнестрельного боя.

Среди предметов вооружения особый интерес представляют обломки трех ударно-кремневых замков и их детали.

Первый замок (Рис. 10: 1) представляет собой плохо сохранившийся ударно-кремневый механизм крупных размеров – деформированная замочная доска длиной 235 мм с деталями механизма на ней. С лицевой стороны плоская поверхность замочной доски в центральной части образовывала прямоугольный выступ пороховой полки. Курок с кремнем располагался слева от полки, губки курка не сохранились. Ножка курка имела загнутый хвост, который служил боевым взводом. Предохранительное устройство располагалось слева от центра, где заметно спекшееся удлиненное плечо шептала, скрытое за небольшой пластиной, к которой крепилась подкурковая пружина. Пружины, к сожалению, не сохранились. Оканчивалась доска орнаментальным отростком в виде каплеобразной фигуры, вытянутой горизонтально к ложу ружья.

По схеме расположения деталей и отверстий на доске под отсутствующие компоненты боевого спуска и взвода такие замки относились к карельским, многочисленные аналоги которых хранились в оружейных палатах северных монастырей, что фиксируют документы².

Второй замок, несколько лучшей сохранности, дошел до нас в виде замочной доски длиной 223 мм. С ее внутренней стороны сохранились боевая и подогнивная прямые пружины, пороховая полка и курок, несущий кремь, в виде вытянутого молоточка (Рис. 10: 2). Стерженек ножки и губки курка сильно поржавели. Конструкция крепления губок не совсем ясна. По всей видимости, верхняя губка была свободна и при помощи винта прижимала кремь к нижней. Курок имеет снизу крестовину, на переднюю часть которой опиралась изогнутая ветвь боевой пружины, тыльная часть служила боевым взводом, стопорившим стержень шептала. С внутренней стороны замочной доски, возможно, фиксируются остатки пружины шептала. Ножка курка крепилась к доске на винте. Механизм спуска полностью утерян. Как видно, почти весь механизм смонтирован с наружной стороны замка. По конструктивным особенностям перед нами типичный русский замок с двумя прямыми пружинами и курком с крестовиной на конце, наиболее распространенный в конце XVI – первой половине XVII в.³

Третий замок (Рис. 10: 3), наихудшей сохранности, относится, по всей видимости, к описанному выше русскому типу с двумя прямыми пружинами⁴. Длина замочной доски 165 мм. Отличительная особенность экземпляра – наличие крышки пороховой полки.

К разрозненным деталям замков можно отнести гнутую двуперую боевую пружину, два обломанных курка (Рис. 10: 4, 5). В качестве свидетельства наличия в арсенале тушинцев ружей с замками более сложной конструкции, нежели крем-

¹ Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVIII веках // МИА № 77. М. 1958. С. 158.

² Мышковский Е. В. Замки русского огнестрельного оружия XVI–XVII. // СА. № 4. М., 1965. С. 194.

³ Там же. С. 190.

⁴ Там же.

невые, может являться деталью колесцового замка (Рис. 12: 9) – стержень четырехгранного сечения от колеса, который выступал от уровня замочной доски. При его помощи производился завод колесцового механизма. Конец стержня скован на конус, половина длины на резьбе крепилась к самому колесцу.

Помимо замков, к деталям огнестрельного оружия относились волнообразно изогнутые пластины длиной 190 мм, которые могли являться предохранительными спусковыми скобами (Рис. 12: 1–3).

В коллекции представлены обломки стволов ружей. Первые два являлись дульной и серединной частями одного ствола, казенная часть не сохранилась (по описи № 597, 599). Общая длина ствола 540 мм (Рис. 11: 1). Сохранившиеся фрагменты позволяют говорить о незначительной утере в казенной части.

Поверхность ствола неровная: наружный диаметр у казенной части 25 мм, у дульного среза 21 мм, в середине 21,5 мм. Толщина стенок 7 мм ближе к казне, 4 – у дульного среза. Калибр – 11,5 мм, увеличивается у дульного среза до 12.

Ствол крепился к ложу, по всей видимости, при помощи двух «ушек» или «сережек», вставленных в нижнюю грань ствола. Н. В. Гордеев относит данный тип «сережек» к задвижным, углубления которых выпилены в виде «ласточкина хвоста»¹. Сохранилось только «ушко», размещенное в 144 мм от дульного среза, второе должно было быть закреплено ближе к казенной части.

Фрагмент (№ 594) представляет собой часть ружейного ствола без дульной части (Рис. 11: 2). Длина обломка 393 мм. Ствол круглый в сечении, наружный диаметр в середине ствола 21 мм, в казенной – 25 мм. Канал ствола был слегка рассверлен. Вследствие продольной сварки толщина стенок варьируется от 4 до 4,5 мм на разных гранях. Калибр ствола 13 мм в серединной части. Из-за плохой сохранности места крепления «сережек» и запального отверстия не ясны. Ствол закрыт казенным винтом с хвостовиком (длиной 40 мм), погнутым и обломанным.

В качестве аналогии можно привести три ствола с казенными винтами с хвостовиками из коллекции Артиллерийского музея, поступившие в 1877 г. из Соловецкого монастыря. Все они имеют калибр 12,4–14,8 мм, длина ствола 718–920 мм, вес 3–5 кг. Судя по наличию казенных винтов с хвостовиком, такие стволы датируются второй половиной XVI–XVII вв.²

Наилучшая сохранность у третьего ствола, возможно, пистолетного (Рис. 11: 3). Длина – 290 мм. В казенной части ствол был раскован в виде восьмигранника, плавно переходящего к круглой дульной части. Ствол был осажен с двух концов, вследствие чего стал короче, а его концы утолщались. Наружные размеры в казенной части 28 мм, у дульного среза 22 мм. Ствол был слегка опилен по поковке на восемь граней. Грани неровные и не отличаются тщательностью отделки. Канал ствола слегка рассверлен. Вследствие продольной сварки толщина стенок – от 6 до 7 мм на разных гранях, калибр – 11 мм. С казны ствол закрыт винтом, изготовленным из железного прута длиной 50 мм, который был нарезан с одной стороны и раскован под хвостовик с другой, после чего вкручивался на резьбе в казенную часть. Запальное отверстие справа, диаметр его из-за плохой сохранности не устанавливается. Ствол крепился к ложу при помощи «ушек», встав-

¹ Гордеев Н. В. Русское огнестрельное оружие XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 10.

² Мышковский Е. В. Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV–XVI вв. // СА. 1961. № 1. С. 233.

ленных в нижнюю грань ствола. Сохранилось «ушко», размещенное в 60 мм от дульного среза, второе должно было крепиться ближе к казенной части.

Если перед нами ствол пистолета (сомнения все же остаются, но аккуратная отделка дульного среза при плохой сохранности ствола не предполагает иной интерпретации), то перед нами, возможно, один из тех западноевропейских пистолетов, что стали распространяться в России со второй половины XVI в. Лишь в первой четверти XVII в. в оружейных мастерских Московской Руси начинают производить пистолеты с кремнево-ударными замками и богатой отделкой¹.

Свинцовые снаряды для ручного огнестрельного оружия.

Вколлекции снаряды для ручного огнестрельного оружия многочисленны – 114 единиц (готовые к боевому применению пули, заготовки и стреляные снаряды). Основываясь на разработанных схемах систематизации для Московской Руси, снаряды Тушинского лагеря по технике изготовления можно разделить на две большие группы (Рис. 13, 14)².

Группа 1. Свинцовые снаряды для ручного огнестрельного оружия, изготовленные методом литья свинца в формы – пулелейки. Всего к данной группе относилось 90 экземпляров, что составляло 86% от общего числа.

Из 72 определяемых экземпляров нами выделено 4 варианта.

Вариант 1. Снаряд шаровидный с литником без дальнейшей обработки (Рис. 13: 1). Включает 44 экземпляра, что составляет 61% от всех снарядов данной группы. Вес 4–13,6 г, диаметр 8–13 мм.

Вариант 1А. Деформация свинца в форме, с литником, без дальнейшей обработки (Рис. 13: 1А). Включает 7 экземпляров, 10% от всех снарядов группы. Вес 5,2–13,2 г, диаметр 8–12 мм.

Вариант 2. Снаряд шаровидный, нормально обрублен (Рис. 13: 2). Включает 20 экземпляров, 28 % снарядов группы. Вес 4,8–24,5 г, диаметр 9–17 мм.

Вариант 2А. Снаряд шаровидный. При литье обрублена часть пули с литником, без дальнейшей обработки (Рис. 13: 2А). Включает 1 экземпляр (1%). Вес 3,7 г, диаметр 9 мм.

Варианты 1–1а представлены пулями, прошедшими только первичную стадию изготовления – литье свинца в формы. Варианты 2–2А – пули, прошедшие первичную обработку – рубку литника. Сюда относятся также пули, несущие следы последующего применения, хранения, возможной вторичной обработки. Из зафиксированных вариантов только вариант 2 содержит законченную округлую пулю, что составляет примерно 28% от общего числа снарядов, изготовленных данным способом. Остальные 72%, собственно говоря, являются браком, который все-таки использовался для стрельбы. Все свинцовые снаряды группы 1 делятся по весо-размерным характеристикам на три раздела (см. табл. 1).

Таблица 1

Варианты размеров группы 1	Раздел 1	Раздел 2	Раздел 3
%	20	78	2
количество	12	46	2
диаметры	8–9,5 мм	10–14 мм	16–17 мм
Вес	4–6,5 гр	6,5–14 гр	24,5гр.

¹ *Маковская Л. К.* Стрелковое оружие россиян // Техника и вооружение. № 10–12. М., 1991. С. 50.

² *Двуреченский О. В.* Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV – начала XVIII вв. // Археология Подмоскovie. Вып. 2. М., 2005.

Первый раздел представляет собой пули пистолетов и малокалиберных ружей весом 4–6 г. В материалах Епифанских слобод свинцовых снарядов такого типа зафиксировано не было¹.

Второй раздел, самый большой, составляют обычные боеприпасы к наиболее распространенному оружию – пищалям. Третий раздел – к затинным пищалям или малокалиберным пушкам. Возможно, это снаряды к крупным мушкетам, начавшим распространяться в это время на территории Московской Руси.

В целом заметна небрежность в изготовлении пуль, особенно на второй стадии их обработки, когда при обрезке литника рубили до половины пули, после чего бракованный снаряд мог быть обкатан, чтобы придать ему более округлую форму. Почти полностью отсутствуют (за исключением одного экземпляра) снаряды со следами обжима. Такие следы свойственны боеприпасам, находившимся в долгом казенном хранении, либо поставлявшиеся в войска. В епифанских материалах они характерны для первой половины XVII в. и отличаются аккуратной формой, стандартностью веса (10,5 г) и диаметра (12 мм). Таковы же данные пули из Тушина, за исключением того, что она дошла с литником и поэтому на 0,5 г тяжелее².

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие (за исключением сомнительных) снарядов группы 2, выделенных по материалам Москвы и Епифани: изготовленный литьем расплавленного свинца в жидкую среду (масло, воду).

Группа 3. Снаряды, изготовленные методом рубки обкатки свинцовых заготовок, без термообработки (Рис. 14).

Способ изготовления снаряда включал два этапа. Свинцовая проволока-заготовка рубилась на цилиндры, после чего эти куски закругляли катанием (современные охотники при изготовлении пули или дроби кустарным способом используют чугунные сковороды и катают по железному листу). В результате пуля может получиться округлой и мало чем уступать качественно отлитой. Такие снаряды назывались «секанцами», от слова «сечь, рубить»³. Могли так же обкатать и произвольный кусок свинца.

К группе относятся 14 экземпляров – 14% от общего числа снарядов. Значительный процент составляют необработанные свинцовые цилиндры. Цилиндры могли быть заготовками для пулелеек. Но против последней версии говорит отличие весовых характеристик нестандартных заготовок от готовых пуль в пулелейках. Являлись ли они необкатанными заготовками или могли использоваться как самостоятельные снаряды, сказать трудно, во всяком случае, исключать такую возможность нельзя. Для XIX–XX вв. известны охотничьи снаряды разрушительного действия – «жеребей», предназначенные для стрельбы по крупным целям и практически ничем не отличающиеся от свинцовых цилиндров Тушинского лагеря. Изготавливали их так же, как правило, кустарно путем рубки свинцовой проволоки⁴.

Таким образом, свинцовые снаряды данной группы представлены двумя вариантами.

Вариант 1. Заготовка (или снаряд – жеребей?) в виде цилиндра, без дальнейшей обработки (включает 10 экземпляров, что составляет 71% от 14 данной группы, без учета стрелянных). Вес от 4,2 до 13,8 г, высота цилиндра 9–15 мм, диаметр 8–13 мм.

¹ Гоняный М. И., Гриценко В. П., Двуреченский О. В. Комплекс вооружения...

² Там же.

³ Маркевич. В. Е. Ручное огнестрельное оружие. М. 1994. С. 115.

⁴ Бутурлин С. А. Стрельба пульей. СПб., 1912. С. 23.

Вариант 2. Произвольный кусок свинца, или заготовка в виде цилиндра со следами обкатки, включает 4 экземпляра. Вес от 7,5 до 11,5 г, диаметр 10–14 мм.

Все свинцовые снаряды группы 3 делятся по весо-размерным характеристикам на два раздела (Табл. 2).

Таблица 2

Варианты размеров группы 3	Раздел 1	Раздел 2
количество	5	5
диаметры	8-10 мм	10-13 мм
вес	4,2-5,2 г	8,2-13,8 г

Первый раздел содержит пули от пистолетов и малокалиберных ружей. Второй – самый массовый – обычные боеприпасы к пищалям.

Литье пуль, как на местах, так и централизованно, осуществлялось в уполовнях и пулелейках, емкостях, в которых плавился свинец и формочках, по которым он затем разливался. В материалах Тушинского лагеря известны крупные половники с втульчатый основанием для деревянной ручки и уполовни меньших размеров.

Формы-пулелейки – одного типа, клещевидного (Рис. 12: 4–6), представляют собой клещи с формочками на конце в форме полусфер с каналами для литья. Длина трех тушинских пулелейек от 110–125 мм. Диаметр отливаемых пуль установить не удалось, так как створки формочек «сварились» от коррозии.

К военному снаряжению ряд авторов также относят обычные клещи, которые могли использоваться для обрезания торцов пуль, т.е. литников. Размеры и грубость некоторых ножниц коллекции позволяют не совсем убедительно определить их назначение для обрезания фитилей.

Пороховницы или натруски в материалах из Тушино представлены маленьким фрагментом сосочка пороховницы с крышкой на рычажке (Рис. 12: 8). Такие приспособления служили для мерной засыпки пороха в канал ствола или на полку ружейного замка. Высота сохранившейся части 45 мм.

Многочисленные ключи для разборки и чистки ружейных замков хорошо известны по материалам раскопок в Москве; в коллекции Тушинского лагеря они представлены в количестве 5 (Рис. 11: 5–9). Они делятся на две разновидности. К первой относятся короткие бруски длиной 100 мм, прямоугольного сечения со скосом «под отвертку» в верхней части, втульчатый основанием для крепления рукояти. В плоскости пластины пробиты три квадратных отверстия со стороной 5–6 мм. К другой разновидности относятся сложно профилированные пластины со стерженьком и петлей на конце (для подвешивания?). В плоскости пластины пробиты различные по форме отверстия для работы с разнообразными профилями крепежей; длина изделия 157 мм.

К инструменту оружейников также традиционно относят представленные в коллекции овалы кресала с вырезами различных форм вдоль центральной прорезы, служившие для отвертывания колков ружейных замков (Рис. 12: 10, 11). Узкие концы кресал использовались как отвертки¹. Длина кресал – 130–133 мм при ширине рабочей части 30–35 мм. Возможно, кресала без вырезов также употреблялись как отвертки.

¹ Розенфельдт Р. Л. Инструменты московских ремесленников. С. 264.

К огнестрельному снаряжению в широком смысле следует отнести артиллерийские ядра; пятнадцать было собрано на территории лагеря и вошло в коллекцию ГИМ. Все они – железные и шаровидные, диаметром от 21 до 95 мм. 21–30 мм ядра составляют 40%, 40–60 мм – также 40%, 65–95 мм – 20%. Малое количество ядер косвенно говорит о наличии орудийного парка тушинцев.

Оборонительное снаряжение.

Из широкого спектра кольчуг и панцирей конца XVI–XVII вв. в материалах Тушина представлены только обрывки шести кольчатых доспехов. Они сильно фрагментированы и представлены в виде либо спекшихся комков, либо очищенных и закрепленных реставраторами прямоугольных участков плетения, не позволяющих определить детали покроя, способы плетения и отделки. Из шести доспехов только у четырех восстанавливаются размеры и типы кольчужных колец.

№ 163 и 164, возможно – сильно спекшиеся фрагменты одной кольчуги. Оба состояли из мелких колец диаметром 7,5 мм, сечение дрота не определяется; толщина дрота – 2–2,5 мм. Не ясен и способ скрепления ветвей кольца.

Фрагмент кольчатого доспеха (№ 805) состоял из девяти рядов колец (диаметр 12,5 мм) собранных «на гвоздь» из овальной проволоки толщиной 1,5–2 мм.

Самый крупный фрагмент кольчужного полотна (№ 829) в отреставрированном виде имеет размер 800×300 мм, состоит из 33 рядов колец, каждое скреплено с четырьмя соседними. Кольца двух типов; первый тип (диаметр 12,5 мм) собран «на гвоздь» из уплощенно-овальной проволоки, толщиной 2,5–3 мм. Кольца второго типа – такого же диаметра просечные. Полотно – возможно, фрагмент распущенного или несобранного доспеха, что может указывать на существование в Тушинском лагере кузнечных мастерских, изготавливавших столь сложные изделия.

Удивляет отсутствие более распространенных в это время панцирных кольчатых доспехов (все обрывки – части кольчуг), что может быть объяснено либо малочисленностью фрагментов, либо простой случайностью¹.

Конское снаряжение

Удила.

В Тушинской коллекции удила представлены в виде девяти целых образцов, трех фрагментов без колец или половины грызла, четырех звеньев грызла без колец и восьми удильных колец. Все они дополняют нашу информацию о средствах управления конем (Рис. 15–17).

А. В. Никитин впервые опубликовал тушинские удила, приведя их несколько изображений. Систематика была проведена нами на основе разработанной А. Н. Кирпичниковым типологической схемы удил, псалиев и упряжных колец.

К типу I относится обломанный фрагмент псалия (второй разновидности по А. Н. Кирпичникову), в щитке которого пробито отверстие (Рис. 16: 4). В него продета петля окончания грызла в форме восьмерки. Сохранился и фрагмент кольца, продетого в ушко перпендикулярное к тому, куда продет псалий. Длина сохранившейся части псалия 90 мм. Такой тип датируется в основном в пределах IX–XIII вв.,

¹ Гордеев Н. В. Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 85.

и лишь один экземпляр происходил из слоев XII–XIII вв.¹ Раннее удило, вероятно, попало в коллекцию из разрушенного поселения, существовавшего на территории лагеря или поблизости.

Тип II удила представлен одним экземпляром (Рис. 16: 2). Он состоит из двух подвижных равных звеньев (сечение дрота подпрямоугольное, диаметр 6×8 мм, длина 91 и 93 мм) и двух псалиев (8 разновидность). Общая длина грызла 177 мм. Удила такого типа, возникнув в X в., просуществовали до наших дней без значительных изменений².

Все остальные удила относятся к *типу IV* и представлены наиболее универсальной и распространенной формой. Они состоят из двух подвижных равных звеньев (сечение дрота округлое или подквадратное), длина звеньев грызла, как правило, не одинакова. Основной процент удил имел длину грызла 155–200 мм, остальные экземпляры – либо очень маленькие с длиной грызла 132 мм, либо очень крупные с длиной 213 мм. Отличаются и диаметры колец у одних и тех же удил (10–24 мм). Данный тип кольчатых удил на территории Восточной Европы появляется в IX–X вв., а к XII становится господствующим³.

Отдельно от описанных выше типов стоит фрагмент удила, где вместо одного из колец был вставлен псалий или фрагмент псалия (Рис. 17: 7).

Удильные кольца в составе самих удил и найденные при сборах на территории Тушинского лагеря отличаются по размерам и внешнему виду. Выделяются круглые и восьмиугольные кольца, оба типа могли применяться в одном комплекте удил.

Шпоры.

Из Тушинского лагеря все 9 целых шпор и фрагменты относятся к колесиковым (тип V классификации А. Н. Кирпичникова). Применение типологии А. Н. Кирпичникова, оправданное для более ранних материалов, требует детализации для позднейшего периода⁴. Более дробная типология шпор позднего периода представлена систематизацией Ю. Н. Бохана, разработанной на материале Великого княжества Литовского. Автор определяет четыре основных группы второй половины XIV – конца XVI в. Как и у А. Н. Кирпичникова, в систематизации Ю. Н. Бохана основой для выделения типов послужили формы дужки, петель и держателя колесца. Аналогичные шпоры известны по материалам Руси XIV–XVII вв., и представляется оправданным привлечение этой систематизации для описания тушинских материалов⁵.

Наши шпоры относятся к третьей и четвертой группам Ю. Н. Бохана (Рис. 20). Характерной особенностью третьей группы является расположенная в одной горизонтальной плоскости с держателем колесца и петель пластинчатая дужка (Рис. 20: 1, 2, 6, 7). Держатель колесца также пластинчатый. Высота ветви дужки у тушинских шпор достигает 15–20 мм. К группе относятся четыре изделия. Петли у шпор группы относятся к двум типам. У двух экземпляров петли представляют

¹ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1–36. Л., 1973. С. 14.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 12, 17.

⁴ Там же. Рис. 37.

⁵ Там же. С. 48–50; Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. Вып. Е1–34. М., 1971. С. 40, 59; Бохан Ю. М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – конца XVI ст. Минск, 2002. С. 222–226.

собой прямоугольные расширения на конце с двумя просечными прямоугольными отверстиями с каждой стороны (тип 2 по А. Н. Кирпичникову). Два других, с сохранившимися петлями, относятся к неизвестному в ранний период типу в виде пластины с полукольцом на верхней грани, куда крепилась пряжка и дополнительное отверстие в пластине шпоры. Возможно, перед нами эволюция раннесредневековых петель тип 6 или 7¹. Держатели колеса, как уже было сказано, имеют вид прямой раздвоенной на конце пластины. Данная группа шпор центральноевропейской исторической традицией относится к «гусарским» шпорам, распространившимся в XVI – середине XVII вв. Ближайшие аналогии тушинским образцам являются шпоры из Витебска, Кричева².

Характерной особенностью шпор четвертой группы является держатель колеса, имеющий коленчатый перегиб, направленный вниз, на расщепленном конце которого закреплено колесо. Шпоры имеют горизонтально расположенные полукруглые или подтреугольные в сечении дужки. Такая же форма у держателей колеса. Шпоры данной группы, как правило, мелкие с пластинчатыми петлями крепления (тип 2)³. Всего к группе относятся четыре изделия (Рис. 20: 3, 4, 5, 9). Сохранившиеся колеса у шпор третьей и четвертой групп характеризуются большим количеством (от 15 до 24) мелких зубцов, что резко отличает их от ранних образцов с колесовым шипом⁴. Шпоры четвертой группы относятся к «острогам немецким», распространение которых связывается с западноевропейской традицией. Именно такими шпорами с короткими изогнутыми шейками снаряжались рейтарские и кирасирские полки Западной Европы⁵, вытеснив «гусарские». Обнаружение шпор двух основных разновидностей, характерных для Центральной Европы конца XVI – начала XVII вв., не только иллюстрирует снаряжение иностранного контингента в Тушино, но, возможно, свидетельствует о влиянии европейских традиций на амуницию московского всадника.

Стремена.

При сборах на территории Тушинского лагеря найдено 13 стремян. Среди них 4 целых стремяна, 8 фрагментов. Одно стремя из списка коллекции не удалось разыскать в фондах ГИМ (Рис. 18, 19). Как и прочие категории военного и конского снаряжения позднего средневековья, стремяна до сего дня не получили должного освещения в отечественных вещеведческих работах. Разработанные типологии стремян древнерусских и восточноевропейских кочевнических стремян⁶ не могут применяться без существенной натяжки к позднесредневековым находкам Восточной Европы. Русские стремяна этого времени кратко рассмотрел А. В. Никитин⁷, значительно лучше изучены центральноевропейские стремяна⁸. Мы считали целесообразным проводить параллели, где удастся, как с более ранними (описанными А. Н. Кирпичниковым, Г. А. Федоровым-Давыдовым), так и с типами Центральной Европы близкого времени.

¹ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Рис. 38.

² Бохан Ю. М. Узбраенне войска ВКЛ... С. 222–226.

³ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. С. 63. Рис. 38.

⁴ Бохан Ю. М. Узбраенне войска ВКЛ... С. 222–226.

⁵ Там же. С. 225.

⁶ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. С. 63. Рис. 38; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. С. 12–16.

⁷ Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. С. 40, 59.

⁸ Бохан Ю. М. Узбраенне войска ВКЛ... С. 217, 218; Swietoslawski W. Strzemiona sredniowieczne z ziem Polski. Łódź, 1990. S. 70–73.

Стремена из Тушина можно разделить на две разновидности. К первой и большей (10 экземпляров) мы относим экземпляры с характерной «килевидной» арочной дужкой и прямой подножкой (Рис. 18: 1, 3–5; 19: 1–6). Подножки имеют линзовидную и подпрямоугольную формы. Их высота 160–175 мм, ширина подножки 40–100 мм. В верхней части свода дужки проделано отверстие для крепления стременного ремня. Ушко путлица стремян проделано в верхней части дужки, так что не имеет характерного округлого выступа ниже прорези. Стремена относятся к одному из самых распространенных типов, бытовавших на территории как Восточной, так и Центральной Европы в XVI–XVII вв.¹, появившемся еще в древнерусский период. А. Н. Кирпичников называл их стремянами со «смягченной угловатостью» (тип 7), поскольку их дужки плавно переходят в плоскую или прогнутую подножку, и относил их появление к XI в.² Наибольшее распространение этот тип получает в XIII в., и тогда же, вскоре после монгольского нашествия, их бытование, по мнению исследователя, прекращается. Именно поэтому, несмотря на общую схожесть древнерусских и позднесредневековых стремян этого типа, А. Н. Кирпичников не считал возможным связывать их единством развития. Ближайшие аналогии тушинские стремяна находят в слоях XVI–XVII вв. Москвы, Орешка, Кричева, Витебска. Очень близкие изделия происходят из кладов оружия Ипатьевского переулка и Арсенальной башни Кремля (XVI в.), найдены на месте битвы под Берестечком³.

Ко второй разновидности стремян относится один образец с грушевидным очертанием дужки и прямоугольным выступом над ее вершиной с широким отверстием для путлица (Рис. 18: 2). Высота 160 мм, ширина подножки 72 мм. Подножка плоская, в сечении прямоугольная. Этот тип стремян хорошо известен в материалах Западной и Центральной Европы XIV–XVII вв.⁴

Стремена коллекции демонстрируют распространенные типы Центральной и Восточной Европы конца XVI – начала XVII вв. и представляют собой «строевые» образцы, лишенные орнаментальных или технических украшений. Большая часть изломана либо деформирована, что и объясняет их утерю.

Наряду с ранее опубликованными сериями стремян Ипатьевского переулка и Арсенальной башни Кремля, тушинские материалы несут значительную новую информацию.

Подковы.

Подковы Тушинского лагеря представлены 30 экземплярами двух типов, выделенных для древнерусского периода. Из-за небольшой выборки подков мы будем следовать систематизации А. Н. Кирпичникова с некоторыми уточнениями⁵.

Первый тип представляет собой подковы в форме полукруга, чаще сегмента с одним передним шипом и четырьмя, реже шестью подпрямоугольными

¹ Шеляпина Н. С., Панова Т. Д., Авдусина Т. Д. Находки предметов вооружения из раскопок в Московском Кремле // СА № 2. 1979. С. 48; Бохан Ю. М. Узбраенне войска ВКЛ... С. 217–218; Кирпичников А. Н. Военное дело Древней Руси XIII–XV вв. Табл. IV; Ткачоу М. А., Мязельски А. А. Зброя і рыштунак вершника з раскопак Крычава // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. 1994. С. 192.

² Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. С. 50–51.

³ Шеляпина Н. С., Панова Т. Д., Авдусина Т. Д. Находки предметов вооружения из раскопок в Московском Кремле. С. 46; Бохан Ю. М. Узбраенне войска ВКЛ... С. 217–218; Кирпичников А. Н. Военное дело Древней Руси XIII–XV вв. Табл. IV; Ткачоу М. А., Мязельски А. А. Зброя і рыштунак вершника з раскопак Крычава // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1994. С. 192; Свешников И. Г. Битва під Берестечком. С. 259.

⁴ Бохан Ю. М. Узбраенне войска ВКЛ... С. 217, 218; Свешников И. Г. Битва під Берестечком. С. 259.

⁵ Двуреченский О. В. Средства и приемыковки лошадей в Москве и Московской земле (XIII–XIX вв.) // Археология Подмосковья. Вып. 1. М., 2004. С. 240.

отверстиями для гвоздей (Рис. 21: 4–6). Зафиксировано 14 таких изделий. Размеры: ширина 70–120 мм, длина 22–130 мм, высота шипа с основанием 20–28 мм. Средний вес 50–100 г. Тип делится на два основных варианта.

Вариант 1 (22 %) включает подковы шириной 70–115 мм и длиной 22–57 мм (Рис. 21, 4). Перед нами изделия, ширина которых в два раза больше, чем длина. Именно к этому варианту можно отнести указание Р. Л. Розенфельдта, что они набивались только на переднюю (зацепную) часть копыта и использовались, скорее всего, в зимнее время¹.

Вариант 2 (78%) представлен подковами той же ширины при длине 50–130 мм (Рис. 21: 5, 6). Скорее всего, они покрывали большую часть копыта, а не только зацеп. Строение и длина шипа первого и второго вариантов не отличаются.

Второй тип представлен подковами в форме трехчетвертного овала с двумя или тремя шипами (16 изделий). Подковы этого типа значительно крупнее: ширина на 95–130 мм, длина 100–140 мм. Средний вес 150–200 г (Рис. 21: 1–3).

Второй тип делится на две неравные по мастерству разновидности. К первой (4 экземпляра) можно отнести качественные изделия с четкими округлыми контурами, глубокими, хорошо читаемыми желобками, симметрично расположенными в них шестью узкими отверстиями и скованными на конус-пирамидку концевыми шипами (Рис. 21: 1). Аналогии хорошо известны в слоях средневековой Москвы². Вторая, более многочисленная разновидность, такого же размера, но значительно худшего качества (Рис. 21: 2–3). Пластина неровная, порой с извилистым краем, образованным пробитыми крупными отверстиями; желобки, соединяющие отверстия, плохо читаемы или отсутствуют, два (чаще три) шипа сформованы за счет загиба пластин, что сближает их с подковами третьего типа европейской систематизации. В слоях Москвы XVI–XVII вв. они неизвестны; возможно, перед нами работа пришлых тушинских кузнецов. Такие подковы были у лошадей в битве под Берестечком³.

Описанный комплекс с территории Тушинского лагеря демонстрирует весь спектр типов вооружения и снаряжения всадника и верхового коня конца XVI–XVII в. Можно отметить как вооружение поместного войска и конного казачества (копья, сабли, топорки, наконечники стрел, детали оборонительного вооружения), так и наступательное оружие стрельцов и городского ополчения (сабли, бердыши, топоры, пищали, ключи от ружейных замков, пулелейки). Набор вооружения в своей основе содержит широко известные типы. К нехарактерным предметам с осторожностью можно отнести некоторые типы шпор, латунные удила, перекрестья от сабель венгерско-польского образца, детали колесцового замка. Русское оружие этого периода до сих пор недостаточно изучено наукой. Нет публикаций крупных серий предметов, отсутствуют попытки целостной характеристики всей системы вооружения. Тушинские материалы (наряду с опубликованнымикладами оружия из Ипатьевского переулка и Арсенальной башни Кремля) приобретают особую значимость не только как узко датированный комплекс (несмотря на подъемный характер), но и как набор вооружения происходящий из военного лагеря, отразивший традиции народов Центральной и Восточной Европы.

¹ Розенфельдт Р. Л. О конструкции и назначении некоторых железных изделий // СА. № 2. 1960. С. 278.

² Двуреченский О. В. Средства и приемыковки лошадей в Москве и Московской земле (XIII–XIX вв.). С. 240–242.

³ Свешников И. Г. Битва під Берестечком. С. 261.

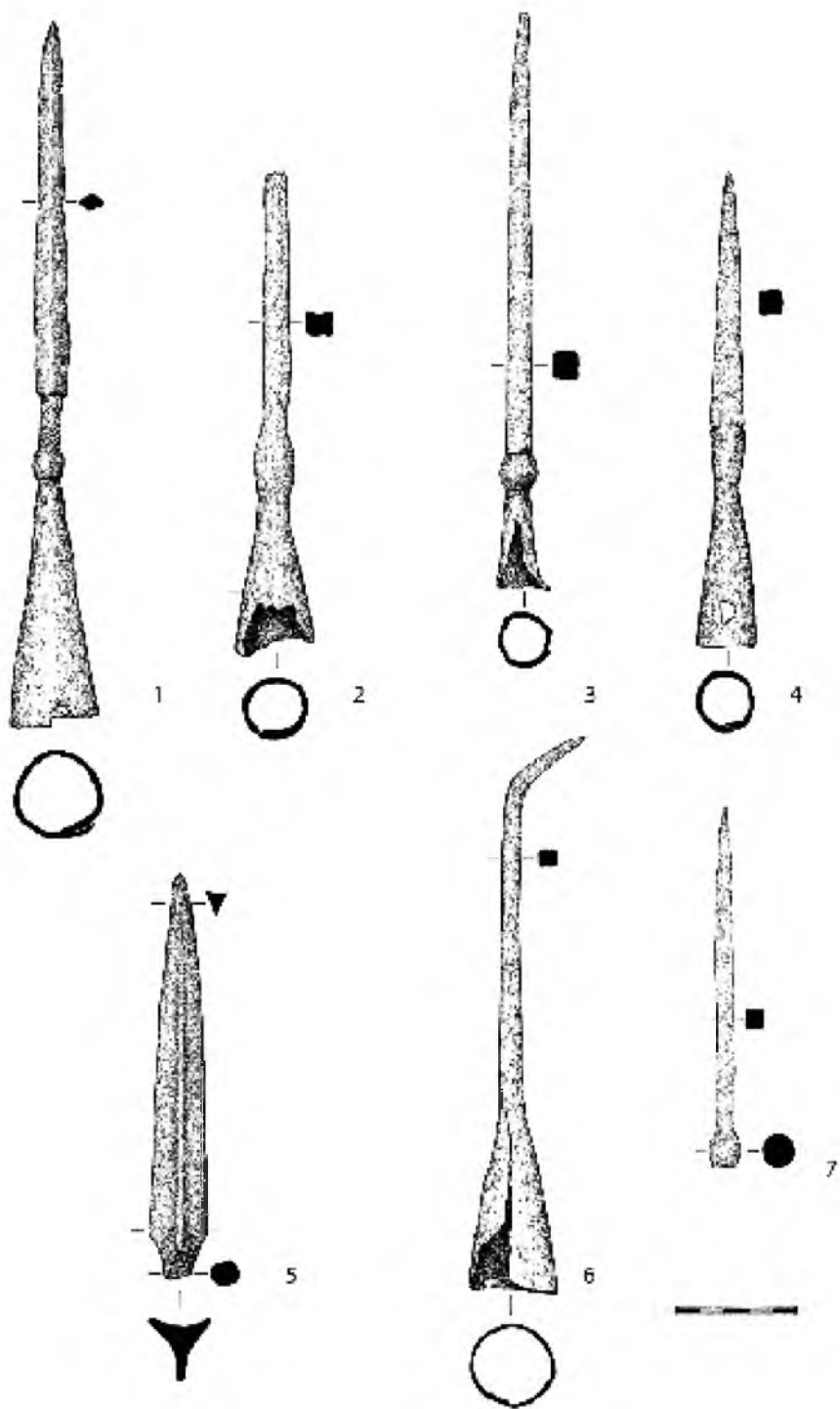

Рис. 1. Наконечники копий.

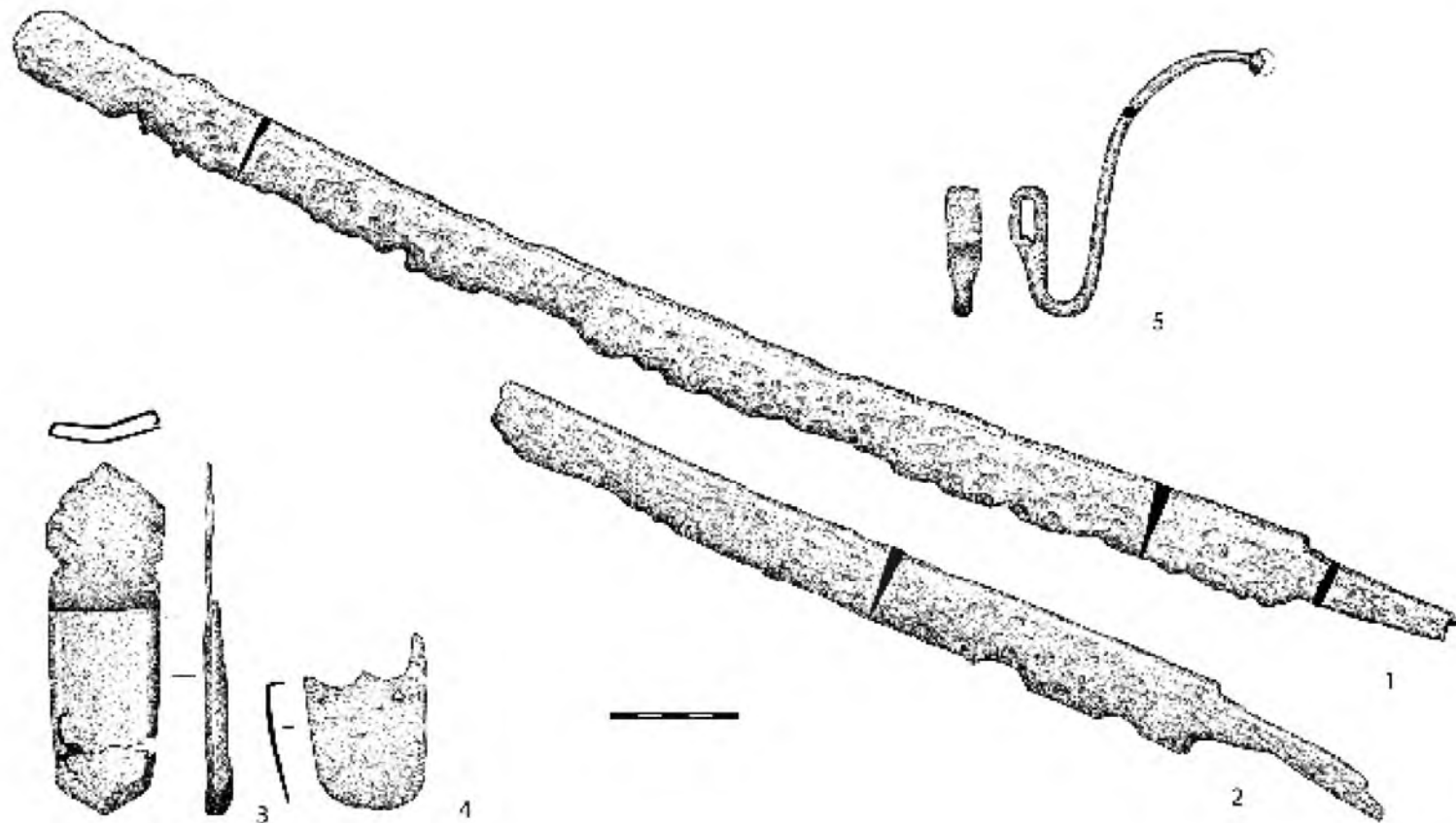

Рис. 2. Сабли, детали ножен, португейные принадлежности.
1, 2 – сабельные клинки; 3, 4 – наконечники ножен; 5 – португейный крюк.

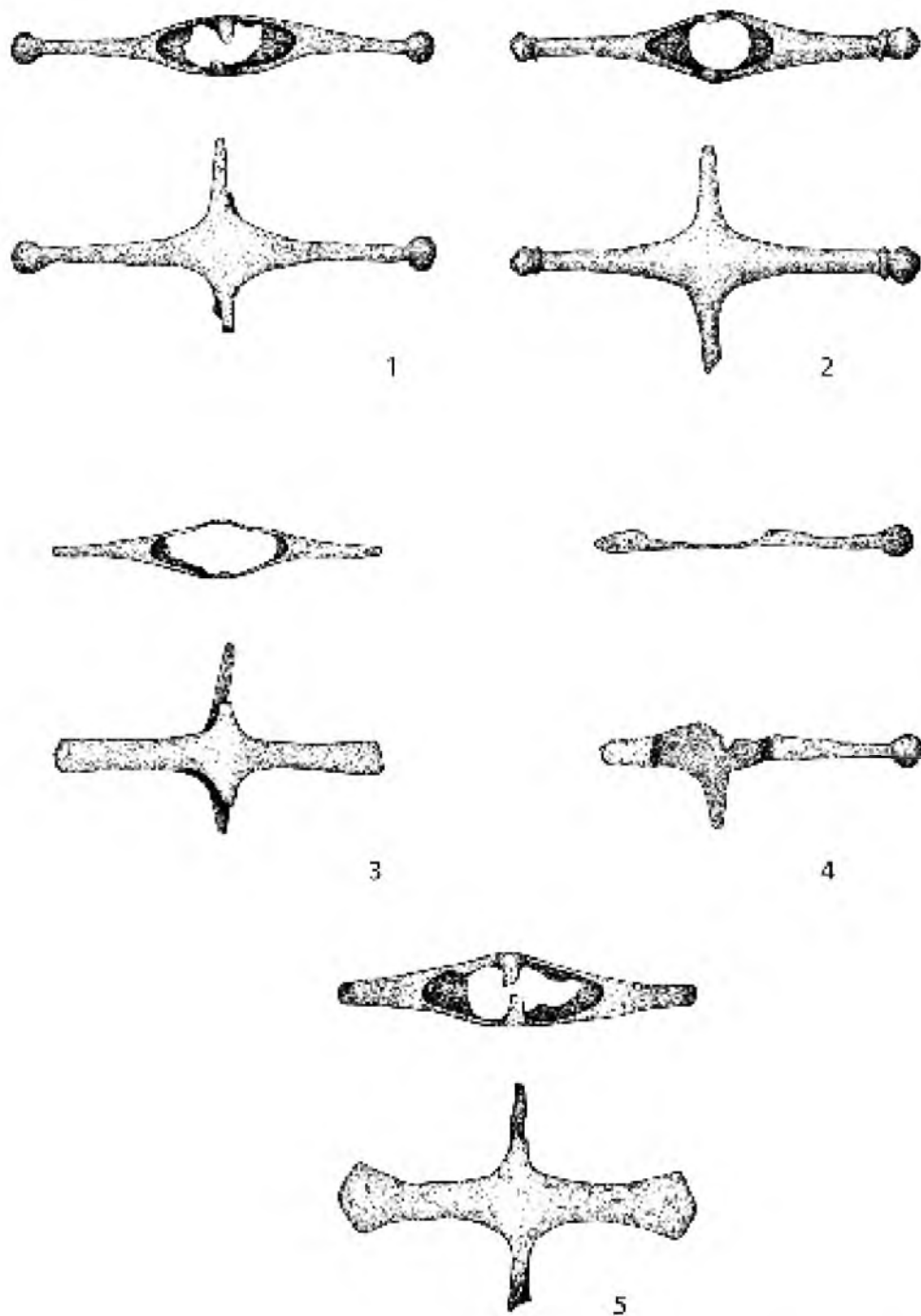

Рис. 3. Перекрестья сабель

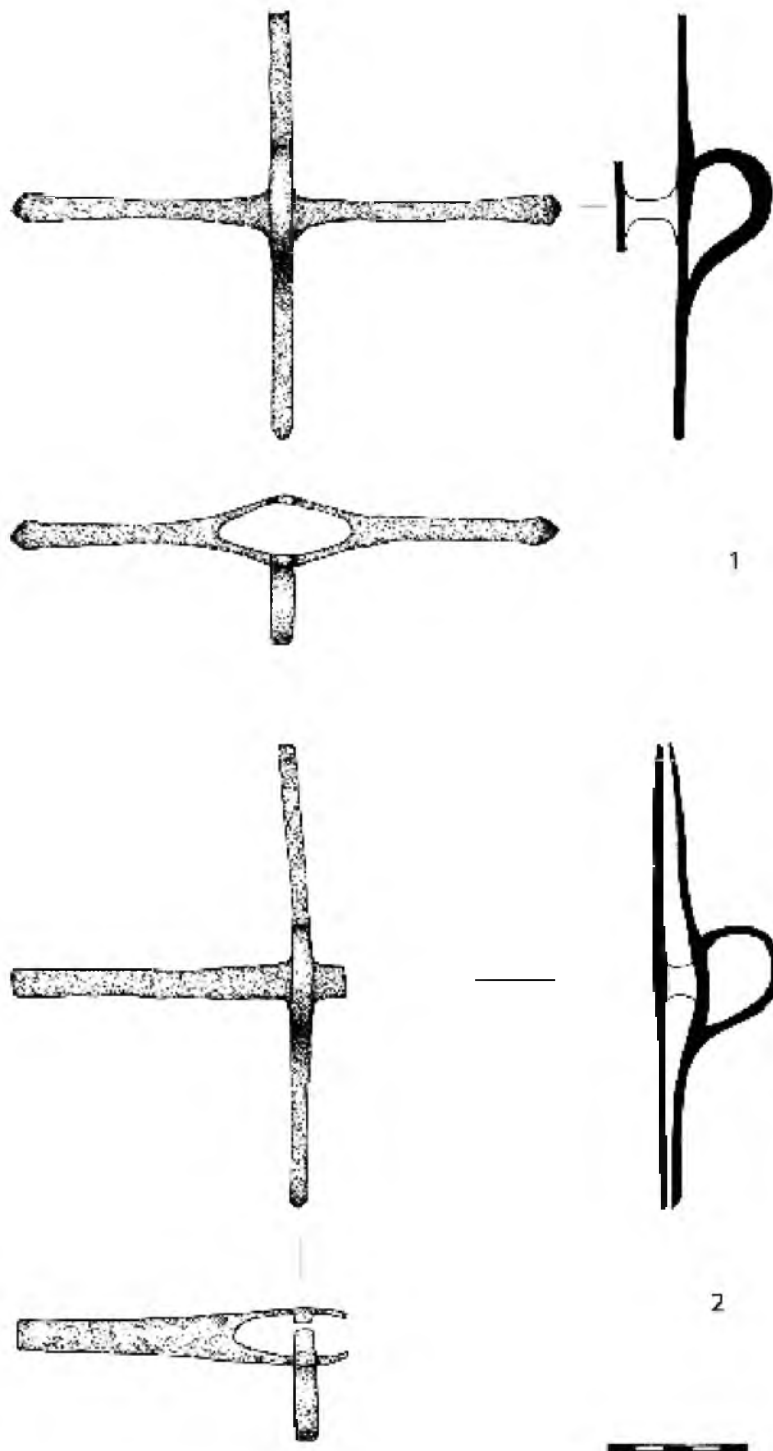

Рис. 4. Перекрестья сабель.

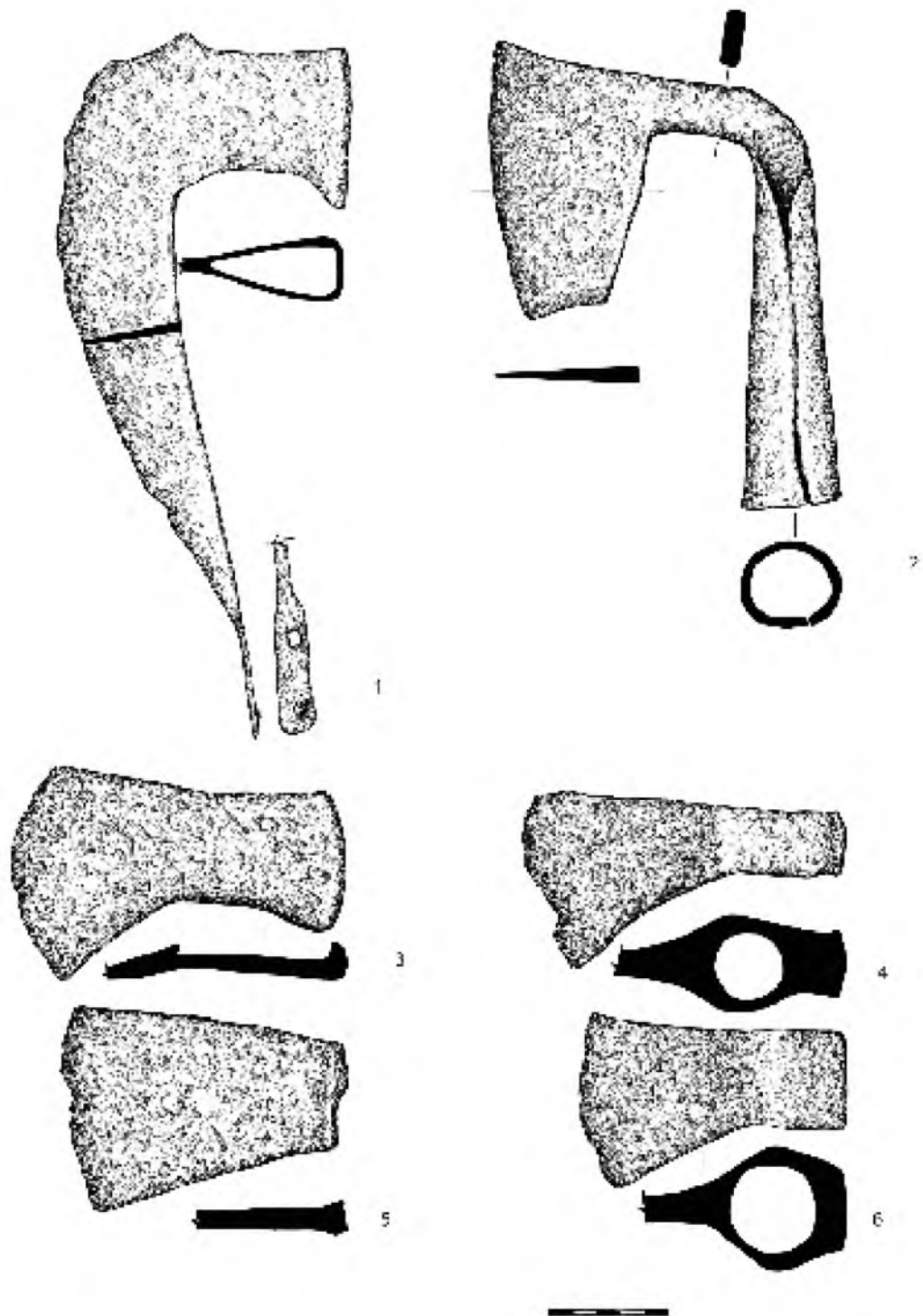

Рис. 5. Топоры.

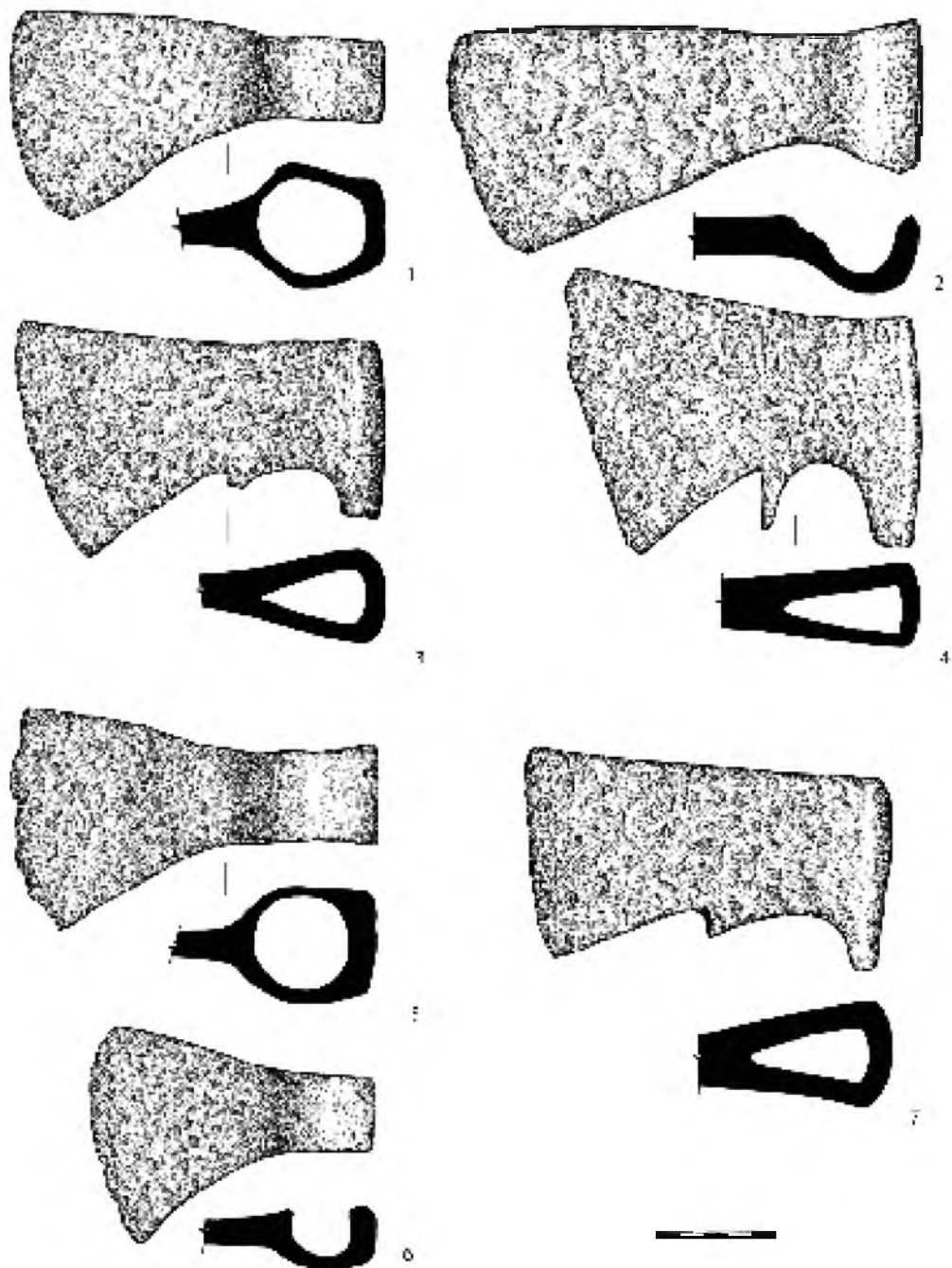

Рис. 6. Топоры.

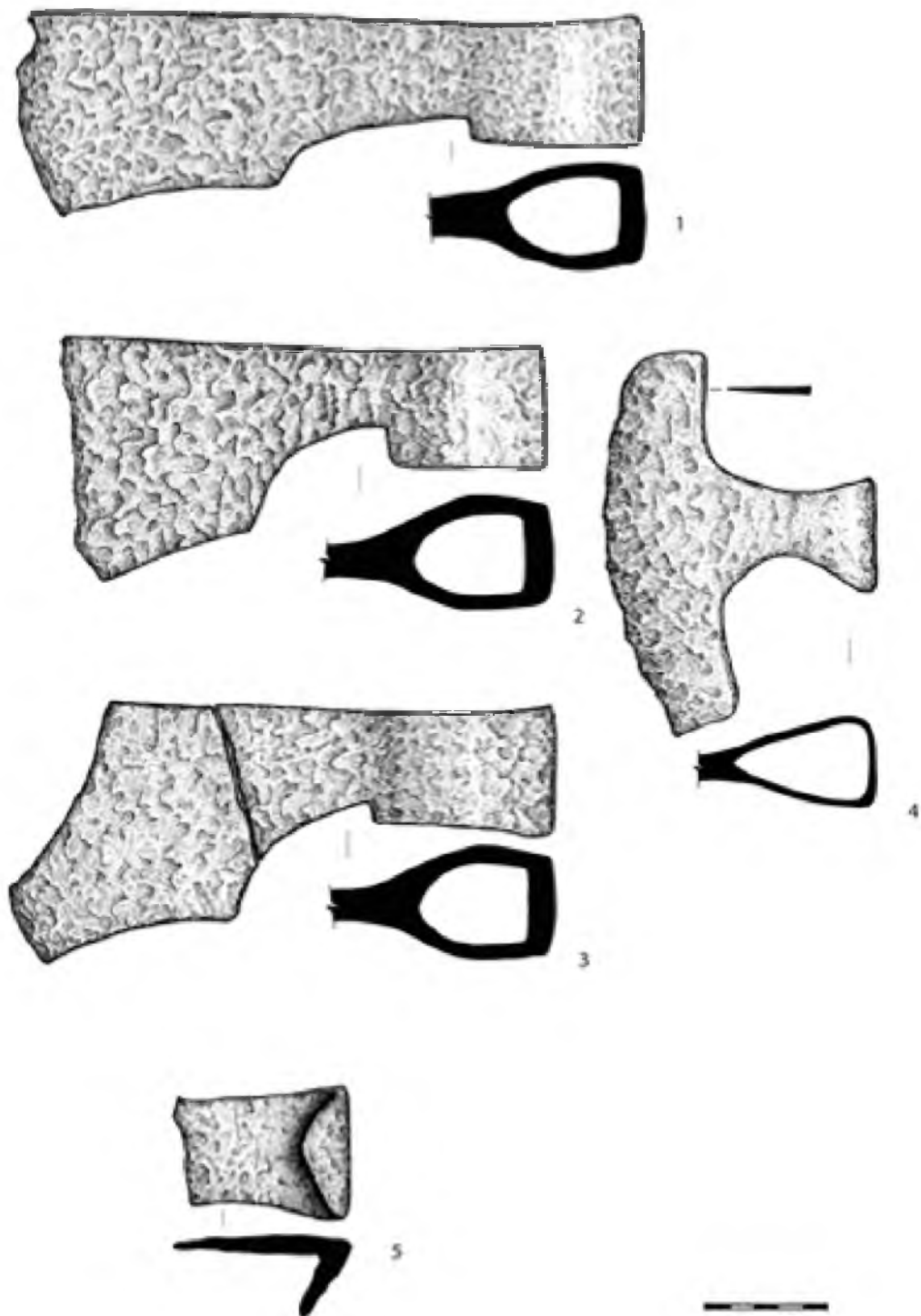

Рис. 7. Топоры.

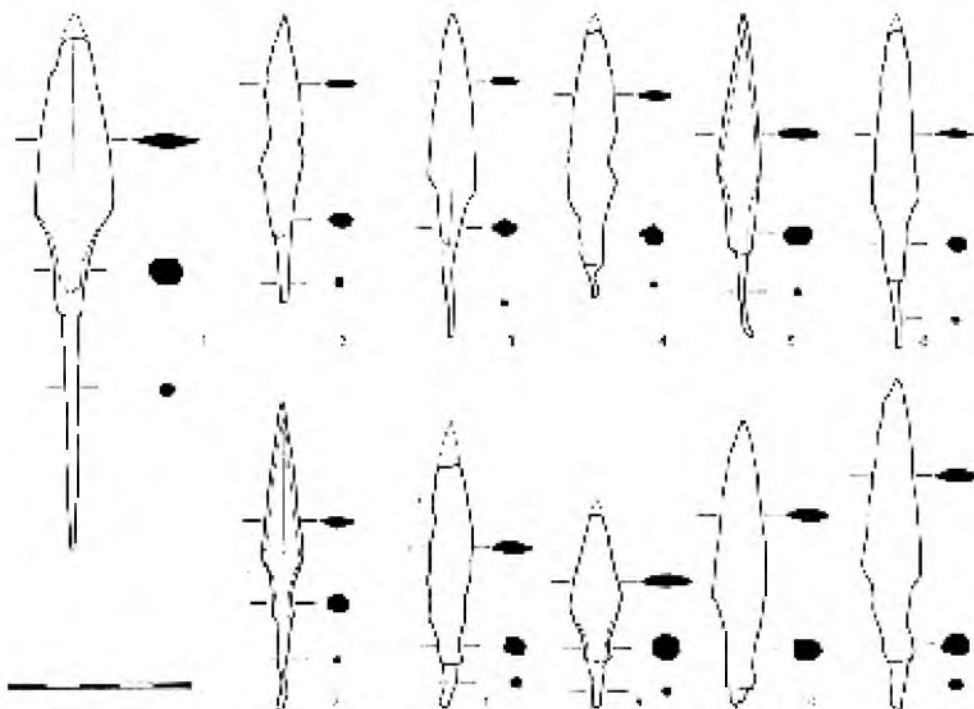

Рис. 8. Наконечники стрел.

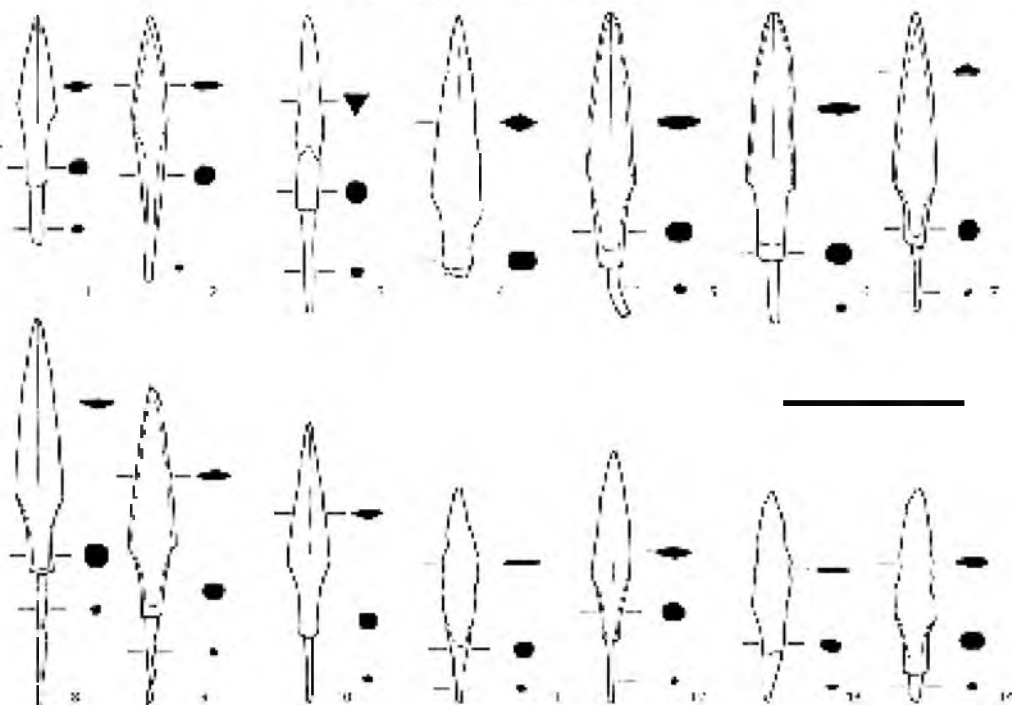

Рис. 9. Наконечники стрел.

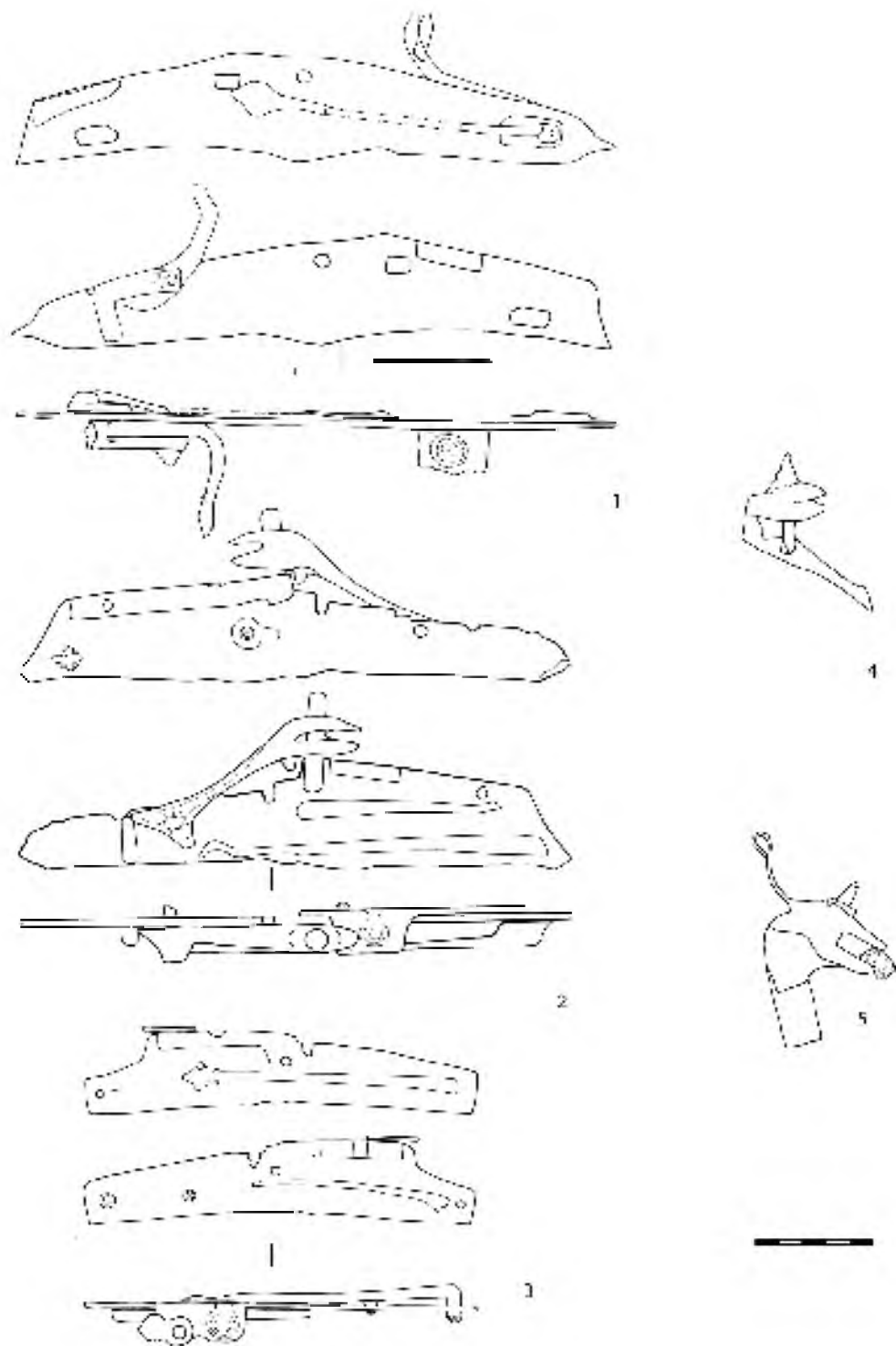

Рис. 10. Детали ружейных замков.

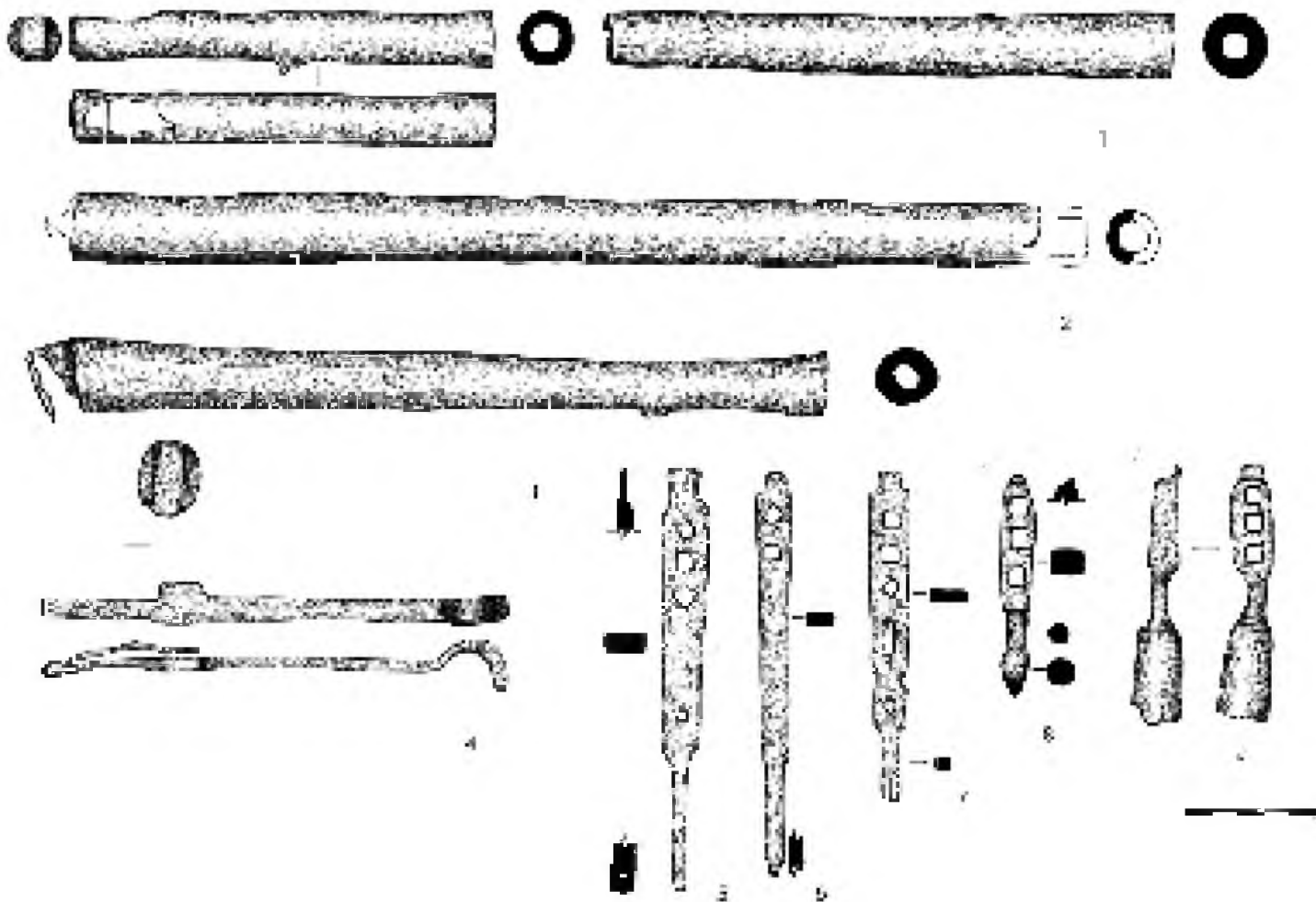

Рис. 11. Огнестрельное оружие.

1-3 – ружейные стволы; 4 – боевая пружина от ружейного замка; 5-9 – ключи для разборки пищалей.

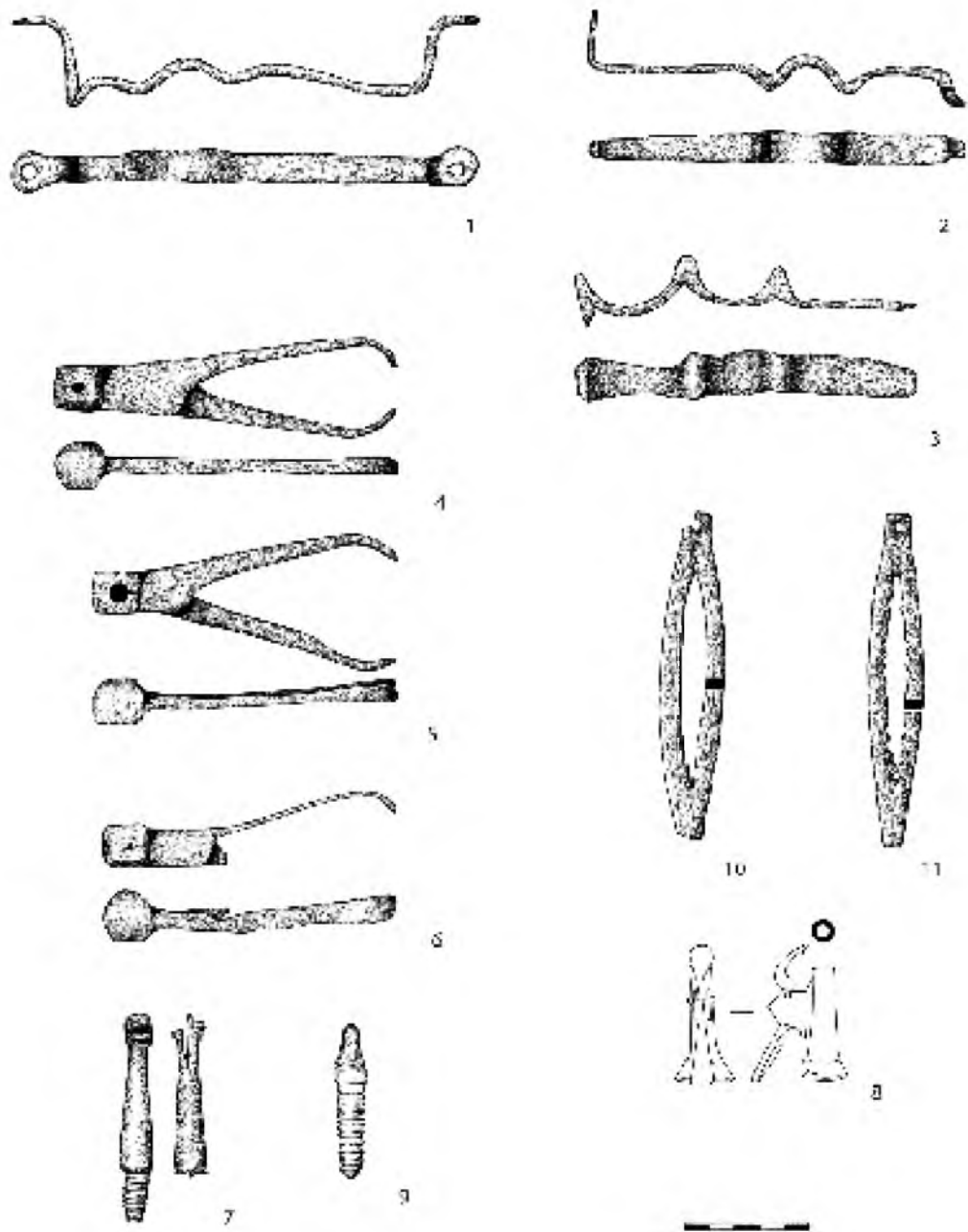

Рис. 12. Снаряжение для огнестрельного боя.

1-3 - подкурковые скобы; 4-6 - пулелейки; 7, 10, 11 - инструменты для обслуживания пищалей; 8 - фрагмент пороховницы; 9 - штифт от колесцового замка.

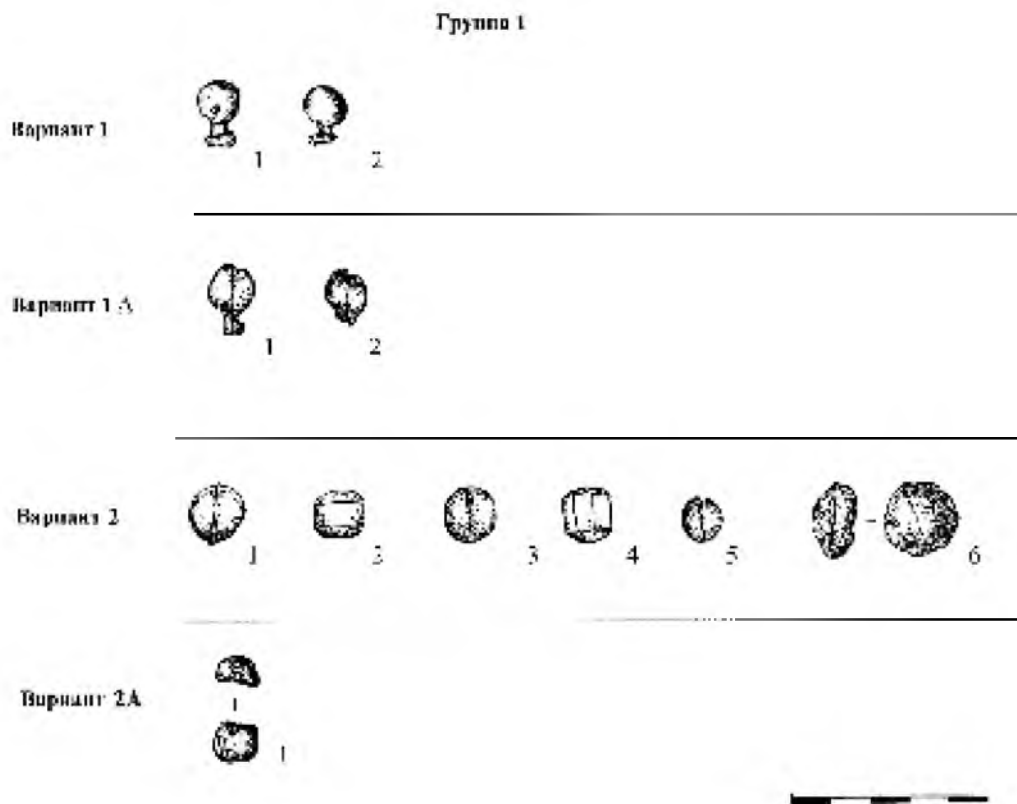

Рис. 13 Свинцовые снаряды для ручного огнестрельного оружия. Группа 1.

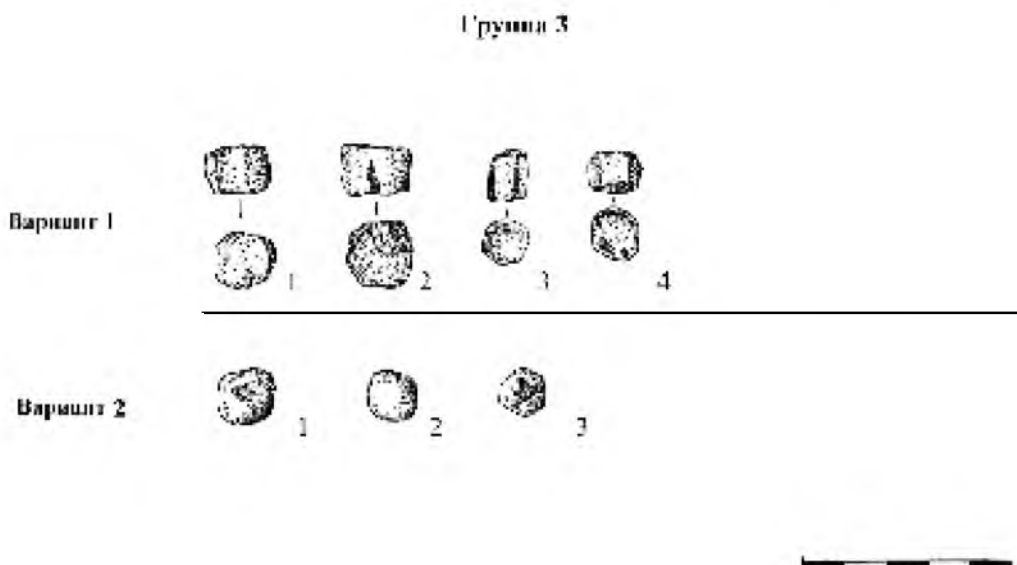

Рис. 14. Свинцовые снаряды для ручного огнестрельного оружия. Группа 3.

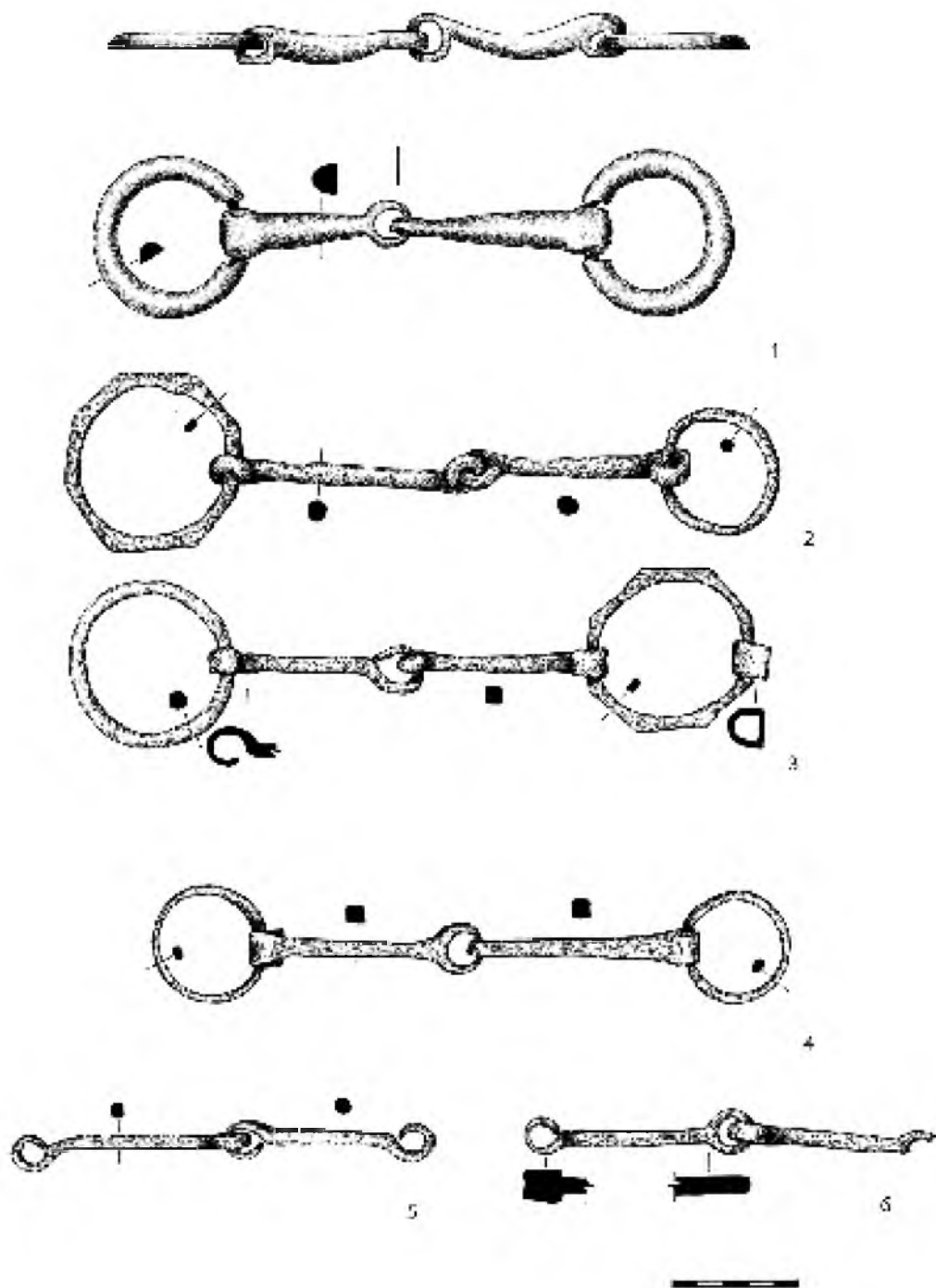

Рис. 15. Удила.

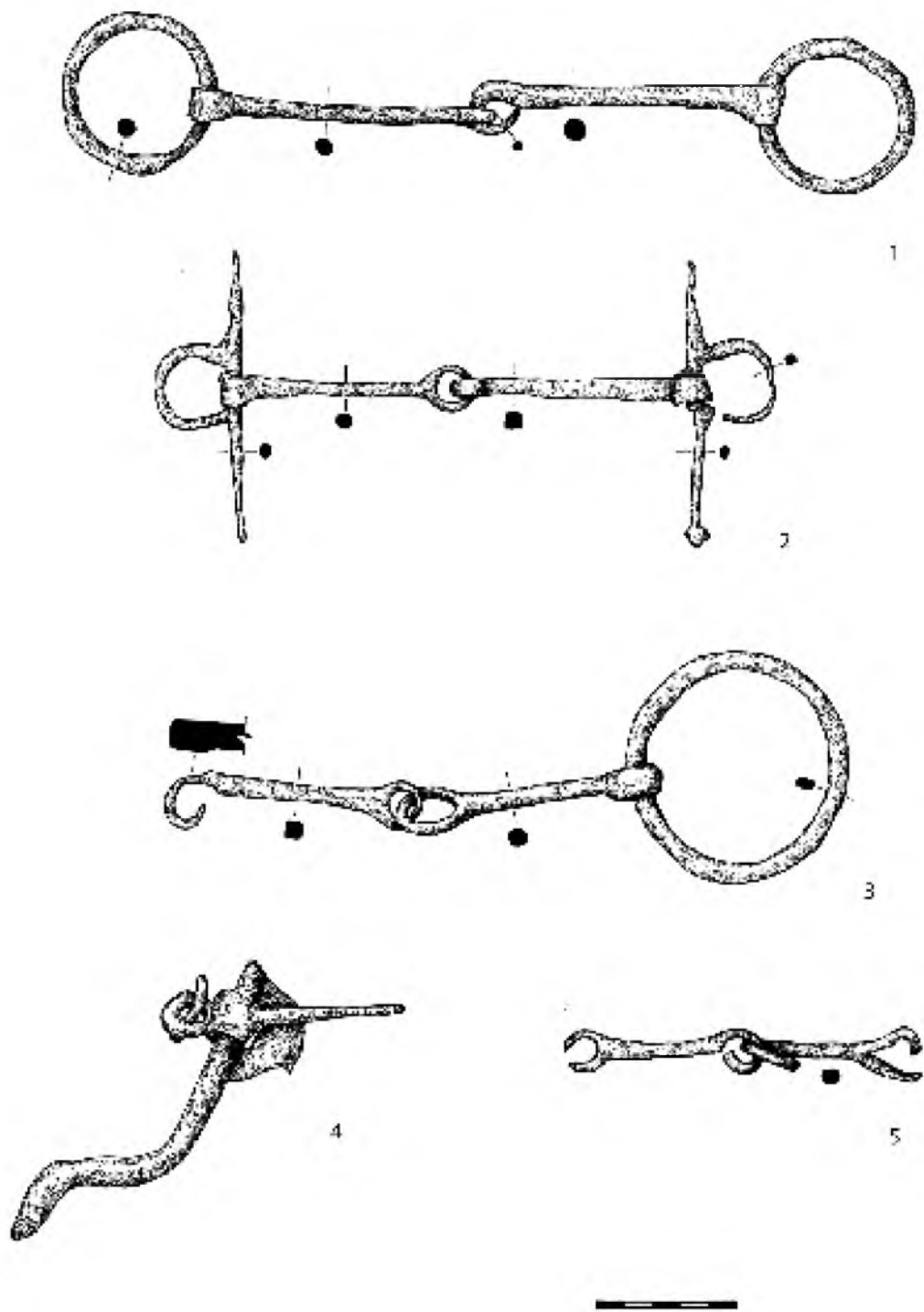

Рис. 16. Удила.

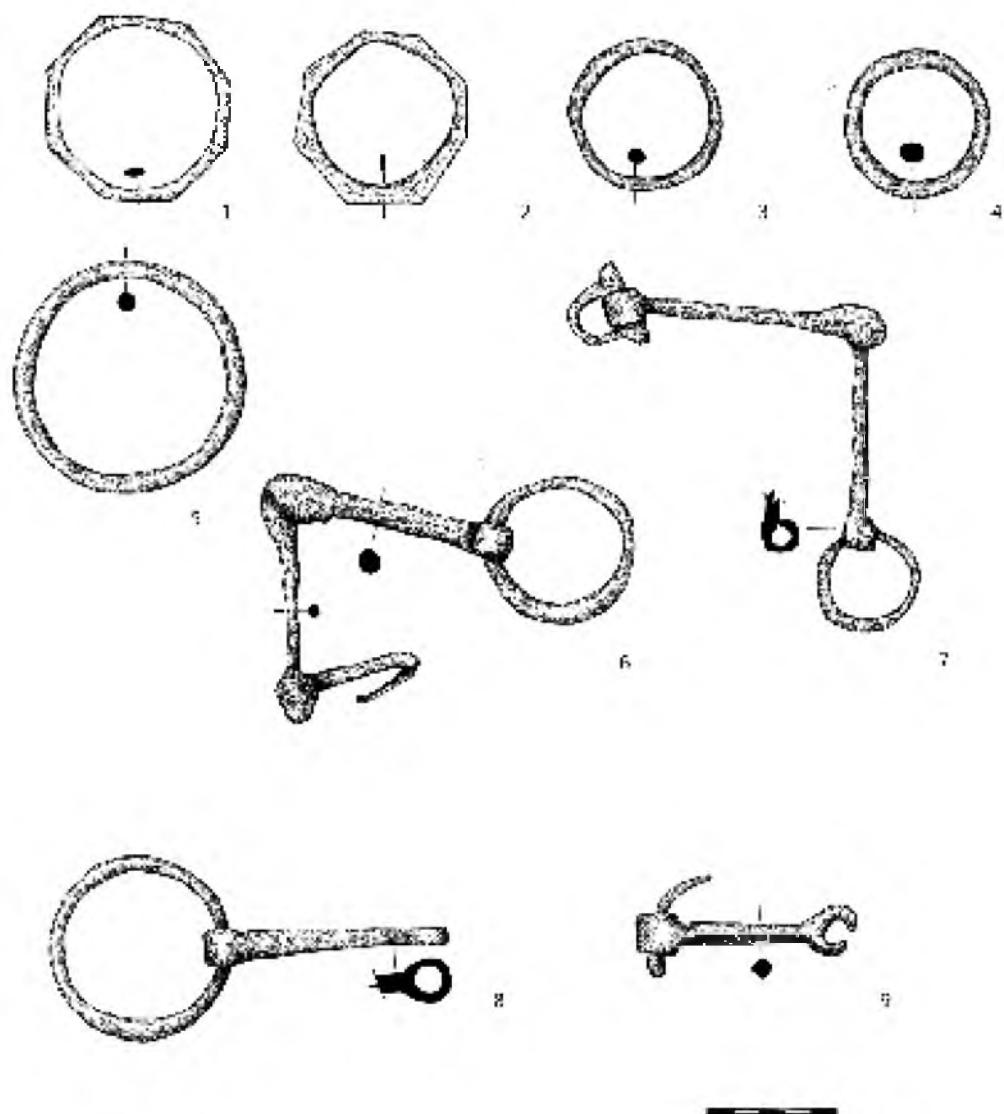

Рис. 17. Удила и удильные кольца.

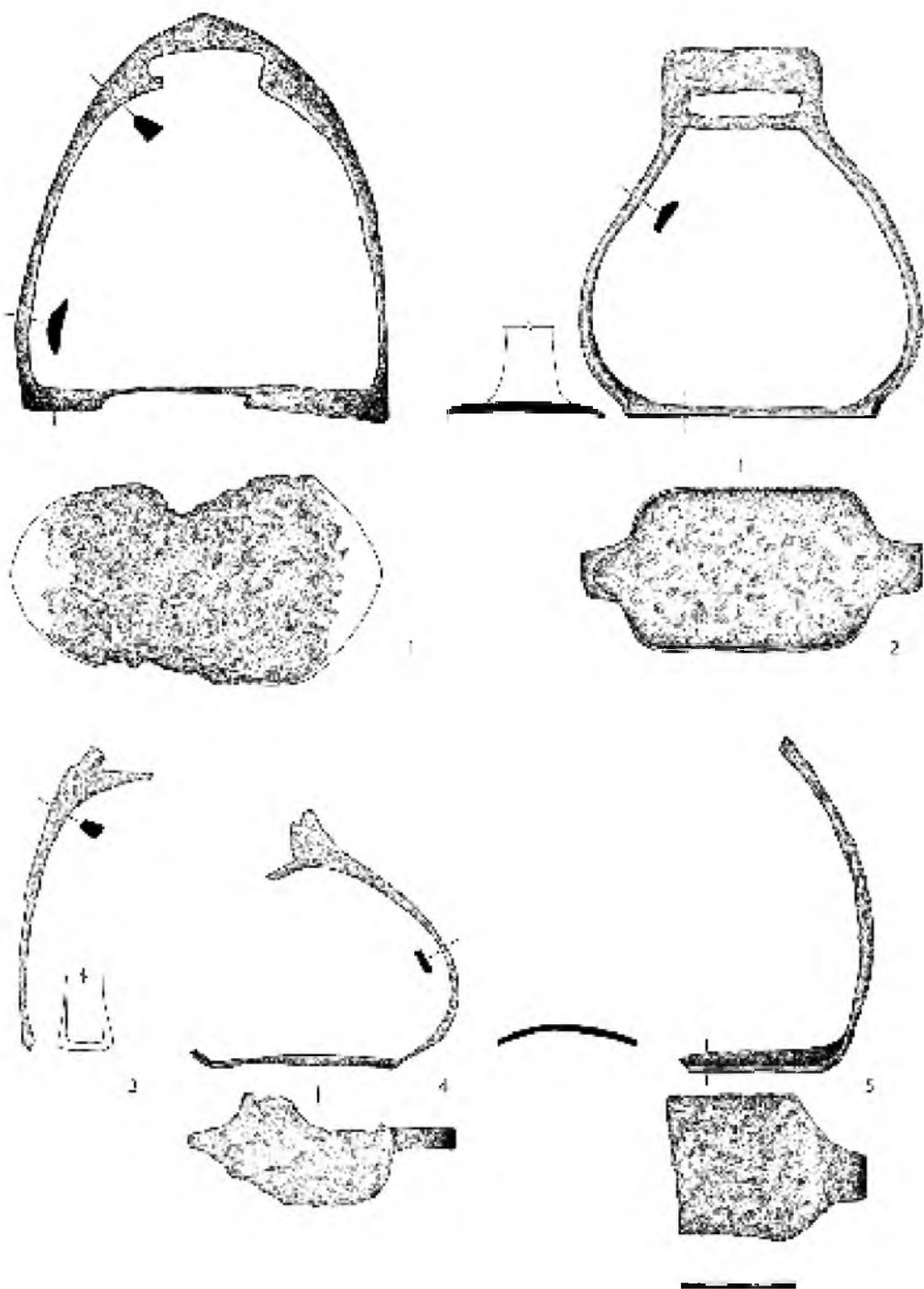

Рис. 18. Стремена.

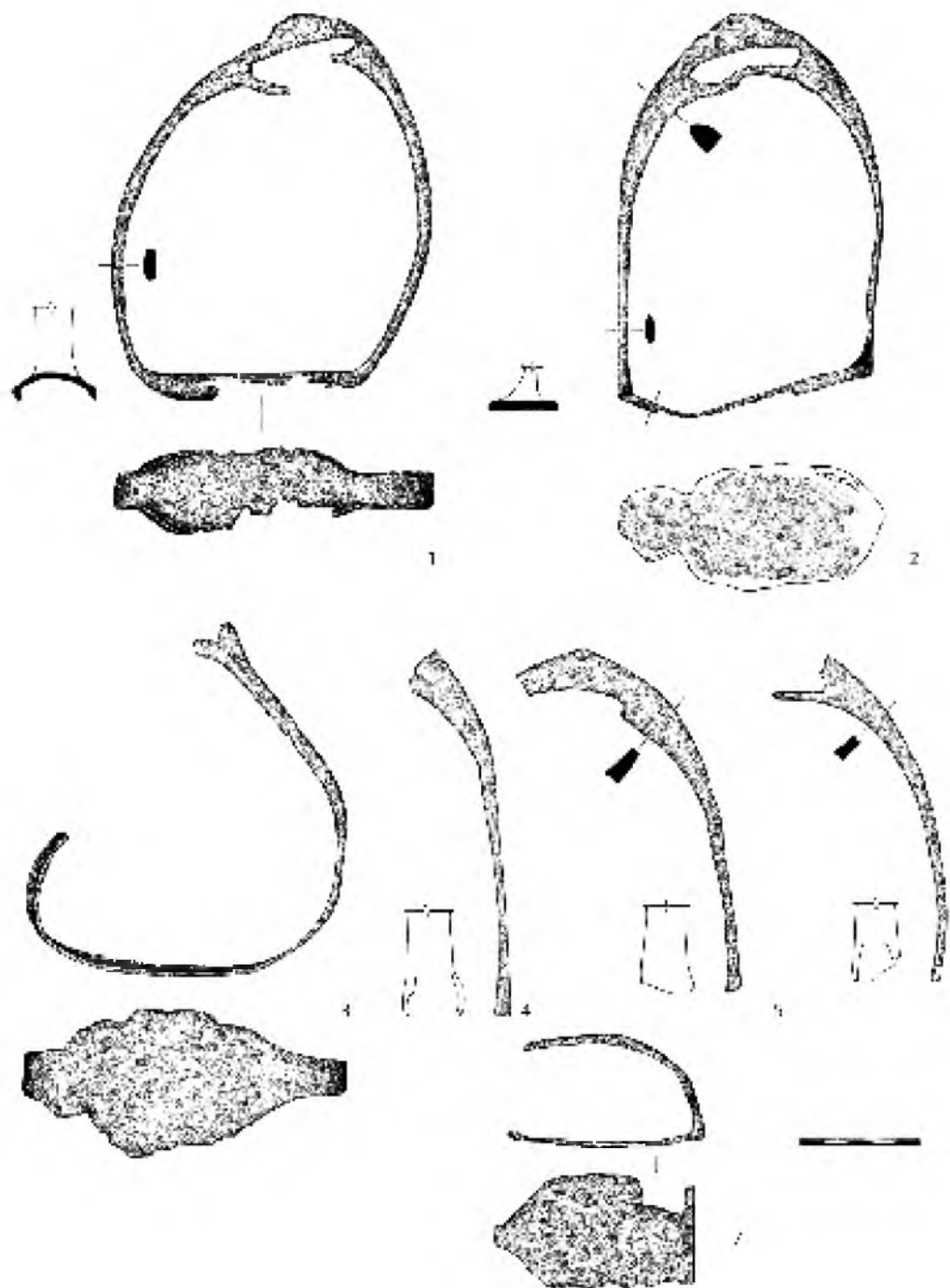

Рис. 19. Стремена.

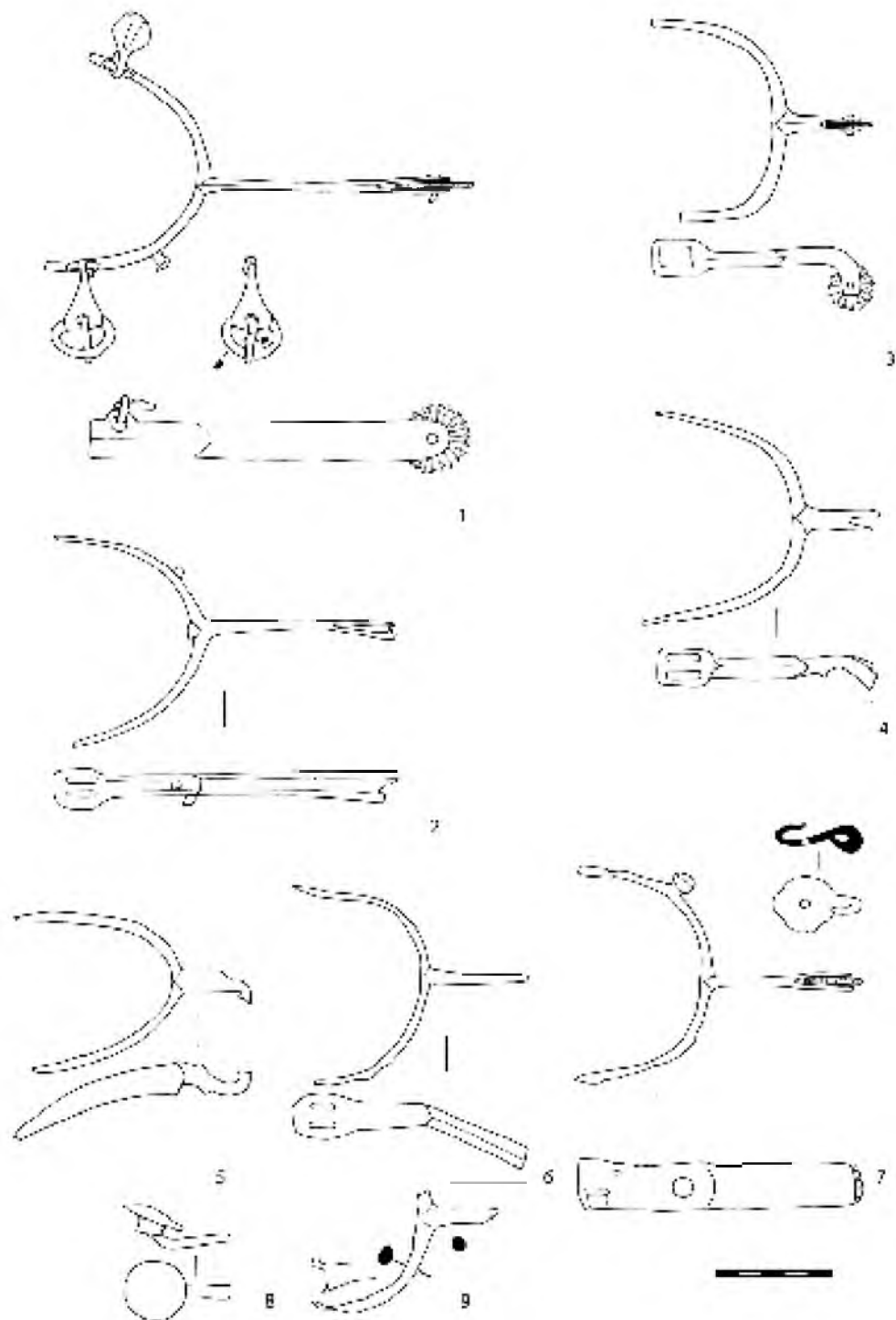

Рис. 20. Шпоры.

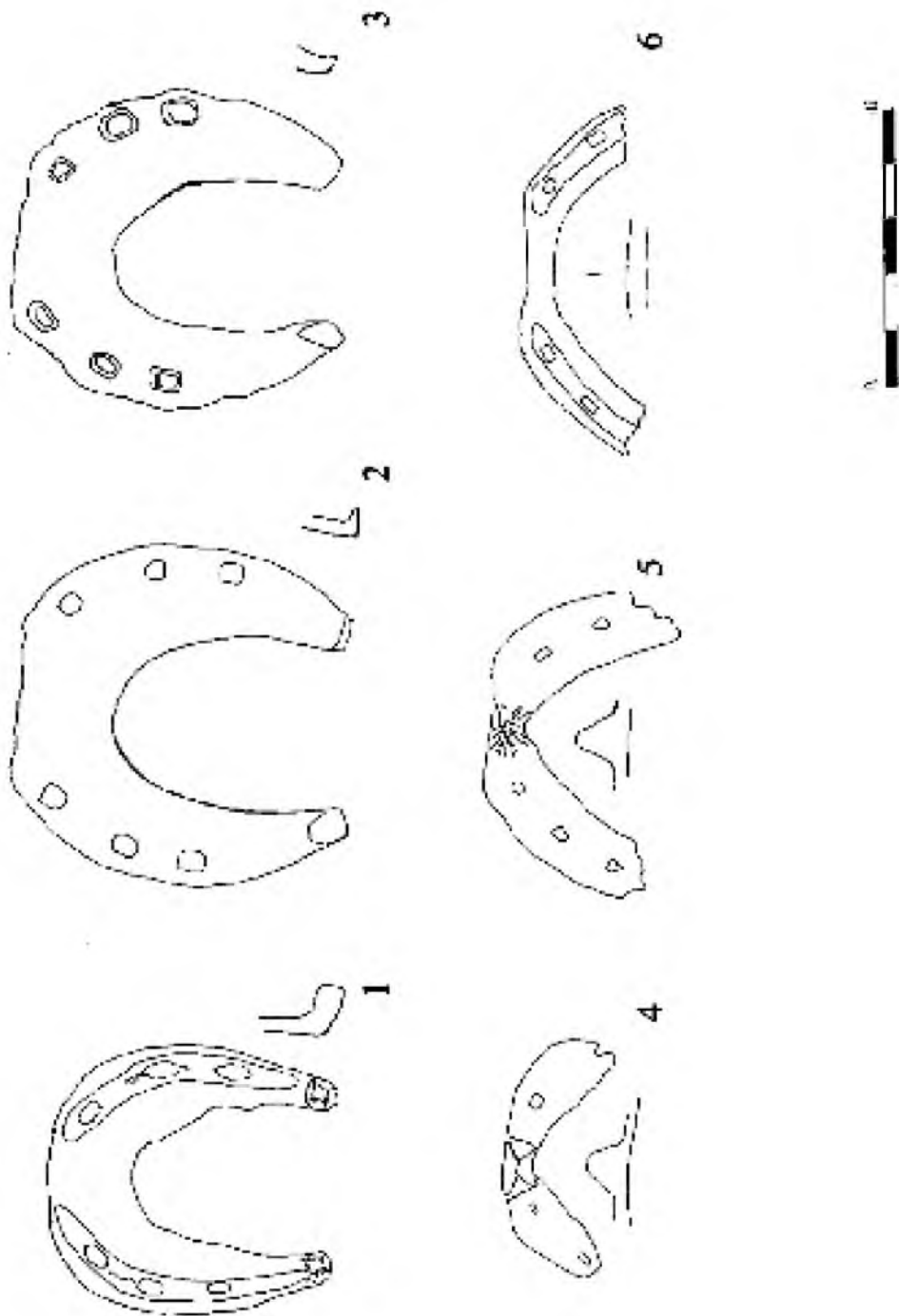

Рис. 21. Подковы.

О ПОЗДНЕМ ЗАЩИТНОМ ВООРУЖЕНИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В последнее время в связи с ситуацией на Северном Кавказе вновь вырос интерес к Большой кавказской войне 1817–1864 гг., в том числе к воинским формированиям горцев. В работах не раз упоминаются горские «панцырники» и рассматриваются вопросы их вооружения¹. К сожалению, исследователи опираются на анализ лишь письменных источников, оставляя вещевой материал в стороне.

В 2001 году заместитель начальника Северо-Кавказского регионального управления Федеральной пограничной службы РФ генерал-майор В. И. Городинский передал в Ставропольский государственный краеведческий музей имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе интересную находку². Доспех, состоящий из сложного боевого оголовья и кольчатого доспеха, был обнаружен в Аргунском ущелье Чеченской республики, в районе дислокации Итум-Калинского погранотряда. Памятник происходит из земли, более детальные обстоятельства находки не известны.

Сложное оголовье (Рис. 1: 1–3) состоит из металлического усеченного конуса, диаметром 14 см и высотой 5,5 см. Усечение образовано отверстием диаметром 3,5 см; в древности, возможно, было закрыто навершием, на что могут указывать три небольших отверстия в лицевой части конуса, предположительно от заклепок. Конус покрыт гравировкой в технике кернения, образующего четыре неравномерно расположенных круга. Негравированное внутреннее пространство кругов создает две пары чередующихся узоров в виде полумесяца и восьмиконечной звезды (Рис. 1: 4). В нижней части конуса углублением-каннелюром выведена граница, отделяющая поле с гравировкой от отверстий под кольца-крепления кольчато-пластинчатого защитного полотна. Полотно должно было закрывать затылок, левую и правую сторону головы, горло до подбородка и спускаться на грудь и плечи. Сзади полотно короче, чем на остальных участках; спина оставалась открытой.

К шлему крепится четырехрядное кольчатое плетение из колец большого (до 2 см) диаметра. Ниже крепятся вертикально спускающиеся ряды (22) вплетенных пластин. Количество пластин в рядах варьируется. В боковых по 14–16 пластин, в задних по 5, в передних – по 6 пластин. Пластины прямоугольные 2,5×2 см, толщиной 0,1 см; слабо выраженный нижний край – фестончатый. В рядах располагаются вертикально и друг друга не перекрывают. По горизонтали соединены коль-

¹ Виноградов В. Б. «Заряд иголок вместо пули...» (кавказский прием «огневого контакта» // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир, 2003. С. 181; Нарожная Ф. Б., Нарожный Е. И. А. С. Пушкин о комплексе вооружения горцев первой трети 19 в. // Там же. С. 176; Скиба К. В. Абреки, наездники, джигиты // Там же. С. 162; Он же. К вопросу о тактике, наступательном и оборонительном вооружении равнинных закубанских племен в начале 19 в. // «Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа». Вып. 2. Армавир, 2004. С. 307.

² Пользуясь случаем выражаю благодарность директору музея Охонько Н.А., предоставившему возможность опубликовать памятник, и зав. отделом археологии И. В. Отыцкому за помощь в подготовке публикации.

цами, для чего в краях пластин имеются по 5 отверстий. Соединительные кольца плоские, по три в ряд, их диаметр – 1 см, толщина – 0,1 см.

Спереди полотно от подбородка спускается на 16 см; сзади защищает только затылок, спускаясь до шеи. Шею закрывает простая кольчатая вставка 15×11 см с более плотной вязкой колец (Рис. 2: 1). В ее нижнем левом краю на небольшом расстоянии друг от друга находятся три медных кольца. В нижнем правом углу незначительная часть полотна спеклась; сохранность остальной части кольчатого плетения хорошая.

Лицевое прикрытие осуществляет налобная пластина 9×15,5 см (Рис. 2: 2), вплетенная в верхние и вертикальные ряды колец. Пластина вогнута по форме лба; в центре имеет небольшое отверстие. Вокруг него неглубокая вмятина, внутренняя сторона завальцована. На расстоянии 0,5 см от верхней кромки в ряд расположены 5 небольших заклепок белого металла. 3 см выше на нее наложена маска, которая в верхних углах жестко закреплена 2 заклепками. Маска – антропоморфное (но не портретное) забрало, размером 19×17 см. К верхней кромке посередине одной заклепкой крепится половина подвижного шарнира в форме буквы «Н». Его ширина 1 см, высота – 2 см, верхние концы загнуты и образуют петли. Сразу под ним лукообразная накладка белого металла (серебро?), изображающая брови. В центре она расширяется в форме сердечка, с двух сторон от расширения на расстоянии 2 см – два отверстия под заклепки. «Брови» крепятся заклепками того же металла, по одной с каждой стороны и три – в «сердечке». Глаза миндалевидные 4×1,5 см; края выреза выгнуты наружу. Нос паяный, большой, 9 см, прямой без выраженной переносицы. Высота 2,5 см, и ширина 3,3 см, крылья носа выражены. Снизу два неравномерно расположенных дыхательных отверстия в форме треугольника 1,3 см (Рис. 2: 3). Под носом две тонкие узкие пластины образуют усы, наложенные под незначительным углом друг к другу. Крепятся они тремя равномерно расположенными заклепками. И пластинки, и заклепки одного металла с бровями. «Усы» обрамляют очень маленькое, всего 2–3 мм, ротовое отверстие с отогнутой нижней губой. По краю маски идут 9 небольших отверстий. С правой стороны маска частично соединяется с кольчато-пластинчатой защитой головы. Устроено это соединение так: во второе отверстие сверху вставлен штифт, в который продето клепаное кольцо диаметром 2 см и в него еще одно такое же третье медное, сведенное соединяет кольцо, вставленное в одну из пластин головной защиты со вторым кольцом, вставленным в штифт (Рис. 2: 4). В третье, следующее на маске, отверстие вставлено просто медное, сведенное кольцо, соединяющее напрямую вставленное в уже другую пластину клепаное кольцо и маску.

Данная находка весьма интересна. Первое, что обращает на себя внимание, – маска-забрало. Ранее прямых свидетельств использования антропоморфных забрал в регионе не было. Известные антропоморфные маски из аула Кубачи, хранящиеся в Этнографическом музее (Санкт-Петербург), использовались в начале XX в. в бутафорских целях¹. И хотя М. В. Горелик обратил внимание на то, что они выполнены в одном художественном стиле с позднесредневековыми масками-забралами, приписываемыми Черным клобукам², специальных исследований их

¹ Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. М.–Л., 1949. С. 146–173.

² Горелик М. В. «О средневековых восточных шлемах с масками и одной центральноазиатской изобразительной традиции» // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Вып. 7. М., 1984. С. 79–80.

функционального предназначения не проводилось. Итум-Калинская маска, как и упомянутые выше, является изображением героя-мужа центральноазиатской традиции. Это, на первый взгляд, сближает ее с черноклобуцкими находками и масками из аула Кубачи, но есть существенное отличие. На кубачинских масках¹ усы и брови переданы волютами, а на вновь обнаруженной – посредством серебряных накладок. Обращают на себя внимание «лишние» отверстия в накладке-бровях и примитивность передачи усов. Это, по нашему мнению, объясняется более поздней монтажкой серебряных деталей, используемых первоначально в других целях. Видимо, маска после изготовления имела другой вид (Рис. 3: 1). Остатки шарнира, обеспечивавшего ее подъем, указывают на вторичное использование этой детали в Итум-Калинском оголовье. Вероятно, одно происхождение с маской имеет и налобная пластина, к которой она прикреплена. Возможно, это была налобная часть шлема, на что указывает в дальнейшем ненужное отверстие в центре, служившее для фиксации шарнира-забрала. Таким образом, исходя из позднейшего времени добавления серебряных накладок, Итум-калинскую маску стоит рассматривать в контексте иной группы, не принимая их в расчет.

Наиболее близкими Итум-Калинской маске являются антропоморфные забрала, обнаруженные у с. Ротмистровка (Рис. 3: 2) и у с. Куйбышево (Рис. 3: 3)². Их сближают меньшая проработка деталей лица, отсутствие бровей, переносицы, крыльев носа, схематично проработанный рот, дополнительная система вентиляции посредством отверстий в области рта и детали дополнительной фиксации. Штифты, схожие с итум-калинскими, находятся в Куйбышевской маске с обеих сторон ниже смотровых вырезов и на подбородке. Их большее количество свидетельствует о лучшей сохранности доспеха. На маске из с. Ротмистровки штифты в настоящее время отсутствуют, остались лишь отверстия под них.

Находка из с. Ротмистровки³ датируется 2-й половиной XIII – 1-й половиной XIV в.; маска, найденная у с. Куйбышево, датируется вместе с комплексом вооружения, в который она входит, временем накануне монгольской экспансии.⁴

Не менее уникально кольчато-пластинчатое полотно. На шлемах эта инновация появляется на рубеже XV–XVI вв., с этого времени она точно фиксируется на турецких боевых оголовьях⁵. По-видимому, до XVII в. в кольчато-пластинчатой защите шеи преимущественно применялся бехтерец из продолговатых пластинок, набранных вертикальными рядами и соединенных кольцами с коротких боковых сторон, позднее вытесненный более крупными пластинами. Последний способ известен на северокавказских шлемах XVIII–XIX вв.⁶, ранее о подобной традиции в этом регионе сведений нет. Единственная аналогия – остатки доспеха, найденные в

¹ Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Том. 1. СПб., 1887. Табл. 13.; Кирпичников А. Н. Рец. на Пяташева Н. В. «Железная маска из Херсонеса». М., 1964. // СА. № 3. 1966.; Пяташев Н. В. Железная маска из Херсонеса. М., 1964. Табл. 1; Народное искусство Российской Федерации из собрания Государственного музея этнографии народов СССР. Л., 1981. С. 169. Рис. 9; Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. С. 165. Рис. 74.

² Бобринский А. А. Курганы... Табл. 13; Кравченко Э. Е. Погребение знатного воина XIII в. на реке Калке // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк, 2003. С. 126. Рис. 2, 1.

³ Кирпичников А. Н. Рец. на Пяташева... С. 215; Пяташев Н. В. Железная маска... С. 20.

⁴ Кравченко Э. Е. Погребение знатного воина... С. 126–128.

⁵ Müller H., Kunter F. Europäische Helme aus der Sammlung des Museums für Deutsche Geschichte. Berlin, 1984. S. 157. Pl. 58, S. 263.

⁶ Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. М., 1995, С. 52, Рис. 75; Ленц Э. Альбом изображений выдающихся предметов из собрания оружия. СПб., 1908. Табл. 5. Рис. 249.

1903 г. Веселовским в погребении у ст. Усть-Лабенской Кубанской области (Рис. 4)¹. Пластинки в данном случае крупнее, это один из самых ранних вариантов кольчато-пластинчатой конструкции². Публикатор датировал весь комплекс 2-й половиной XIV – началом XV в. Но это вовсе не означает, что по-новому стоит рассматривать традицию бронирования головы: не исключено, что кольчато-пластинчатая защита наголовья изначально являлась частью корпусного доспеха.

Нужно констатировать, что сложное боевое оголовье – переделка позднесредневековых элементов, соединенных в традициях нового времени. По более позднему описанию кустарных промыслов Терской области (конец XIX в.) оружейники «занимаются и занимались преимущественно починкой старого оружия и сборкой из готовых частей».³ По-видимому, эта специфика вайнахских мастеров-оружейников не позволяет выделить признаки чеченского оружия из общей кавказской коллекции⁴.

Кольчатый доспех (Рис. 5) представляет собой рубашку длиной 80 см и шириной в груди 50 см. Длина правого рукава 46 см, левый рукав оборван, на что указывает неровный край, длина сохранившегося участка – 28 см. Вырез горловины квадратный, имеется осевой разрез без подполка. Определение его размеров затруднено, так как он поврежден разрывом. С правой стороны на отвороте обломанный медный крючок, с левой – остатки цепочки-застежки из таких же колец. Подол («подбор») также разделен на подзоры осевыми разрезами спереди и сзади. Задний имеет длину 22 см, передний разрушен разрывом. Плетение редкое, собранное из колец диаметром 1 см и толщиной 0,1 см, кольца крепятся «на шип» (Рис. 8: 4). Сохранность плетения хорошая, но полотно местами порвано.

Итум-калинский кольчатый доспех относится к группе «панцирей», выделяемой по способу сборки колец; у остальных видов, кольчуг и байдан, кольца клепались двусторонним способом, «на гвоздь». На эту особенность впервые обратил внимание Гордеев, выявив тем самым отличия в производственной технологии позднесредневековых оружейников⁵. Появление на Северном Кавказе «панцирей» одностороннего плетения «на шип», относится, вероятно, к рубежу XV–XVI вв. Находки XIII – первой пол. XV вв. демонстрируют только способ крепления колец «на гвоздь»⁶, а все известные находки с креплением колец «на шип» в большинстве датируются не ранее начала XVI в.⁷

¹ ОАК за 1903. С.70.

² Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение 2-й половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 247.

³ Вертепов Г. А. Очерки кустарных промыслов в Терской области // Терский сборник. Вып. 4. Владикавказ, 1897. С. 16.

⁴ Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. С. 65.

⁵ Гордеев Н. В. Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная Палата Московского Кремля. М., 1954. С. 79–81.

⁶ Чахкиев Д. Ю. Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми (Горная Ингушетия) // Средневековые памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С. 64; Чахкиев Д. Ю. Кольчатый доспех позднесредневековых вайнахских воинов // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии». Грозный, 1988. С. 67–70; Нарожный Е. И., Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А. Полуподземные склепы Келийского могильника // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990. С. 71; Чахкиев Д. Ю., Нарожный Е. И. Погребение знатного горского война начала XV в. из селения Верхний Алкун (Горная Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 130; Нарожный Е. И., Нарожный В. Е., Чахкиев Д. Ю. Погребение № 15 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа». Вып. 5. Армавир, 2005. С. 297.

⁷ Чахкиев Д. Ю. Кольчатый доспех... С. 71–75.

Несомненно, эту границу можно принять для датировки публикуемого доспеха, а ряд признаков позволяют ее уточнить. Показателен способ застежки ворота. Использование застежек-крючков у кольчатых доспехов Северного Кавказа известно с конца XIII в.,¹ но цепочка-застежка использовалась лишь на кольчатом панцире, случайно найденном близ чеченского селения Кулары, по особенностям кроя датируемого XVII–XVIII вв.² Среди просмотренного нами аналогичного материала с других территорий цепочка-застежка встречается только у двух кольчуг одного клада начала XVIII в. у с. Джазатор на Горном Алтае³. Наиболее информативным признаком публикуемого панциря является его покроя. Полная длина рукавов характерна для позднего доспеха XVIII в. в Персии. Оттуда, вероятно, попадает этот тип на Северный Кавказ во второй четверти XVIII в. во время завоевательных походов Надир-шаха. Самое раннее свидетельство бытования такого доспеха на Северном Кавказе мы можем видеть на рисунке Я. Потоцкого конца XVIII в.⁴: знатный чеченский воин одет в кольчатый доспех, очень схожий по покрою с итум-калинским. Несколько позднее датируется панцирь (ГИМ. Инв. № 3338) – часть формы лейб-гвардейцев Кавказско-Горского полускадрона собственного Е. И. В. конвоя. Еще один панцирь с полной длиной рукавов того же конвоя принадлежал конвойцу Е. С. Молло и был им подарен в музей замка Шантийи во Франции,⁵ где хранится и поныне. Оба панциря принципиально отличаются от итум-калинского наличием стоячего ворота. У хевсуров, соседей вайнахов, изготовлявших и массово использовавших кольчатый доспех вплоть до начала XX в., такой покроя встречался редко и мог дополняться даже приплетенными рукавицами⁶. Редкость покроя объясняется его дороговизной, на что косвенно указывают изображения в таких панцирях конвоя – института добровольных заложников, собиравшего в своих рядах представителей знатнейших родов Северного Кавказа (Рис. 6).

Таким образом, итум-калинский панцирь можно датировать 2-й половиной XVIII–XIX в., а весь комплекс защитного вооружения – первой половиной Большой кавказской войны, на что указывает религиозный орнамент боевого оголовья.

¹ Нарожный Е. И., Нарожный В. Е., Чахкиев Д. Ю. Погребение № 15... С. 298.

² Чахкиев Д. Ю. Кольчатый доспех... С. 75.

³ Слюсаренко И. Ю., Черемисин Д. В. Находки кольчуг близ с. Джазатор (Горный Алтай) // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. Новосибирск, 1995. С. 101–102.

⁴ Чахкиев Д. Ю. Кольчатый доспех... С. 75. С. 76. Рис. 5.

⁵ Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. С. 14. Рис. 10.

⁶ Элашвили В. И. Парикаоба (хевсурское фехтование). Тбилиси, 1956. С. 4.

Г. Л. Дорощеев, В. Е. Маслов

НАХОДКИ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КАВМИНВОД

В течение последних десятилетий бум коллекционирования разнообразных древностей и формирование отечественного полуподпольного антикварного рынка привели к появлению огромного количества разнообразных артефактов. Как правило, они лишены всякого контекста и утратили значительную часть научной информации. Это происходит как по причине отсутствия четкой охранно-законодательной базы, так и в связи с непростым социально-экономическим положением в большинстве регионов страны (особенно на селе). В то же время, несмотря на то, что эти предметы искусственно лишены археологического контекста, они сохраняют в себе часть важной вещеведческой информации, которую необходимо фиксировать и издавать, пополняя сведения о многих категориях находок. Уже существующие публикации подобных вещей содержат немало ценной информации о северокавказских древностях эпохи раннего железа¹.

К числу подобных находок можно отнести описанные в данной статье предметы, происходящие из окрестностей г. Пятигорска, ныне хранящиеся в одной из частных коллекций г. Георгиевска Ставропольского края. Вероятность того, что они происходят из одного местонахождения (скорей всего, разграбленного погребения), достаточно велика, поскольку сохранность вещей одинаковая – очень хорошая и, кроме того, они относятся, как будет показано ниже, к одному горизонту древностей – классическому новочеркасскому.

В условный комплекс находок входит набор из четырех бронзовых наконечников стрел и бронзовой лунницы, которые в достоверных комплексах, как правило, связаны с уздечными принадлежностями. Таким образом, сам состав этого набора включает предметы из категорий инвентаря, наиболее значимых для культурно-хронологической атрибуции.

Бронзовые наконечники стрел (Рис. 1)

Все бронзовые наконечники стрел относятся к так называемым наконечникам «новочеркасского типа». Из четырех наконечников – три почти не отличаются друг от друга размерами и формой. Поэтому есть основания предполагать, что они изготовлены в одной литейной форме. У всех наконечников на втулках есть сквозные каверны – результат недолива металла.

Размеры наконечников: длина – 4,9 см, максимальная ширина пера – 1,3 см, длина втулки – 2,2–2,3 см, ее наружный диаметр – 0,65–0,7 см. Головки наконечников имеют асимметричную форму с лопастями трапецевидной формы. На каждой

¹ См., напр.: Пьянков А. В., Тарабанов В. А. Могильник протомеотского времени Казазово-3 и другие находки из чаши Краснодарского водохранилища // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР. № 1. М. 1997. Рис. 3, 1; 4, 1.

из сторон пера втулка переходит в ребро жесткости с продольной гранью посередине. Верхняя часть лопастей подвергнута двусторонней заточке, которая доведена до места его наибольшего расширения: даже сейчас режущая кромка по остроте близка к лезвию перочинного ножа. Наконечники с головкой, которая должна была наносить широкие резаные раны, вызывавшие обильное кровотечение, были рассчитаны на поражение противника, не защищенного надежными доспехами. Характерно, что различные варианты наконечников с режущей заточкой полностью доминируют в предскифский период и на начальном этапе раннескифского периода. Однако в составе раннескифских колчаных наборов быстро появляются значительные серии относительно массивных трехгранных наконечников, вероятно, предназначавшихся для того, чтобы раскалывать пластины чешуйчатых доспехов¹. Характерно, что они получают распространение практически одновременно с началом широкого распространения подобных доспехов в элитарных воинских захоронениях.

Четвертый наконечник имеет головку со скругленным ромбическим контуром. На каждой из сторон пера втулка переходит в ребро жесткости с продольной гранью по середине. Верхняя часть лопастей подвергнута двусторонней заточке, которая переходит на края лопастей под местом наибольшего расширения. Размеры наконечника: длина – 4,4 см, максимальная ширина пера – 1,4 см, длина втулки – 2 см, ее наружный диаметр – 0,65–0,7 см.

Впервые в качестве типа наконечников стрел, встречающихся с определенной группой уздечных наборов, получивших известность как древности типа «новочеркасского клада», они были выделены А. А. Иессеном², который противопоставил «длиннотрубчатый вариант лавролистного наконечника» коротковтульчатым формам, представленными находками в Малой Цимбалке, и предположил наличие между ними некоторого хронологического разрыва.

В. А. Ильинская, исследовав хронологическое и культурно-типологическое соотношение новочеркасских наконечников с наконечниками жаботинского типа, рассматривала их как «изолированное и локальное явление», связанное с культурой ранних кочевников VIII в. до н. э. в степях Северного Причерноморья и Северного Кавказа³. Она отметила высокую вариабельность формы головки новочеркасских наконечников, являющуюся результатом их доработки после отливки – проковки и заточки.

В. И. Ключко позднее развил эти взгляды до крайности, предложив видеть в наконечниках новочеркасского типа технологически и типологически примитивную форму, появление которой было обусловлено заимствованием идеи изготовления наконечников стрел из бронзы, воплощенной на основе местных, северопричерноморских производственных традиций⁴.

Увеличение представительных колчаных наборов и расширение географии находок новочеркасских наконечников, найденных на территории Поволжья

¹ Петренко В. Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М. 1990. Рис. 2, К; И, 9-17; 3, 9-16.

² Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. Вып. XVIII. 1953. Рис. 29. С. 108.

³ Ильинська В. А. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів // Археологія. 12. К., 1973. С. 22–26.

⁴ Ключко В. И. Некоторые вопросы происхождения бронзовых наконечников стрел Северного Причерноморья VIII–VII вв. до н.э. // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев. 1979. С. 45, 46.

и Южного Приуралья, привели в конце 80-х – начале 90-х гг. к попыткам переосмыслить их место в системе культурно-хронологических построений предскифского периода.

В. В. Дворниченко отметил, что новочеркасские наконечники не только сосуществуют с наконечниками типа Малой Цимбалки, но и в отдельных случаях, несомненно, испытывают влияние последних, что проявляется в появлении экземпляров с укороченной втулкой и/или с боковым шипом¹. Одновременно обнаружилось, что морфологическая неопределенность, существующая для описания наконечников новочеркасского типа, способна породить дискуссию относительно типологической принадлежности отдельных комплектов наконечников к наконечникам то ли новочеркасского типа, то ли малоцимбальского².

О. Р. Дубовская предложила считать новочеркасские наконечники чужеродным типом для памятников черноговорской культуры и связала их происхождение с Северным Кавказом³. Одновременно она попыталась выделить группу «постновочеркасских» наконечников, которые имеют особую форму заточки пера и иное соотношение длины втулки и головки, приближаясь по характеристикам к раннескифским наконечникам⁴.

С. А. Скорый отнес новочеркасские наконечники к степной восточноевропейской группе наконечников⁵. Состав колчаных наборов из комплексов в Квитках, Олышанах, Гумарово и Белоградце, где новочеркасские наконечники встречены вместе с наконечниками жаботинского типа, исследователь использовал для хронологических построений внутри короткого периода, охватывающего конец VIII и первую четверть VII в. до н.э.⁶ Постепенное исчезновение новочеркасских наконечников из стрелковых наборов при этом рассматривается как важный хронологический признак.

В то же время типологию предскифских двулопастных наконечников, предложенную исследователем, нельзя признать удачной, поскольку, на наш взгляд, новочеркасские наконечники искусственно разделены на два типа, которые противопоставлены друг другу по генезису⁷.

Совсем недавно С. Б. Вальчак, скрупулезно исследовавший набор стрел из Малой Цимбалки, отметил наличие на отдельных новочеркасских наконечниках рельефных поясков в основании головки и рельефной имитации обмотки – т.е. морфологических черт, которые ранее относили к основным характеристикам стрел малоцимбальского типа⁸. Следует согласиться с исследователем, что этот факт красноречиво свидетельствует о сосуществовании двух типов колчаных наборов.

¹ Дворниченко В. В. К вопросу о происхождении стрел «новочеркасского» типа (по материалам коллекции П. С. Дубягина из Волго-Уральской пустыни) // Проблемы скифо-сарматской археологии. М. 1990. С. 52–53.

² С. 52; Дубовская О. Р. Там же // Археологический альманах. № 2. Донецк, 1993. С. 144.

³ Там же. С. 139, 140.

⁴ Дубовская О. Р. Там же. С. 140, прим.

⁵ Скорый С. А. Там же. Киев-Полтава, 1999. С. 32, 33.

⁶ Там же. С. 61–63.

⁷ Скорый С. А. Киммерийцы в Украинской Лесостепи. С. 31–33. Во второй тип им включены наконечники как близкие к новочеркасским (Рис. 10, 27–32), так и к жаботинским (Рис. 11, 1–3).

⁸ Вальчак С. Б. Комплекс впускного погребения «А», колчаный набор из кургана Малая Цимбалка и их место в хронологии предскифского периода // Древности скифской эпохи. М., 2006. С. 270.

Кроме того, необходимо отметить, что в единичных экземплярах новочеркасские наконечники встречаются и в раннескифских комплексах. Этот факт отметил С. А. Скорый, который, однако, ограничивал их бытование докелермесским периодом¹. Так, длинновтульчатый наконечник с ромбической головкой, который В. Г. Петренко относит к разновидностям классических новочеркасских наконечников, происходит из разрушенной центральной гробницы кургана 1 Краснознаменского могильника². Один наконечник стрелы новочеркасского типа представлен в составе стрелкового набора из кургана 4 Холмского I могильника, а в кургане 9 могильника Циплиевский Кут I обнаружены длинновтульчатые железные наконечники близкие по пропорциям железным наконечникам из Зольского кургана³.

Подводя итоги, следует отметить что хотя генезис наконечников новочеркасского типа по-прежнему остается неясен, их место среди наконечников предскифской поры выглядит ныне гораздо более значимым и отнюдь не изолированным, как это представлялось в 1950–1980 гг. Дальнейшее накопление материала и разносторонние исследования состава сырья и технологии их производства могут еще более изменить наши представления об этом типе вооружения.

Следует остановиться на нескольких моментах. Вопреки распространенному мнению, система заточки новочеркасских наконечников, очевидно, практически не отличалась от системы заточки значительной части малоцимбальских и жаботинских наконечников⁴. Более того, есть все основания предполагать, что и малоцимбальские наконечники, и наконечники жаботинского типа имели после отливки лавролистный контур и приобретали окончательную форму после заточки.

Возможно, некоторая часть новочеркасских наконечников стрел и подвергалась расковке (а скорее отбивке краев) после отливки⁵, но большая часть из опубликованных, если судить по способу заточки, – нет.

Совершенно не ясно, почему В. И. Ключко решил, что новочеркасская литейная форма имеет канавки по краю негатива пера, «дающие в отливке валик по краям лопастей»⁶. Никаких признаков наличия подобной канавки и упоминания о ней в публикации А. А. Иессена нет⁷. Более того, изготовленная из металла створка составной формы для одновременной отливки четырех наконечников стрел является уникальной находкой для древностей предскифского периода. Не имеет она ана-

¹ По нашему мнению, келермесский горизонт, нижняя дата которого не выходит за рамки третьей четверти VII в. до н. э., является нижним пластом собственно скифских древностей, которые сменяют памятники жаботинского типа, или, что более вероятно, частично сосуществует с ними. Ср.: Скорый С. А. Киммерийцы в украинской лесостепи. С. 32.

² Петренко В. Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.–Берлин–Бордо, 2006. С. 62. Табл. 55, 13.

³ Василенко Д. Э., Кондрашов А. В., Пьянков А. В. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993. С. 29, 30; 32, 33. Рис. V, 16; VIII, 15–17.

⁴ Вальчак С. Б. Комплекс впускного погребения «А», колчаный набор из кургана Малая Цимбалка и их место в хронологии предскифского периода. Рис. 2; 3; Скорый С. А. Киммерийцы в украинской лесостепи. Рис. 10–12.

⁵ Ключко В. И. Некоторые вопросы происхождения бронзовых наконечников стрел Северного Причерноморья VIII–VII вв. до н.э. // Памятники древних культур Северного Причерноморья. К., 1979. Рис. 3; Тихонов В. В. Новый комплекс киммерийского времени из Саратовской области // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной конференции. Саратов, 2000. Рис. 21, 1–16.

⁶ Ключко В. И. Некоторые вопросы происхождения бронзовых наконечников стрел Северного Причерноморья VIII–VII вв. до н.э. С. 45.

⁷ Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР. Рис. 1, 2; 9.

логий и среди немногочисленных литейных форм скифского периода. Ближайшей параллелью ей является известная сложносоставная литейная форма из Мосула, состоящая из шести частей¹. Так же, как и боковые створки мосульской формы, новочеркасская имеет по краям скосы, предназначенные для соединения с торцевыми створками. Появление такой технологической новации в эпоху походов степного населения в Переднюю Азию и Закавказье кажется весьма объяснимой.

Бляшка-лунница (Рис. 2)

Литая фигурная бляха. Сохранилась хорошо. Изготовлена из бронзы имеющей серебристый отлив (примесь свинца или сурьмы?). По краям пластины сохранились неудаленные затеки металла и заусенцы. На торце в верхней части следы спиленных литников. Лицевая поверхность заполирована абразивом или напильником. Общие размеры 5,4×4,2 см, высота с петлей – 1,8 см, толщина пластины бляхи – 3 мм.

Лицевая сторона бляхи украшена семью низкорельефными округлыми медальонами, размещенными вплотную по дуге в полукруглых выступах, формирующими ее фигурный нижний край. Верхний, вогнутый край бляхи окаймляет низкорельефный валик, завитками охватывающий два крайних выступа-медальона. Центральный – нижний медальон заключен в округлую рамку.

Крайние и центральный медальоны – несколько более крупные, имеют диаметр 1,7 см. Внутри каждого из них помещены углубленные четырехлучевые звездочки с вогнутыми, дугообразными сторонами и округлым выступом в центре. Четыре мелких медальона с гладкой поверхностью диаметром 0,7 см помещены по два между большими медальонами.

На гладкой оборотной стороне расположена арочная петля для крепления на ремень.

Публикуемый экземпляр обладает хорошо выраженными морфологическими чертами. К ним можно отнести количество округлых выступов, их расположение, степень прогиба верхнего края бляхи. По классификации лунниц Н. В. Тарасовой², дополненной сводным каталогом, «семикружковые» лунницы – тип 2 вариант 2, относятся к третьему хронологическому этапу – концу VIII – первой половине VII в. до н. э. В этот вариант входят находки с Северного Кавказа – кургана 46 могильника Фарс, кургана 1916 г. в Эссентуках, могильника Большие Хутора, степного Крыма – кургана у с. Зольное, Украинской Лесостепи – кургана 8 у с. Яснозорье, Пастерского городища и Поволжья – Радушинка³. Следует согласиться с тем, что эволюция украшений этого типа, которая, вероятно, происходила на Северном Кавказе, шла от трехкружковых к пяти- и семикружковым лунницам. Семикружковые лунницы бытуют уже в конце предскифского периода, однако пока они не найдены ни в одном из раннескифских комплексов.

Эволюция лунниц сопровождалась постепенным усложнением формы и орнаментации подобных предметов. Ряд семикружковых лунниц орнаментирован солярными символами – сериями концентрических окружностей, четырехлучевыми звездочками, спиральными завитками. Такие же орнаментальные мотивы

¹ Черненко Е. В. Скифские лучники. К., 1981. С. 95–96. Рис. 71.

² Выражаю искреннюю признательность за консультации и советы С. Б. Вальчаку.

³ Тарасова Н. В. Классификация и хронология украшений-лунниц предскифского периода // Древности скифской эпохи. М., 2006. С. 242–244. Табл. 3. Рис. 3.

встречаются и на пятикружковых лунницах, что свидетельствует об их хронологической близости и вероятном сосуществовании. Только семикружковые лунницы из Зольного включены в сложносоставные орнаментальные композиции, насыщенные солярной символикой¹.

Полная аналогия нашему экземпляру происходит из разрушенного пахотой погребения в кв. IV могильника Большие Хутора на Северо-Западном Кавказе. Найденная здесь лунница, судя по приведенной в отчете фотографии, идентична нашей внешне и сходна с ней по размерам². Нельзя исключать предположения, что они могли быть отлиты в одном месте.

Кроме того, орнаментация центральных округлых медальонов углубленными четырехлучевыми звездочками с рельефным выступом в центре встречена на пятикружковой луннице из собрания Краснодарского музея³ и семикружковой луннице из кургана 8 у с. Яснозорье в Черкасской области⁴.

¹ Тереножкин А. И. Киммерийцы. Рис. 17, 6, 7.

² Дмитриев А. В. Отчет об археологических разведках в районе Новороссийска в 1973 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 5823. 1973. С. 5, 6. Рис. 16.

³ Пьянков А. В., Хачатурова Е. А. Комплекс деталей конской узды предкифского времени из фондов Краснодарского музея-заповедника // ИАА. Вып. 4. 1998. С. 8, 9. Рис. 3, 5.

⁴ Скорый С. А. Киммерийцы в украинской лесостепи. Киев-Полтава. 1999. С. 91, 92. Рис. 18, 5.

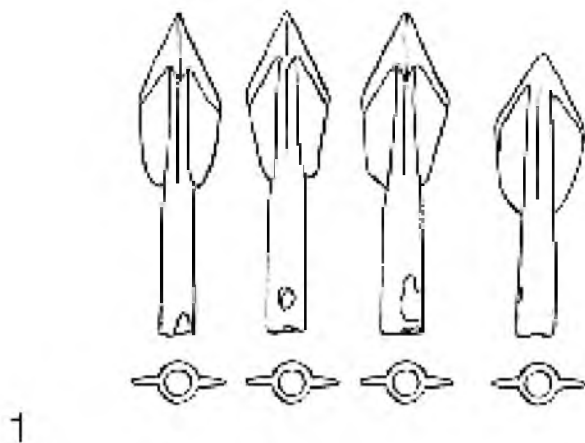

Рис. 1. Бронзовые наконечники стрел.

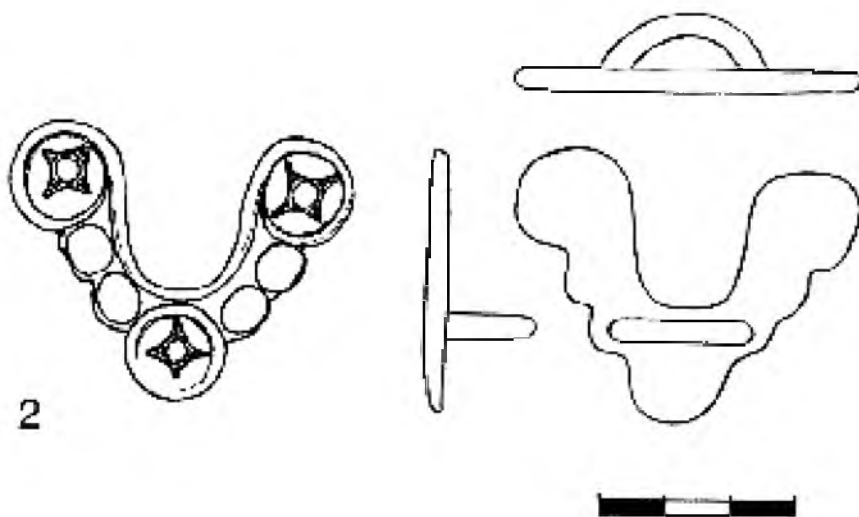

Рис. 2. Бляшка-лунница.

ШЛЕМ «ЦЗИНЬСКОГО ТИПА» ИЗ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ

В фондах «Музея Внутренней Монголии» (КНР) хранится боевое наголовье датированное китайскими археологами периодом доминирования в регионе монгольской империи Юань (1279–1368).

Шлем имеет низкую цельнокованую тулью (высота – 15 см, диаметр – 22 см). Сфероконический силуэт шлему придает короткое навершие. Последнее состоит из трубки-втулки для плюмажа и оформленной округлыми фестонами пластины навершия (сохранилась не полностью). Вдоль нижнего края шлема приклепан узкий обруч, разомкнутый на лицевой части наголовья на ширину налобника. Последний закреплен на куполе таким образом, что 4/5 его плоскости находится ниже кромки тульи. Верхний край налобника оформлен в виде зубчатой «короны» – пять зубцов, в том числе три основных (центральный зубец раздвоен), и два боковых. Налобник крепится к тулье тремя полусферическими заклепками, расположенными по центру трех срединных зубцов. Вдоль правого края налобника с помощью двух заклепок присоединена узкая железная пластина-накладка. Яркой чертой оформления налобника являются декоративные выпуклости, напоминающие листья ивы или нахмуренные брови (Рис. 1: 1).

Судя по качеству металла и сохранности обруча и накладки на налобник, они были добавлены к шлему позднее.

К сожалению, не удалось установить точное место находки шлема. По данным сотрудников музея, он был обнаружен на территории провинции Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики. Вместе с тем, наличие широкого круга аналогий позволяет достаточно точно датировать данное наголовье и связать его с определенной военно-культурной традицией. Эволюция данного типа шлемов рассмотрена нами в специальной работе¹. В данной статье приведем основные выводы.

Низкие цельнокованные полусферические и сфероконические шлемы с налобными пластинами и короткими навершиями не являются традиционным типом наголовий кочевников Центральной Азии и Южной Сибири периода раннего Средневековья. Начальные этапы эволюции данного типа шлемов связаны с государствами Дальнего Востока, и в первую очередь с китайской военно-культурной традицией. В результате китайского влияния шлемы данного типа получили распространение в других государствах региона, в частности в Японии, где были модернизированы и длительное время существовали под именем «ити-май-фусэ-кабуто»². Наиболее широкое распространение низкие полусферические и сфероконические шлемы с налобными пластинами получили в период правления в Китае династии Сун (960–1279).

¹ Бобров Л. А. Шлемы «цзиньского» типа: конструктивные особенности и вопросы эволюции // История и культура Золотой Орды (в печати).

² Там же.

Сунские наголовья обычно были цельноковаными или составленными из двух половин, поверх места крепления которых помещалась пластина-накладка. Сунские мастера изготавливали различные типы налобников, которые обычно имели округлую или сложную вырезную форму (Рис. 1: 2; 3: 2–4). Такие округлые налобники получили известное распространение и в киданьской империи Ляо¹. Распространение шлемов с прямоугольными налобными пластинами на Дальнем Востоке связано с военно-культурной традицией чжурчжэней периода Цзиньской династии.

Чжурчжэньский доспех в период создания и становления государства Айсинь Гурунь (во главе с династией Цзинь) в первой четверти XII в. находился на начальной стадии своего развития, поэтому столь значительное влияние на его эволюцию оказали оружейные комплексы соседних народов, в первую очередь киданьской империи Ляо и южнокитайской империи Сун². Только в конце XII в. на стыке чжурчжэньских, киданьских и китайских военно-культурных традиций складывается оригинальный цзиньский панцирный комплекс. Одним из его элементов становятся низкие сфероконические и полусферические наголовья с прямоугольными налобными пластинами. Идея была позаимствована чжурчжэнями у китайцев, но получила соответствующее творческое развитие. Широкое распространение вместо каркасных и сегментных клепаных шлемов «сунского» типа, получили цельнокованные (реже двухчастные) наголовья с короткой трубкой-втулкой, прямоугольной оригинально оформленной налобной пластиной с ровным или вырезным верхним краем, открытой ламеллярной или тканевой бармицей (Рис. 1: 3–4; 2: 1). При этом чжурчжэнями была освоена технология массового производства унифицированных шлемов подобного типа. На факт широкого распространения среди чжурчжэней и северных китайцев таких шлемов указывают находки унифицированных цзиньских наголовий в Красноярском городище в российском Приморье (с 1215 г. – Верхняя столица чжурчжэньского государства Восточное Ся), которые являются наиболее точным аналогом рассматриваемого нами шлема из Внутренней Монголии. Красноярские шлемы имеют очень низкую цельнокованую тулью, высота которой не превышает 11,5–12,5 см, при диаметре 22–24 см. Сфероконический силуэт шлемам придают короткие трубки-втулки. Спереди к наголовью приклепаны прямоугольные налобные пластины с ровным верхним краем. Яркой чертой оформления этих пластин являются декоративные выпуклости, напоминающие листья ивы или нахмуренные брови (Рис. 2: 1–4). Такие «брови» выполнены и на железной маске цзиньского лучника (?), найденной в Шайгинском городище и датированной этим же периодом³. Как и на раннесредневековых японских «кабуто» налобные пластины красноярских шлемов приклепаны таким образом, что их нижний край опущен ниже кромки тульи, что позволяет снизить высоту и вес шлема, без потери защитных свойств, так как уши и затылок красноярских наголовий прикрывает ламеллярная бармица⁴. Вдоль нижнего края красноярских шлемов приклепан обруч, оформленный в виде трех выпуклых валиков, создающих

¹ Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М., 2002. С. 52. Рис. 1.

² Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого и позднего Средневековья и Нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии эпохи позднего Средневековья. Новосибирск, 2003. С. 78–124.

³ Там же. С. 116–117.

⁴ В отличие от японских и цзиньских аналогов, нижний край прямоугольных налобных пластин шлемов степной полосы Евразии и прилегающих территорий периода раннего Средневековья обычно совпадает с нижней кромкой тульи шлема (Горелик М. В., 1993, С. 158, Рис. 7, 21, 23).

эффект трех узких выпуклых обручей, наклепанных один поверх другого. Красноярские шлемы и их изображения в китайской иконографии дают нам классические примеры наголовий рассматриваемого типа, что позволяет определить всю серию рассматриваемых нами шлемов как «шлемы цзиньского типа»¹.

Новый этап в развитии шлемов «цзиньского» типа приходится на время правления в Китае монгольской Юаньской династии (1279–1368). По мере завоевания Китая монгольские кочевники активно перенимали у местного населения новые типы вооружения. Так, монголами были усвоены осадные орудия различных типов, комбинированное древковое оружие (копья с крючьями и ножами), шлемы с ламеллярными полями и т.д.². Среди прочих заимствований монголами была перенята традиция использования и шлемов «цзиньского» типа. Вероятно, на начальном этапе номадами употреблялись собственно цзиньские боевые наголовья, захваченные в качестве трофеев в ходе военной кампании. Так как производство унифицированных шлемов в Цзиньском Китае было поставлено на поток, то запасы подобных наголовий в арсеналах захваченных монголами городов должны были быть значительными, что позволяло снабдить ими собственно монгольских воинов и их союзников. В последствии «цзиньские» шлемы стали изготавливать и юаньские мастера, а также кузнецы других стран, подпавших под власть Чингизидов и усвоивших «монгольскую» (а по сути комбинированную «имперскую») военно-культурную традицию. О том, как выглядели адаптированные монголами шлемы «цзиньского» типа в Центральной и Средней Азии, можно судить по наголовью, обнаруженному в окрестностях г. Мерке, районного центра Джамбульской области республики Казахстан (Южный Казахстан). В настоящем состоянии шлем имеет полусферическую форму (Рис. 2: 6). В своем первоначальном виде он обладал сфероконическим силуэтом, который придавала несохранившаяся трубка-втулка для плюмажа (радиус основания втулки – 1,7 см.). В конструкции шлема прослеживаются элементы, присущие классическим шлемам «цзиньского» типа: низкая полусферическая тулья, прямоугольная налобная пластина, имитация «тройного» обруча и т.д.³.

В захваченном монголами Китае шлемы «цзиньского» типа являлись одной из основных разновидностей боевых наголовий. В Юаньской империи использовались различные варианты шлемов «цзиньского типа». Всех их объединяет низкая полусферическая форма тульи, короткое навершие и характерная пластина-налобник подпрямоугольной формы с ровным, округлым (Рис. 1: 6) или вырезным (Рис. 1: 7, 13) верхним краем. Тулья шлема могла быть цельнокованой, как на красноярских наголовьях (Рис. 3: 7, 10–12; 2: 5), или клепаной. В последнем случае, шлем мог состоять из 2–6 и более пластин (Рис. 3: 5–6, 8–9). Места стыков сегментов двухпластинчатых шлемов прикрывались пластиной-накладкой (Рис. 1: 7, 8, 13). Очень часто шлем дополнительно стягивался обручем и проходившим по кромке тульи (Рис. 3: 5–6, 10–11). Навершие представляло собой короткую трубку-втулку (Рис. 3: 6–7, 9, 12) или выпуклую полусферическую пластину (Рис. 3, 5, 8, 10–11). Интересно, что на некоторых шлемах Юаньской эпохи сохранился такой яркий оформительский элемент, встречающийся на шлемах из Красноярского городища и

¹ Бобров Л. А. Шлемы «цзиньского» типа...

² Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Эволюция защитного вооружения чжурчженей и маньчжуров... С. 122–124.

³ Бобров Л. А. Шлемы «цзиньского» типа...

Внутренней Монголии, как «нахмуренные брови» (Рис. 1: 8). Декоративные украшения в виде «нахмуренных бровей» встречаются и на изображениях наголовий китайских и монгольских воинов периода Минской империи (Рис. 1: 11–12 ; 3: 24, 26). Адаптированные к местной военно-культурной традиции «нахмуренные брови» получили широчайшее распространение на позднесредневековых японских шлемах¹. В XII–XV вв. шлемы «цзиньского» типа в Восточной Азии снабжались ламеллярными (Рис. 1: 12; 3: 5–6, 8, 10), пластинчато-нашивными (Рис. 1: 8; 3: 9), а также «мягкими» бармицами из органических материалов (Рис. 1: 3–4, 6–7, 10, 13). Шлемы «цзиньского» типа использовавшиеся пехотинцами, могли вообще обходиться без специальной защиты шеи и горла (Рис. 1: 11). В Западной Азии шлемы «цзиньского типа» снабжались кольчатыми (Рис. 3: 14, 17) и «мягкими» органическими (Рис. 3: 13, 15–16, 18–22) бармицами.

Отброшенные на северо-восток монголами, чжурчжэни сумели сохранить не только свои традиционные наголовья из узких железных пластин с ремennым соединением, но и шлемы «цзиньского» типа. Судя по изобразительным материалам, они использовались чжурчжэнями (маньчжурами) вплоть до XVII в. Интересно, что наряду с традиционными для эпохи Цзинь прямоугольными налобными пластинами с ровным и вырезным («трилистник» с закругленными остриями) верхним краем (Рис. 3: 28), позднесредневековые чжурчжэни приклепывали к тульям и остроконечные налобники – «короны» (Рис. 3: 29), характерные для «монголо-имперского» панцирного комплекса периода развитого Средневековья (Рис. 3: 13–14, 16–18).

Будучи ярким восточноазиатским военно-культурным явлением, «цзиньские» шлемы оказали существенное влияние на развитие боевых наголовий собственно Восточной Азии XII–XVII вв., а также Центральной, Средней и Передней Азии XIII–XV вв. Начало их распространения к западу от Китайской равнины положили монголы, которые привнесли эти боевые наголовья в традиционную паноплию Западной Азии. Высокие боевые характеристики и престижность этого типа наголовий, обусловленная их принадлежностью к комплексу защитного вооружения победоносных завоевателей (а в последствии господствующего класса), предопределили длительность их бытования в чингизидских государственных образованиях Передней Азии.

В период позднего Средневековья шлемы «цзиньского» типа претерпевают существенные изменения, которые в первую очередь затронули оформление налобной пластины. В результате центральноазиатского влияния она начинает снабжаться полукруглыми надбровными вырезами, а также простым или коробчатым козырьком. В таком модернизированном виде шлемы «цзиньского» типа употреблялись воинами Минской, а в последствии Цинской империи вплоть до XVIII в.

Что касается наголовья из Внутренней Монголии, то его ближайшим аналогом являются шлемы из Красноярского городища (Рис. 2: 1–4). Вся группа шлемов имеет характерную цельнокованую тулью с короткой трубкой-втулкой для плюмажа, налобную пластину с декоративными «нахмуренными бровями» и обруч. Различия кроются в особенностях оформления отдельных элементов. Так верхний край шлема из Внутренней Монголии оформлен в виде зубчатой «короны» (у красноярских он ровный), а втулка снабжена пластиной навершия с вырезным

¹ Бобров Л. А. Шлемы «цзиньского» типа.

фестончатым краем (отсутствует у красноярских шлемов). Отличаются и обручи шлемов: у красноярских они представляют собой три выпуклых валика, а у наголовья из Внутренней Монголии обруч имеет ровную поверхность. Кроме того, редкие отверстия на обруче шлема из Внутренней Монголии забиты полусферическими заклепками, что дает основание полагать, что шлем имел бармицу из мягких органических материалов, которая крепилась к подшлемнику, либо наголовье носилось поверх головного убора (у красноярских шлемов была ламеллярная бармица, составленная из железных пластин, характерных для чжурчжэньских типов). При этом не стоит исключать вариант, что изначально шлем из Внутренней Монголии имел такой же «тройной» обруч, который впоследствии был заменен на стандартный (как уже отмечалось выше, сохранность обруча шлема из Внутренней Монголии несколько лучше других его элементов). Налобники-«короны» часто фиксируются на шлемах «цзиньского» типа, использовавшихся воинами государств Чингизидов XIII–XIV вв. (Рис. 3: 13–14, 16–18, 20). Но подобные налобники встречаются и на шлемах чжурчжэньских воинов второй половины XII – начала XIII в. (Рис. 1: 4; 3: 1). «Нахмуренные» брови до недавнего времени считались исключительно чжурчжэньским элементом украшения боевых наголовий, однако анализ иконографических материалов указывает на то, что это декоративное украшение было воспринято монголами эпохи Юань (Рис. 1: 8) и продолжало употребляться китайцами времен Минской династии. Характерным элементом оформления монгольских шлемов периода развитого Средневековья является оформление наверхшия пластиной с фестончатым краем (Рис. 1: 6, 8; 3: 9, 13, 19, 21). Однако нет никаких оснований полагать, что этот оформительский элемент не существовал в эпоху империи Цзинь.

Таким образом, на основании типологического анализа следует датировать шлем из Внутренней Монголии периодом бытования в регионе классических шлемов «цзиньского» типа, то есть второй половиной XII – XIII вв.

Что касается авторов данного наголовья, то представляется возможным выделить три основных версии. Первая: шлем был изготовлен в мастерских империи Цзинь и использовался воинами цзиньской армии. В этом случае наголовье может быть датировано второй половиной XII – началом XIII в. Шлем мог быть захвачен монгольскими кочевниками и подвергнут переделке (отсюда следы демонтажа старого обруча, наличие накладки-усилителя на налобнике и, возможно, пластина наверхшия). Наконец, шлем мог быть изготовлен в мастерских Великой или Юаньской империи по цзиньским образцам. В этом случае он может быть датирован XIII в.

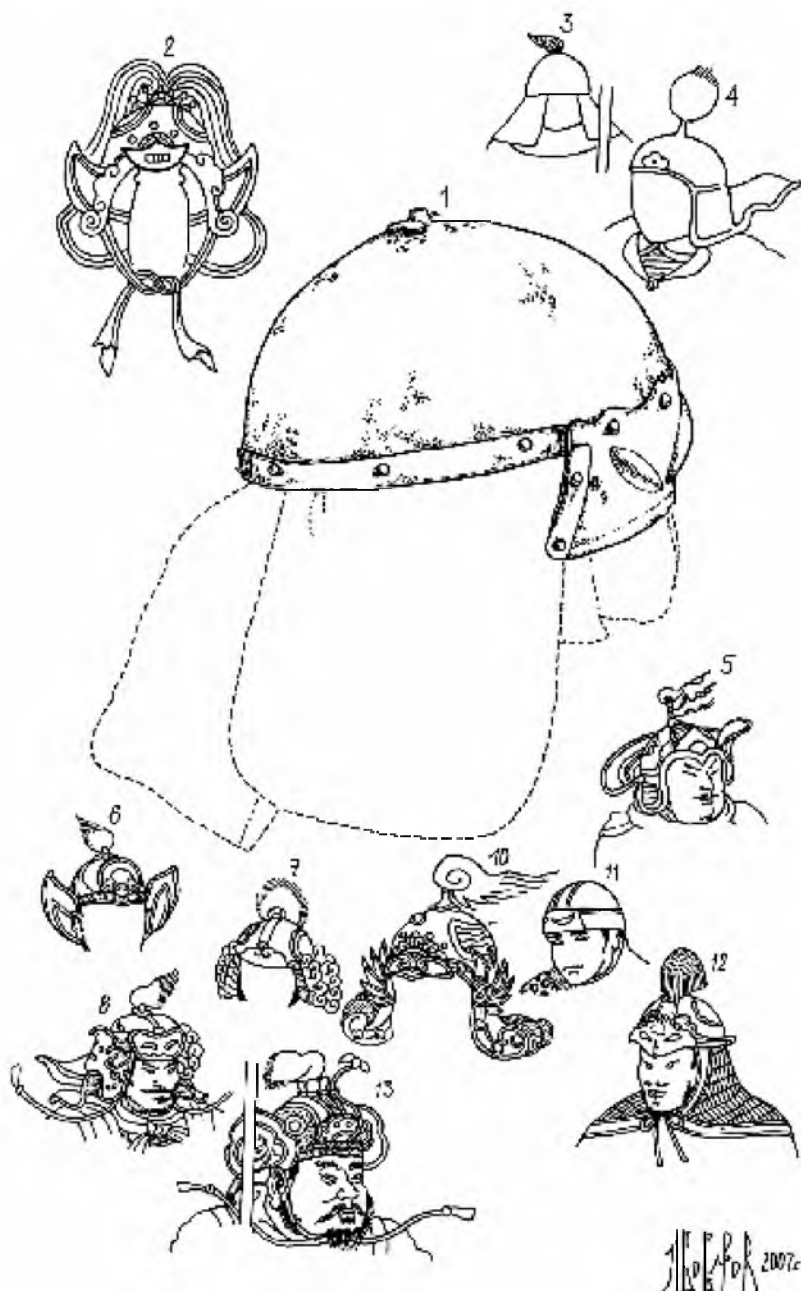

Рис. 1. Шлем «цзиньского типа» из Внутренней Монголии, изображения шлемов «цзиньского» типа, их прототипов и позднейших модификаций XI–XVI вв.
 1. Шлем «цзиньского типа» из Внутренней Монголии второй половины XII–XIII вв. Музей Внутренней Монголии (КНР). 2–13. Изображения шлемов «цзиньского» типа, их прототипов и позднейших модификаций в иконографических памятниках южно-китайской династии Сун (2), чжурчжэньской династии Цзинь (3–4), тангутского государства Великое Ся (5), монгольской династии Юань (6–8, 13), китайской династии Мин (10–12).

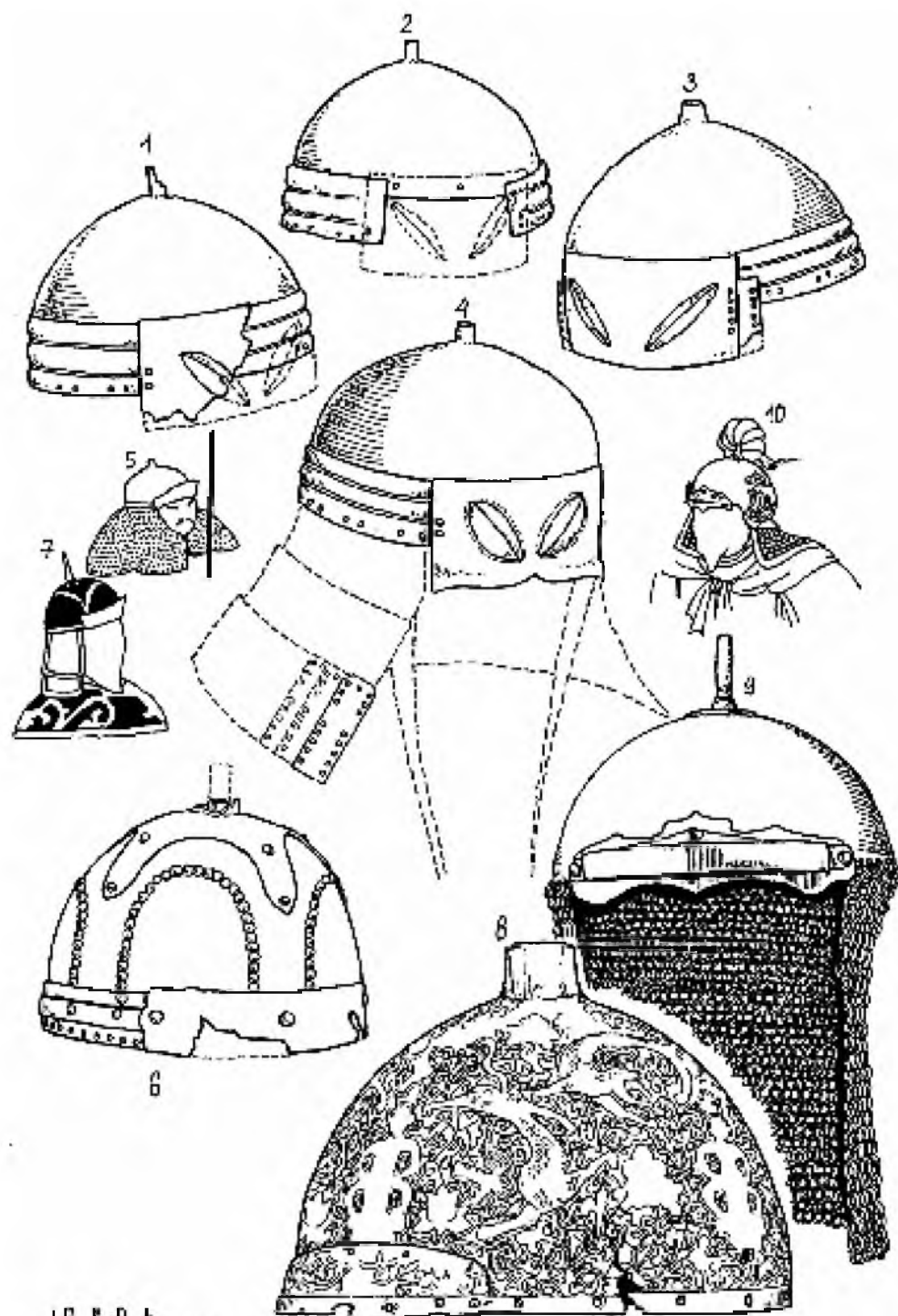
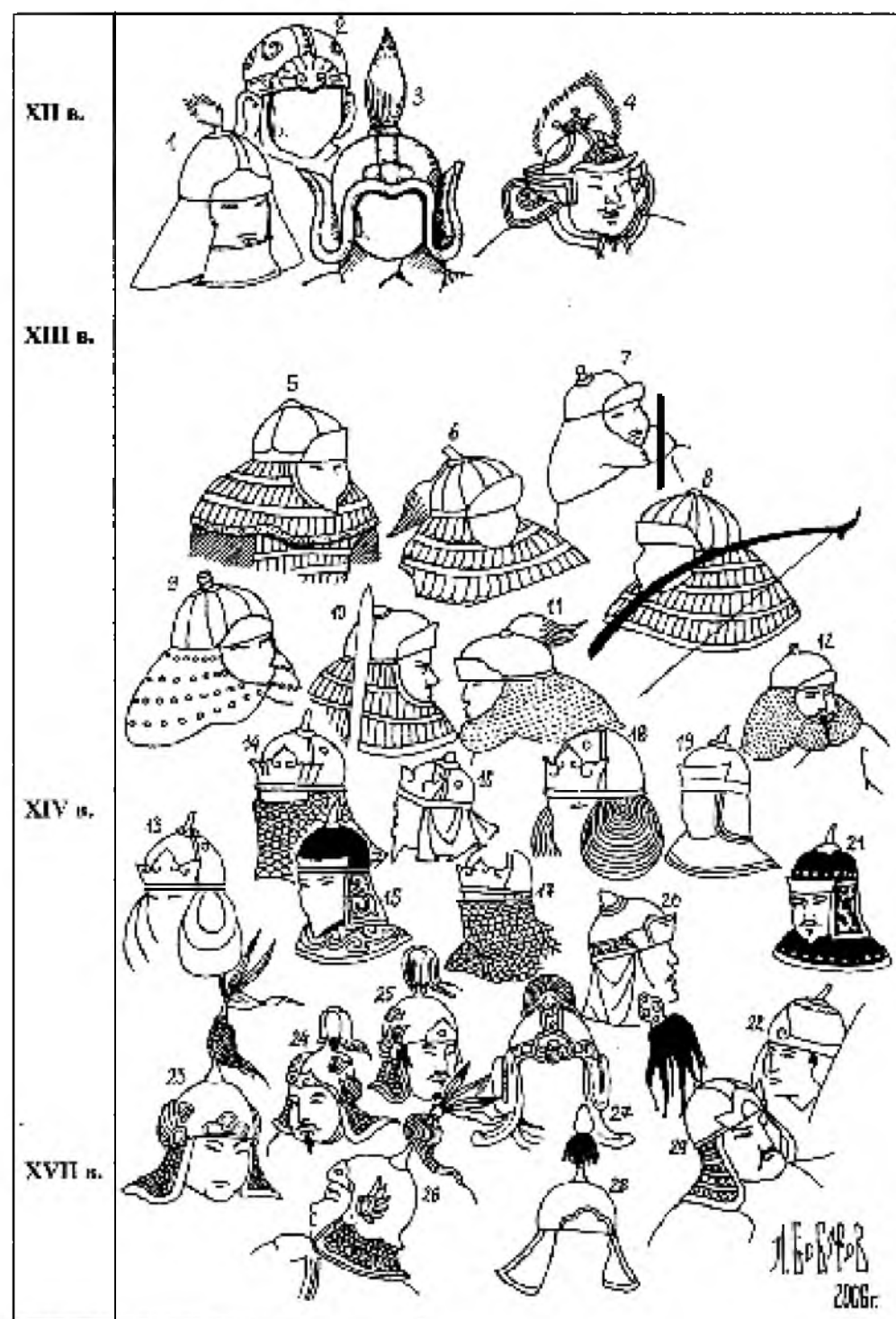

Рис. 2. Шлемы «цзиньского» типа конца XII – XIII вв. и их модификации XIV – XVI вв.

- 1–4. Шлемы «цзиньского» типа из Краснояровского городища (с 1215 г. г. Кайюань) в Приморье, конец XII – начало XIII вв. Низкая цельнокованая сфероконическая тулья стянута обручем, снабжена налобником с декоративными «нахмуренными бровями» ивовидной формы. 5. Изображение шлема «цзиньского» типа с низкой цельнокованой тульей, налобником, обручем и матерчатой бармицей с картины японского художника Тоса Нагатаки «Сказание о монгольском нашествии», 1292 г. 6. Монгольский (?) шлем «цзиньского» типа из окрестностей г. Мерке, районного центра Джамбульской области респ. Казахстан (Южный Казахстан), XIII – начало XIV вв. Низкая клепаная тулья стянута обручем и снабжена налобником с ровным верхним краем. Ряды выпуклых заклепок по стыкам пластин тульи образуют своеобразные «арки».
7. Изображение шлема «цзиньского» типа, аналогичного шлему из г. Мерке (Рис. 2.6). Низкая тулья стянута обручем и снабжена налобником с ровным верхним краем. Ряды выпуклых заклепок или накладки образуют характерные «арки» на тулье шлема. «Джами ат-таварих» Рашид-ад-Дина, Тебриз, 1306–1307 гг., б-ка Эдинбургского ун-та.
8. Юаньская модификация шлема «цзиньского» типа. Северный Китай, первая половина XIV в. Стандартный налобник заменен на ранний вариант «коробчатого» козырька, к которому крепилась налобная пластина, «накладные брови» с коротким наносником или стандартный плоский горизонтальный козырек Тауэр (Лондон).
9. Минский или раннеманьчжурский шлем XVI – начала XVII вв. Традиционный «цзиньский» шлем получает дополнительные («центральноазиатские») элементы оформления: налобная пластина с вырезным верхним краем («трилистник») снабжена дополнительными надбровными вырезами и «коробчатым» козырьком (последний, возможно, позднее добавление). Из частной коллекции.
10. Изображение минской модификации шлема «цзиньского» типа. Наголовье снабжено коротким назатыльником, налобная пластина имеет вырезной верхний край («трилистник», «корона») с надбровными вырезами и козырьком, вместо ламеллярной используется кольчатая бармица (как на шлеме с рис. 2.9). Картина минского придворного художника «Путешествие императора Сюаньдэ (1426–1435 гг.) на колеснице, запряженной слонами».

**Рис. 3. Изображения шлемов «цзиньского» типа,
их прототипов и позднейших модификаций XI–XVIII вв.**

1. С изображения цзиньского латника (с китайской картины XII в.).
- 2–3. Со статуй военачальников и воинов династии Сун. Пр. Хэнань, XI–XII вв.
4. С картины неизвестного художника династии Сун «Герои Поднебесной», XI–XII вв.
- 5–12. Изображения шлемов «цзиньского» типа у воинов монгольской империи Юань (1279–1368 гг.). С картины японского художника Тоса Нагатаки «Сказание о монгольском нашествии», 1292 г.
- 13–22. Изображения шлемов «цзиньского» типа у воинов государств Чингизидов в Передней Азии: 13–14, 16, 18, 20: «Джами ат-таварих» Рашид-ад-Дина, Тебриз, 1314 г., б-ка Топкапу, Стамбул; 15, 19, 21: «Джами ат-таварих» Рашид-ад-Дина, Тебриз, 1306–1307 гг., б-ка Эдинбургского ун-та; 17, 22: «Шах-намэ» Фирдоуси, Тебриз, 1340–1340 гг., бывш. Собр. Демогта. 23–26: Минский вариант шлемов «цзиньского» типа: 23, 26: с изображения китайских лейб-гвардейцев с картины придворного художника конца XVI–начала XVII вв. «Выезд императора Ваньли» (1573–1620 гг.); 24–25: с изображения китайских лейб-гвардейцев с картины придворного художника «Путешествие императора Сюаньдэ (1426–1435 гг.) на колеснице, запряженной слонами».
27. Минский вариант шлема «цзиньского» типа.
Со статуи «стражника» XVI–начала XVII вв., Шисанлин.
- 28–29. Маньчжурский вариант шлема «цзиньского» типа, «Маньчжоу-шилу».

ПОНОЖИ ИЗ ПОЛОВЕЦКОГО ПОГРЕБЕНИЯ В СТЕПНОМ ПРИКУБАНЬЕ

На территории степного Прикубанья и Восточного Закубанья раскопано достаточно много погребений кочевников XII–XIV вв. Среди них выделяется достаточно большая группа воинских захоронений. Среди этих погребений разнообразие воинского инвентаря выделяется погребение из ст. Дмитриевской к. 1 п. 2 (Рис. 1). Комплекс, о котором пойдет речь, уже введен в научный оборот¹, что избавляет от подробного описания погребального обряда и сопроводительного инвентаря. В статье подробно будет рассматриваться один из предметов защитного доспеха, а именно поножи.

Поножи были изготовлены из железа. Они находились на ногах погребенного (Рис. 2). Первоначально поножи соединялись с наколенниками при помощи кольчужной полоски (Рис. 3–4). Наколенники имели округлый верхний край. Длина поножей 68 см, ширина по центру – 18 см. К сожалению, сохранился только один понож, и то не полностью (Рис. 5).

Находки доспехов в погребениях кочевников XII–XIV вв. достаточно редки. Однако на этом фоне выделяются памятники золотоордынского времени степного Прикубанья и Восточного Закубанья. В них достаточно часто встречаются доспехи. Это, прежде всего, шлемы и кольчуги. К настоящему времени на этой территории известно около ста погребений кочевников XII–XIV вв. В них найдено 18 шлемов и кольчуг.

Однако находки таких деталей защитного доспеха, как наручи и поножи, в погребениях кочевников восточноевропейских степей XII–XIV вв. не просто редки, а единичны.

Поножи из погребения 2 кургана 1 ст. Дмитриевская можно отнести к одночастным наколенникам, соединенным кольчужной полоской с полукруглым наколенником².

Датировка поножей представляет большую трудность, так как не известны находки этих предметов в погребениях кочевников XII–XIV вв. А. Н. Кирпичников считает, что поножи могли существовать на Руси в предмонгольское время. Однако находки поножей на древнерусских городищах не зафиксированы. Аналогии им известны только на древнерусских миниатюрах³.

В западноевропейских памятниках поножи известны с середины XIII в.⁴ Этим же временем датируются самые ранние находки наручей⁵.

¹ Блохин В. Г., Дьяченко А. Н., Скрипкин А. С. Средневековые рыцари Кубани // Материалы и исследования по истории Кубани. Вып. 3. Краснодар, 2003. С. 185–187.

² Там же. С. 194.

³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие: доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. САИ. Вып. Е1–36. Л., 1971. С. 20.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 21.

М. В. Горелик предполагает, что поножи и наручи были принесены на Русь и в Западную Европу во время монгольского вторжения 1237–1241 гг.¹ Однако нет находок поножей и в Центральной Азии. Между тем, их изображали на персидских миниатюрах второй половины XIV – начала XV вв.²

Более точно поножи из погребения у ст. Дмитриевской могут быть датированы по сопутствующему материалу. Там был найден разнообразный материал, состоящий из предметов вооружения, конской упряжи, предметов быта и украшений.

Большинство предметов датируются достаточно широко. Однако наличие в погребении килевидных наконечников стрел (тип 38–4 по типологии А. Ф. Медведева)³, четырехгранного наконечника копья, шлема с цилиндрической тульей, переходящей под углом в конический купол, наручей и двухлезвийного прямоугольного кресала позволяет датировать поножи второй половиной XIII – XIV в.

Килевидные наконечники стрел были привнесены в Восточную Европу монголами⁴. Четырехгранные наконечники копий датируются второй половиной XIII–XIV в.⁵ Шлемы с цилиндрической тульей, переходящей под углом в конический купол А. Н. Кирпичников датирует первой половиной XIII в.⁶, а М. В. Горелик второй половиной XIII – первой половиной XIV вв.⁷ На мой взгляд, шлемы являются надежным хронологическим индикатором золотоордынской эпохи. Наручи датируются временем не ранее середины XIII в. Двухлезвийные прямоугольные кресала исследователи датируют XIII–XIV вв.⁸

В погребении у ст. Дмитриевской были найдены предметы, которые ранее исследователи датировали домонгольским временем (распрявленная гривна, котел, нагрудные бляхи). Однако сейчас датировка пересматривается, так как эти предметы бытовали и в золотоордынский период. Таким образом, погребение можно твердо датировать второй половиной XIII – XIV вв.

Данный комплекс можно отнести к половецким. Подтверждение этому – восточная ориентировка погребенного и наличие в погребении эталонных для половецкой культуры предметов (распрявленная гривна, большой плоскодонный котел, нагрудные бляхи). Поножи достаточно часто изображались на половецких каменных изваяниях⁹. Таким образом, комплекс является погребением знатного половецкого воина служившего в золотоордынском войске.

См. иллюстрации на цветной вкладке II.

¹ Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 257–259.

² Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. С. 144.

³ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострелы) VIII–XIV вв. Вып. Е1–36. М., 1966.

⁴ Там же.

⁵ Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. С. 67–69.

⁶ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие: доспех... С. 29.

⁷ Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.). С. 193.

⁸ Евлевский А. В., Потемкина Т. М. Кресала в позднечуваческих погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000. С. 199–200, 203.

⁹ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е4–2. М., 1974.

НАХОДКА ПАНЦИРНЫХ ПЛАСТИН НА ТЕРРИТОРИИ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО ЗАМКА ИСТОРИЧЕСКОГО ВИЛЬНО

Великокняжеский Нижний замок Вильно находится в центре современного Вильнюса, в северной части старого города. Замок является частью общего оборонительного комплекса, который в XIV в. состоял из трех замков. В центре, на холме, называемом теперь горой Гедиминаса, стоял Верхний замок. К холму с северо-запада и юго-запада примыкал Нижний замок. Деревянный Кривой замок, существовавший до 1390 г., находился на правом берегу восточного русла реки Вильня¹. Систематические археологические раскопки на территории Нижнего замка начаты в 1987 году и успешно ведутся до сих пор².

В 2007 г. при раскопках северо-восточной части Нижнего замка в торфяном слое, под 4-м уровнем деревянной застройки, которая датируется второй половиной – концом XIV в., найдено большое количество доспешных пластин. Собрано 80 отдельных и 11 конгломератов слипшихся пластин, а также несколько небольших фрагментов кольчуги (Рис. 7). Во второй половине XIV в. эта территория была застроена различными деревянными строениями доминирующей столбовой конструкции, которые могли бы быть мастерскими ремесленников. Около одной из внешних стен такого строения и были найдены данные детали доспеха³.

Приступая к анализу найденных доспешных пластин, необходимо кратко охарактеризовать военно-политическую ситуацию того времени. Во второй половине XIV в. ситуация в Литве была довольно напряженной, не был исключением и Вильно. 15 августа 1365 г. крестоносцы, возглавляемые великим магистром Винрихом фон Книпроде (1351–1382) и сыном великого литовского князя Кейстута (Kęstutis) Бутаутасом добрались до Вильно и сожгли город⁴. На Вильно нападали и в 1375, 1377, 1383 гг. Во время последних нападений город был сожжен, но замки так и остались не захваченными. Позже, во время разгара конфликта между литовскими князьями в 1387 г., на Вильно вновь продолжились нападения. В то время в Нижнем замке стоял гарнизон литовцев, а Верхний замок защищали поляки⁵. Во время этой атаки замки не были захвачены. В 1390 г. князь Витовт (Vytautas) с жемайтами, крестоносцами и их гостями из Англии и Франции осаждают Вильнюсские замки. Во время осады был сожжен Кривой замок. Брат Ягайлы (Jogaila) князь Мстиславский Каригаило Казимерас, возглавлявший защиту замка, был зверски убит, а его отрубленная голова насажена на копье. После почти пятидневной осады другие замки не были захвачены, но во время нападения погиб сын

¹ *Kitkauskas N.* Vilniaus pilys: statyba ir architektūra. Vinius, 1989. С. 5.

² *Kuncevičius A.* Lietuvos viduramžių archeologija. Vilnius, 2005. С. 51.

³ *Blaževičius P.* Vilniaus Žemutinės pilies teritorijos LDK valdovų rūmų rytinio ir šiaurinio korpusų prieigų archeologinių tyrimų 2006, 2007 m ataskaita. (В печати).

⁴ *Vygandas Marburgietis.* Naujoji Prūsijos kronika. Vilnius, 1999. С. 131.

⁵ *Vijūkas-Kojelavičius A.* Lietuvos istorija. Vilnius, 1988. С. 306.

великого князя Кейстуга Таутвил Конрадас¹. Вероятно, Нижний замок оборонял гарнизон литовцев и русинов, Верхний – поляки². Еще через четыре года, в 1394 г., рыцари Ордена опять появляются в Вильнюсе. Во время этого нападения замки хотя и пострадали, но вновь не были взяты³.

Панцирные пластины лежали разбросанными на одном месте, значительная их часть из-за коррозии слиплась между собой (Рис. 2). В некоторых случаях можно определить первичное расположение пластин доспеха, часть пластин слиплась в случайном порядке.

Пластины доспеха, найденные в этом комплексе, довольно разнообразны, возможно выделить несколько вариантов. Пластины первого вида орнаментированы, второго – без орнамента, третьего – более простые, отличающиеся грубым характером изготовления и также без орнаментации. При реконструкции возможного принципа их вязки очевидно, что он должен быть одинаковым для всех видов пластин.

Анализируя комплект пластинок, можно заметить, что некоторые пластины почти идентичны найденным ранее на территории Княжеского замка⁴. Они такие же выпуклые, а узкие и расширенные стороны пластин похожи по форме, но имеются и различия – типы орнаментов, форма некоторых пластин.

При изучении пластин важно определить, в какую сторону была повернута соответствующая пластина доспеха. Следует установить, какая сторона пластины верхняя, а какая – нижняя. Зная систему их связывания, можно заметить, что во многих случаях на верхнем краю пластин имеются по два ряда отверстий, но выяснить их расположение довольно сложно, потому что принцип «два отверстия сверху» не применим для всех пластин, так как могут одновременно использоваться несколько вариантов их крепления. Не все целые пластинки по верхнему краю имеют по два отверстия, поэтому определить направление пластин почти невозможно, исключая случаи, когда рядом находятся пластины с явными признаками направленности. Несмотря на это, исходя из типологической близости доспешных пластин, для установления системы расположения пластин мы будем опираться на ламеллярный доспех № 25, происходящий из братской могилы битвы при Висбю⁵.

Во время консервации для сохранения порядка расположения пластин было решено не разъединять некоторые массивы слипшихся пластин, хотя они частички и рассыпались.

Анализ деталей доспеха начнем с боковых пластинок с закругленными краями (Рис. 7: с), которые были найдены на северо-восточной стороне корпуса Великокняжеского замка. Там было обнаружено шесть таких пластинок. Одна из них была найдена прилипшей к «рядовой» расширенной пластине, предназначенной для малоподвижной части доспеха. Хорошо сохранились все боковые закругленные пластинки, они целые или почти целые и практически одинаковы по размеру.

¹ *Gudavičius E.* Lietuvos istorija nuo seniausių laikų iki 1569 metų. Vilnius, 1999. С. 174.

² *Ragauskas A.* Pradžios Vilniaus Žemutinė pilis istoriniuose šaltiniuose // Vilniaus Žemutinė pilis XIV a. – XIX a. pradžioje. 2002–2004 m. istorinių šaltinių paieškos. Vilnius, 2006. С. 56.

³ *Kitkauskas N.* Vilniaus pilys: statyba ir architektūra. С. 14–15.

⁴ *Steponavičienė D.* Vilniaus Žemutinės pilies Valdovų rūmų teritorija. Ploto prie Rūmų PR kampo 1997 m. archeologinių tyrimų ataskaita (perkasa Nr. 4 R korpuso išorėje). Vilnius, 1989. PTC LP B. 252. С. 200; *Rackevičius G.* Vilniaus Žemutinės pilies Valdovų rūmų teritorija. Š korpuso priegių archeologinių tyrimų 2002 m. ataskaita. T. V. Vilnius, 2003. PTC LP B. 255. С. 389; *Ožalas E.* Vilniaus Žemutinės pilies teritorija. Pietinio, Rytinio ir Vakarinio korpusų priegių archeologinių tyrimų 2002 m. ataskaita. PTC LP B. С. 230.

⁵ *Thordeman B.* Armour from the Battle of Wisby 1361. T. 1. Uppsala, 1939. P. 218.

На каждой прочеканен сердцевидный орнамент, который повернут от края под углом 90° (т.е. «сердечко» лежит на боку). Орнамент с изнаночной стороны состоит из 10 полусфер. На лицевой стороне каждая полусфера окружена рядом прочеканенных точек. Для выявления формы орнамента с внешней стороны «сердечка» высечено по одному ряду точек. Надо заметить, что похожий полусферический орнамент имеют и связующие узкие пластины с зубчатыми краями, которые несколько шире самых узких пластин этого комплекса (ширина – от 27 до 32 мм) (Рис. 7: d). На этих пластинках расположен орнамент из 8–10 полусферических выступов, которые с наружной стороны окружены одним рядом прочеканенных точек. Также на внутренней стороне по всему зубчатому краю прочеканен плотный ряд точек. Орнаментация в виде полусферических выступов на этих пластинках начинается снизу и поднимается до верхнего края. Сообразно этому, можно думать, что и на закругленных боковых деталях орнамент будет внизу. Выясняется, что у нас имеются 3 правые и 3 левые детали.

Снаружи корпуса в северо-восточной части великокняжеского Нижнего замка найдена очень интересная пара пластинок (Рис. 7: а; 3), по форме близких к обнаруженным в 2002 г. пластинам L-образной формы¹. Их форма, вероятно, приспособлена для покрытия той части доспеха, которая должна обладать большей подвижностью и могли быть вставлены подмышками. Орнамент по стилю похож на описанный у шести боковых пластинок. На первый взгляд, он напоминает сердцевидный боковых пластинок, но при внимательном рассмотрении можно хорошо видеть треугольник, сформированный 8 полусферами, которые с внутренней стороны окаймлены чередой прочеканенных точек. Орнамент мог быть выбран потому, что на небольшой плоскости не хватало места для высечки «сердечек». В том, что эта была работа того же мастера, не позволяет сомневаться идентичная манера орнаментирования.

Можно видеть еще один вариант боковых пластин доспеха – прямоугольной формы. Одна пластина этого типа уже была найдена во время исследований 1997 г.², однако она отличается от рассмотренной декором. Всего на этом участке найдены четыре прямоугольные орнаментированные боковые пластины (Рис. 7: f). Кроме одинакового размера и формы их объединяет идентичный орнамент из шести выпуклых полусфер. Диаметр полусфер несколько больше, чем на описанных пластинках, но между вариантами орнамента видна связь – выпуклые полусферы очерчены рядами точек. В этом случае полусферы окружены точками в два ряда.

Из деталей доспеха, найденных с внешней северо-восточной стороны корпуса, выделяются две орнаментированные пластины восьмиугольной формы (Рис. 7: e) кроме того, одна такая пластинка имеется и в другой группе пластинок (Рис. 4). Можно заметить, что орнамент пластинок похож на орнамент уже описанных L-образных боковых пластинок с закругленными концами. Такой же орнамент (в виде выпуклых полусфер с точками вокруг) у упомянутых восьмиугольных пластин, поэтому их нужно связать между собой. Главная деталь, выделяющая их из числа других пластин – это восьмиугольная форма и небольшой загиб вертикальных краев в одну сторону. Все эти признаки и дырочки в центре загиба указывают на то, что детали к такой пластинке должны были крепиться с обеих сторон. Вероятно, что эти пластинки могли быть в центре набранной полосы доспеха. Похожие по

¹ Ožalas E. Vilniaus Žemutinės pilies teritorija. С. 225, 262.

² Steponavičienė D. Vilniaus Žemutinės pilies Valdovų... С. 200.

форме детали есть и в доспехе № 25 из Висбю. На этом доспехе три центральные пластинки находились на первых (считая сверху) и на трех нижних рядах панциря. Центральные пластинки с верхнего ряда были в центральной части, а три нижние пластинки расположены иначе – они прикреплены недалеко от концов ряда и не одна над другой, а в разных местах¹. Такое расположение центральных пластинок представляет «переход» пластинок с одного направления на другое. На доспехе № 25 восьмиугольные пластинки обнаружены не только в центре, но и в таких местах, где «переход», казалось бы, и не нужен. Возможно, таким образом заполнены пробелы пластинок. По крайней мере, это показывает, что рассматриваемые нами пластинки могли быть использованы не только в центральной части доспеха.

Анализ орнаментированных выпуклыми полусферами доспешных пластин необходимо закончить обсуждением связующих узких пластин (Рис. 7: d). Такая пластина есть и в одной группе слипшихся пластин, рядом с центральной. У них имеется обрезанный край и аналогичный центральным пластинам орнамент. Руководствуясь способом связки, указанным Тордеманом, мы определяем экземпляры пластин как четыре правые и одну левую.

В Новосибирском университете в лаборатории экспериментальной археологии был проведен эксперимент по уязвимости всех типов пластинчатой брони. Используя разные типы оружия и разную силу нанесения удара, было замечено, что доспехи с выкованными выпуклыми полусферами намного эффективнее предохраняли тело воина от поражения. Благодаря форме такие пластины намного надежнее выдерживали удар оружия, нежели пластины без них². Основываясь на этих данных, исследуемый нами орнамент панцирных пластин можно оценивать двояко – как украшение и как дополнительное средство защиты.

Были обнаружены и восемь орнаментированных широких соединительных пластин с зубчатыми краями (Рис. 7: b). Из них пять левых и три правых. Пластинки на этом местонахождении отличаются от других не только тем, что они представляют собой единственные широкие соединяющие пластинки, но и своим орнаментом. Орнамент пластинок составляют выпуклые полусферы, расположенные в два горизонтальных ряда, по 4 в каждом ряду, а накрывающий край является зубчатым. Прочеканенные с внутренней стороны, полусферы распределены по парам, а с внешней каждая пара заключена в четырехугольник, отчеканенный точечным орнаментом. Принимая во внимание группы слипшихся пластин, мы видим, что пластины такого типа соотносятся с неорнаментированными узкими «рядовыми» пластинками с зубчатым накрывающим краем.

На данном месте обнаружена еще одна крайняя пластинка интересной формы (Рис. 5). Она по своей форме отличается от всех описанных выше пластин с территории замков Вильнюса. У этой детали нет двух свойственных ей закругленных краев, а имеется только один почти острый закругленный угол. Так как один край пластинки обломан, невозможно измерить всю бывшую ширину и отнести ее к той или иной группе пластин.

¹ *Thordeman B. Armour from the Battle of Wisby 1361. T. 2. Uppsala, 1940. P. 145.*

² *Петренко А. Л., Петренко Ю. А. Защитные свойства средневековых панцирей Юга Сибири и Центральной Азии // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии // Труды гуманитарного факультета. Вып... Новосибирск, 2004. С. 110–111.*

Там же обнаружены и 33 неорнаментированные узкие с накрывающим зубчатым краем пластинки. Похоже, что это пластинки одного типа, хотя их ширина и разнится, они связываются с упомянутыми соединяющими широкими пластинками. Из всех рассматриваемых пластинок только семь – правого расположения.

Среди всех этих пластин, характеризующихся одним отверстием в центральной части, выделяется одна с двумя отверстиями в центре. В этом случае отверстия на пластинке – очень важный признак. Количество отверстий на пластинках разного типа обыкновенно варьируется, и это зависит от способа доспешной вязки. Для изучаемого нами типа доспеха важным фактором является число отверстий и их расположение в центральной части пластинки, что принцип крепления этой пластины должен быть похож на использованный в доспехе № 25 из Висбю.

Другой вариант панцирных пластин – неорнаментированные узкие «рядовые». Таких найдено шесть отдельных и пять слипшихся вместе. К сожалению, только одна из них сохранилась полностью, а вторая – почти полностью с фрагментированной центральной частью. Узкие края у обеих пластин хорошо сохранились и с каждого края находится только по одному отверстию. Они могут быть и с нижней части доспешного набора, так как данный принцип связывания (по количеству отверстий) для промежуточного ряда представляется сомнительным.

Наряду с этими пластинами найден и другой вариант. Это прямоугольные, «рядовые» соединительные пластины, у которых отсутствует свойственное другим расширение центральной части (Рис. 6). Некоторые крайние пластины этого типа имеют диагональный продырявленный край. На доспехе Висбю № 25 тоже имеются крайние пластины похожей формы, они там не только заканчивают набранный ряд, но и объединяют основную часть с наплечником¹.

Из отдельных деталей доспеха интерес представляет еще одна пластина. Похоже, что это фрагментированная широкая связывающая деталь. В связи с тем, что ее края плохо сохранились, невозможно рассмотреть центральные отверстия или второй ряд отверстий на одном из краев. На изнаночной стороне пластины высечены два пересекающихся ряда точек, образующих равносторонний крест (Рис. 8). Остальные пластины с этого участка фрагментарны и несут небольшую информацию – это остатки узких «рядовых» пластин.

Иконографический материал Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) конца XIV в. довольно скуден, а доспехи по типу, близкому к нашему, можно увидеть всего лишь в одном источнике. Это – печать великого князя Кейстута (1379). На ней изображен стоящий воин в доспехах, который в правой руке держит меч, а другой рукой опирается на щит (раннюю «павезу»).

Еще в 1939 г. Бен Тордеман, описывая комплект доспеха № 25 из Висбю, в качестве одного из иконографических примеров привел эту печать, причисляя изображенный на ней доспех к ламеллярному типу². Именно такой способ изображения ламеллярного доспеха известен на иконографическом материале³. Известны

¹ *Thordeman B. Armour from the Battle of Wisby 1361. T. 2. P. 145.*

² Там же. Т. 1. P. 272.

³ *Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 166; Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 37.*

печати князей Мазовии Земовита II Равского (Ziemowit) и Тройдена (Traidenis) середины – второй половины XIV в. В 1279 году дочь великого литовского князя Тройдена Гаудемунда была выдана замуж за князя Мазовии Болеслава. Этим династическим браком мазовшане стремились защититься от нападений литовцев¹. На печатях изображены воины в доспехах, предположительно ламеллярного типа, держащие щиты вида, как на печати великого князя Кестутиса, а на головах у них – похожие шлемы. Как мы видим, детали ламеллярного доспеха, датированные концом XIV в., найдены и на территории замков Вильно. Так что здесь мы видим прямую связь археологических находок (панцирных пластин) с этой печатью. Всмотревшись в изображенные доспехи воина на печати Земовита II, мы можем увидеть еще детали ламеллярного доспеха, которые отразились в археологическом материале замков Вильно. Это – пластины с закругленными краями в центре и наверху доспеха, подмышками (мастер неточно изобразил их расположение). Надо отметить, что именно Мазовия выделяется среди других регионов Польши использованием пластинчатых доспехов². Появление такого типа доспехов в Мазовии, наверное, можно связывать с влиянием ВКЛ на это княжество.

В XIV в. пластинчатый доспех ламеллярного типа должен был быть известен и Тевтонскому ордену. По мнению польского исследователя Анджея Новаковского, этот тип доспеха в Пруссию мог попасть из восточнославянских земель при посредничестве балтов³. О том, что балты его знали и ранее, свидетельствуют найденные в могильнике Сарайи (Курземе, Латвия) части доспеха. В могиле куршского воина, датируемой XIII в., обнаружено 60 пластинок (каждая – 2×6 см) ламеллярного доспеха⁴.

На территории замков Вильноса ламеллярные пластинки, обнаруженные в слое конца XIV в., по числу превосходят доспешные детали других типов. Подобный доспех был одним из главных вариантов брони того времени, что подтверждает материал сфрагистики. Воин на печати великого князя Кейстута изображен в доспехах ламеллярной конструкции; значит, его носили не только рядовые воины, но и знать. Большое количество пластин этого типа можно связать с политической ситуацией в ВКЛ и Вильно в конце XIV – начале XV в. Благодаря экспансии на русские земли, в замках Вильно русские воины должны были составлять немалую часть гарнизона, у которых могла быть перенята и броня, используемая на их территории. Усобица князей в конце XIV в. задела виленские замки. В 1390 г. Витовт во главе объединенных войск жемайтов и крестоносцев пытался взять замки города. Четыре года спустя их штурмовали отряды Ордена. В слоях, датированных этим периодом, можно найти следы боев – наконечники стрел арбалетов, снаряды бомбард⁵. Во время этих боев, вероятно, и были утеряны рассмотренные выше детали ламеллярного доспеха.

См. иллюстрации на цветной вкладке II.

¹ *Gudavičius E.* Lietuvos istorija nuo seniausių laikų iki 1569 metų. С. 73.

² *Nowakowski A.* Arms and Armour in the Medieval Teutonic Order's State in Prussia. Łódź, 1994. P. 77.

³ Там же. P. 77.

⁴ *Asariš J.* Vīriešu apbedījumi Sāraju senkapos // Zinātniskās sesijas materiāli par arheologu 1992. un 1993. gada pētījumu rezultātiem. Rīga, 1994. P. 17.

⁵ *Blaževičius P.* Vilniaus Žemutinės pilies teritorijos LDK valdovų Rūmų rytinio ir Šiaurinio korpusų prieigų archeologinių tyrimų 2006, 2007 m. ataskaita...

ШЕЛОМЫ «РУССКОГО» ТИПА ИЗ МСТИСЛАВЛЯ

Летом 1994 г. в г. Мстиславль Могилевской области (Республика Беларусь) был обнаружен шлем. Он был найден случайно во время ловли рыбы местным жителем в р. Вихра в районе Заречанского моста. Уникальность находки, неоднократно описанной автором этих строк¹, обусловлена не только принадлежностью шлема к категории салад, до того в Восточной Европе не находившихся археологами, но и редкостью находок позднесредневековых шлемов вообще, особенно такой хорошей сохранности (Рис. 1).

Исходя из хронологии бытования подобных наголовий и характера повреждений, автор высказал предположение, что салад мог попасть на дно Вихры во время боевых действий конца XV – начала XVI в., когда земли Восточной Белоруссии стали ареной упорной борьбы между Великим княжеством Литовским и Московским государством. Ближайший аналог саладу датируется 80-ми годами XV в. Наиболее вероятен поход 1502 г. на Мстиславль московских воевод во главе с князем С. И. Можайским: «приидоша воеводы ко Мстиславлю ко граду ноября 4, в четверток, и сrette их из града князь Михаило Ижеславский, зять княже Юрьев Лугвеньевича, да великого князя Александра Литовского воевода Остафей Дашковичь з двором великого князя заставою и з желньри. И снидошася полци вместо, и Божиєю милостию одолеша полци великого князя Ивана Васильевича Московстии, и многих Литвы изсекоша, тысяч с седмь, а иных многих поимаша, и знамена их поимаша, а князь Михайло едва утече во град»².

Из всех многочисленных конфликтов у стен Мстиславля близкого времени только в 1502 г. произошло столкновение в открытом поле, на что указывает потеря шлема с боевыми повреждениями.

Еще раз обратиться к обстоятельствам утраты в этих местах салада заставили находки в водах Вихры еще двух шлемов.

В 2004 г. опять в районе Заречанского моста было найдено наголовье, на этот раз «русского» типа. В настоящее время оно находится в собрании Мстиславльского историко-археологического музея. В июле 2006 г. местными жителями был найден третий шлем, похожий на предыдущую находку. Шлем покоился на дне Вихры на глубине более 2 м на несколько сот метров выше Заречанского моста. Таким образом, место находки этого наголовия свидетельствует с высоким вероятием о

¹ Бохан Ю. Сярэднявечны гелм з Мстіслава // Наша Ніва. 1995. С. 5; Он же. Мстислаўская салада і верагоднасць ужывання падобных шлемаў у Вялікім княстве Літоўскім // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1996. С. 33-39; Он же. Баявыя нагалоўі ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI стагоддзя // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1996. С. 89-111; Он же. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст. Мінск, 2002. С. 44; Он же. Зброя Вялікага княства Літоўскага 1385–1576. Мінск, 2003. С. 11; *Bochan J. The Sallet Type Helm from Mscislav // Fasciculi Archaeologiae Historicae. Łódź, 1997. S. 9–11.*

² ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 47; Т. 12. СПб., 1903. С. 257; Т. 13. СПб., 1904. С. 20–21.

его утрате во время экстренной переправы через реку в неблагоприятном месте, возможно, в ходе битвы, форсирования реки либо бегства.

Шлемы 2004 и 2006 гг. (будем называть их № 2 и № 3, а салат 1994 г. – № 1) принадлежат к категории открытых и состоят только из «колокола», или «купола» – части, защищавшей черепную коробку. Подобные наголовия в разных краях Восточной и Центральной Европы были известны в XIV–XVI вв. как «шеломы» (scholm, slomhuben и др.)¹.

Шлемы № 2 и № 3, как и шлем № 1, характеризуются исключительно хорошей сохранностью. Они практически не повреждены коррозией, чему, как представляется, способствовало их заглубление в илстый слой. На это указывает сероватая накипь на стенках всех трех мстиславльских шлемов. Экземпляры № 2 и № 3, как уже отмечалось, относятся к категории открытых шлемов (шеломов) «русского» типа и венчаются шпилем. Верхняя часть шлемов украшена многочисленными вертикальными гранями, в месте перехода которых в гладкую поверхность имеется более или менее заметный ребристый перелом. Это придает сфероконическим наголовиям слегка цилиндричноконические очертания.

Есть смысл остановиться на каждом экземпляре подробнее.

Шелом № 2 весит около 1,7 кг. Высота наголовия – около 29,5 см, длина – 23,5 см, ширина – 22 см. Толщина стенок около слегка отогнутых наружу краев колеблется от 1,2 до 2,2 мм. На расстоянии 9 см от среза шелома гладкая поверхность переходит в 10 вертикальных граней, доходящих до завершения шпиля. Завершение оформлено в виде удлиненного утолщения, очерченного четырьмя ободками, отделяющими его от граненой части колокола. Грани оформлены таким образом, что спереди шлема обозначено как бы вертикальное ребро, характерное для иной модификации шеломов – конических, или нормандских (Рис. 2: 1). По краям колокола имеется 23 отверстия диаметром до 5 мм. Размещенные на значительном расстоянии от среза наголовия, они предназначались, возможно, не для крепления кольчужной бармицы, а для подшлемника, смягчавшего удары оружия противника. Вместе с тем к таким отверстиям бармица могла быть прикреплена при помощи специальных колец большего диаметра, а отогнутые края шлема призваны были в таком случае уменьшить давление колец на голову воина. Шлем отлично сохранился, если не считать двух отверстий на левой стороне в районе ребристого перелома, а также небольших выщербин по краю колокола (Рис. 2: 2). Повреждения, можно предположить, стали результатом постепенной коррозии наголовия на дне реки.

Шелом № 3 имеет очевидное сходство с предыдущим. Высота – около 29 см, длина – 24 см, ширина 21,5 см, масса – около 1,7 кг. Края колокола, как и у экземпляра № 2, слегка отгибаются наружу (Рис. 3). Их толщина колеблется от 1,1 до 2 мм. По окружности шлема у краев размещаются 34 отверстия диаметром до 5 мм. Особенностью наголовия № 3 является профилировка его краев. В районе ушей они слегка выгибаются вниз, как у некоторых образцов нормандских шлемов периода позднего средневековья.

На верхней части купола имеются 12 вертикальные грани. Они почти не видны с внешней стороны из-за покрывающей почти всю поверхность наголо-

¹ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 29; Nowakowski A. Uzbrojenie ochronne // Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1350–1450. Łódź, 1990. S. 70; Nowakowski A. Uzbrojenie wojsk krzyżackich w Prusach w XIV i na początku XV w. Łódź, 1980. S. 45–46, 65–66.

вья сероватой илистой накипи. Изнутри шлема грани прослеживаются отчетливо. Нижняя линия граненой части проходит от края колокола на расстоянии 11–12 см. Шпиль шлема завершается удлиненным утолщением, ограниченным снизу тройным ободком.

На момент находки внутри шлема находилось скомканое кольчужное полотно, колечки которого были сильно склеены илом (Рис. 4). Это не позволило определить функциональное назначение предмета без очистки. Можно высказать предположение, что это бармица либо кольчужная шапка (капошон). Диаметр сплюснутых колец составляет около 1 см, концы крепятся «на шип», что характерно для кольчужных панцирей позднего средневековья¹.

Обнаружение новых шлемов приблизительно в том месте, где в 1994 г. был найден салат, делает гипотезу о боевых обстоятельствах попадания наголовия на дно реки правдоподобной. Необходимо отметить, что все три экземпляра были найдены на участке, непосредственно примыкающим к замчищу. Любые вооруженные силы, подходившие к замку с востока, должны были переправляться через реку здесь, и именно это место, благодаря специфике рельефа, являлось единственно возможным для столкновения между защитниками замка и их противниками. Показательно, что все три шлема были найдены не в результате регулярных археологических исследований, а случайно. Нельзя исключить и существования незафиксированных находок, которые могли осесть в частных коллекциях. Вероятно, мелкие элементы вооружения утоплены в толще илистого слоя, и обнаружить их можно только при помощи специального оборудования.

Остается открытым вопрос о принадлежности шлемов представителям противоборствующих сторон. Если шлем № 1 (салат) однозначно может быть связан с представителями Великого княжества Литовского, то со шлемами № 2 и № 3 (шлемами) дело обстоит сложнее. Было бы соблазнительно трактовать их как оружие воинов Московского государства, проведя тем самым отчетливую грань между западным характером вооружения ВКЛ и ориентальным – его восточного соседа. Однако источники свидетельствуют, что шелома пользовались в XV – первой половине XVI в. большой популярностью и в Великом княжестве Литовском. Среди 64 шлемов, перечисленных в «реестре посполитых речей скарбных» 1510 г. (вероятно, арсенал Миколая Радзивилла), упоминается 8 «шоломцов». 95 шлемов имелось в 1536 г. в «зброевне» замка Могильно. Это составляло около 80% боевых наголовий тамошнего арсенала².

Чрезвычайно ценную информацию о бытовавших в конце XV в. в Великом княжестве Литовском шеломах несут миниатюры Радзивилловской летописи³. Подавляющее большинство изображенных – шелома «русского» типа, как правило, дополненные бармицей, реже – без нее. На одной из миниатюр шелом дополнен крупной металлической пластиной, не являющейся элементом шлема, опирающейся на грудную часть доспеха и закрывающей нижнюю часть лица. Такие пластины-подбородники (нем. *Bart*) были очень популярны в Европе XV в. Подбородник Радзивилловской летописи усилен парой округлых щитков, приклепанных в районе

¹ Гордеев Н. В. Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Москва, 1954. С. 79, 94.

² НАРБ. КМФ–18. Воп. 1. № 223. А. 161. КМФ–5. Воп. 1, № 2483. А. 10.

³ Радзивилловская летопись. Т. 1: Факс. воспроизведение рукописи. М., 1994.

ушей, что было нарушением традиций, поскольку щитки обычно крепились не к подбороднику, а непосредственно к шлему.

Купола русских шеломов Радзивилловской летописи имеют как сфероконическую, так и, значительно реже, цилиндроконическую форму. Шпили некоторых шеломов украшены шариками-«яблоками» (которые, принимая во внимание схематичность изображений, вполне могли обозначать удлиненные утолщения, аналогичные тем, которые имелись на мстиславльских экземплярах) или флажками-«еловцами». Все шеломы имеют горизонтально срезанный край и внешне близки московским наголовьям, прежде всего шеломам, найденным в Ипатьевском переулке в Москве (Рис. 5), датируемым до 1547 г. Они весьма напоминают и шеломы Мстиславля¹.

Однако наиболее близкие аналоги обнаруживаются в границах бывших владений Тевтонского ордена. Это шлем из Мельно (Ольштынское воеводство), найденный на месте битвы 1410 г., и шлем из Выструтья над Преголей. Интересно, что известные польские исследователи М. Глосек и А. Новаковский связывали эти шлемы, нетипичные для западноевропейского вооружения, с представителями Великого княжества Литовского, которые могли потерять их во время Грюнвальдского похода².

Таким образом, принадлежность «русских» шеломов Мстиславля войску ВКЛ также довольно вероятна, особенно если речь идет о его восточных границах.

Рассмотрев вероятность одновременного попадания на дно Вихры всех трех шлемов в начале XVI в., необходимо остановиться на более ранних событиях, которые гипотетически могли привести к утрате наголовий № 2 и № 3. На эти события обратил наше внимание бывший директор мстиславльского музея В. Л. Гасенков. Имеется в виду осада в 1386 г. Мстиславльского замка смоленским князем Святославом и битва на берегах Вихры его войска с подоспевшими силами Великого княжества Литовского. Хроника Выховца так описывает эти события: «Тоie że zimy u weliki post zaczął Swetosław dumaty so smoleńskimi bojary na chrystyianskoie krowoprolitye, y poyde ko horodu Mstysławlu, y stawszy u horodu Mstysławla zaczął dobywaty y poroki bity horod, a w zemlu Mstysławskuiu wojju swoiu pustyl y mnohoie krowoprolitye chrystianskoie wczynił. Kniaź że weliki Skirgayło y kniaź weliki Witolt pryiechali z Lachow od brata swoiego korola Jagoyła y słyszaczy, iż kniaź Swiatosław smoleński perwo był pod Witebskom, a potom k Orszy chodył, a teper pod Mstysławlem horod poroki bjet. Y sożaliwsia kniaź weliki Skirgayło, poydet z bratyieiu swojeiu, welikim kniazem Witoltom y z Konstantynom, y z Korbutom, y z Łyngwenem, y ... rekosza: «My nikotoroho iemu zła ne sotworyli, a on z nami w dokonczanii buduczy y perestupił krestnoie cyłowanie i dokonczanie, naszu zemlu wojuiet y krow chrystyanskuju proliwaiet, my idem na neho y nadeuczysia na boha y na chrestyanskuju siłu», y pryjdosza ko horodu Mstysławlu. A kniazu Sweclawu stojawszu u horoda y biwszy poroki hrad Mstysławł, na tretey nedeli w piatnicu usłyszał,

¹ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Табл. III, XII; *Głosek M., Nowakowski A.* Średniowieczna przyłbica z Muzeum Okręgowe w Toruniu. Przyczynek do znajomości bałtyjskiego uzbrojenia ochronnego // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. R. XXVIII. № 1. 1980. S. 58–60; *Muller H., Kunter F.* Europäische helme aus der Sammlung des Museum für Deutsche Geschichte. B., 1984. S. 156, 263.

² *Głosek M., Nowakowski A.* Średniowieczna przyłbica z Muzeum Okręgowe w Toruniu. Przyczynek do znajomości bałtyjskiego uzbrojenia ochronnego. S. 58–60; *Muller H., Kunter F.* Europäische Helme aus der Sammlung des Museum für Deutsche Geschichte. S. 156, 263. Российский исследователь К. А. Жуков датирует шлем из Выструтья (из-под Черняховска) первой четвертью XIV – началом XV в. и считает, что он мог быть изготовлен орденскими мастерами по русским образцам, приобретен либо захвачен в качестве трофея. *Жуков К. А.* Русские сфероконические шлемы развитого средневековья // *Воин*. № 18. Самара, 2005. С. 24.

szto idet na neho kniaź weliki Skirgayło z bratyieiu. On że sopołczył woj swoi y pojde protyw im; y jako sostupiszasia połcy... Y pomoże boh velikomu kniaziu Skirgayłu y velikomu kniaziu Witoltu, a kniaź Swetosławli nacza biehaty so swoimi kniazi y bojarj smoleńskimi, y so wsim woyskom swoim. Bożyiem że czudotworenijem y siłoiu tut nemałoie czudo wczyniłosia, yzbito byst woj mnohoie množestwo, kniazey y bojarja, no y samoho kniazia Swetosława wbili, syna že ieho kniazia Jurja kniaź weliki Skirgayła isceli ot ran y prywede ieho ko horodu Smolensku ko matery ieho velikoy kniahini Swetosławli, y posady ieho na velikom kniażenii Smolenskom... Y odszedzy od horoda Smolenska kniaź weliki Skirgayło pojde wo swoiu zemlu Litowskuiu...»¹.

Следует отметить, что утеря шлемов № 2 и № 3 во время событий 1386 г. выглядит вполне правдоподобным с точки зрения традиционной датировки подобных наголовий². Если принять подобную гипотезу, то ценность мстиславльских шлемов для исследования вооружения Великого княжества Литовского еще больше возрастает, поскольку сразу же после описываемых в Хронике Быховца событий Смоленск попал в зависимость от ВКЛ и смоленские воины стали частью вооруженных сил этого государства. Но в пользу более поздних событий свидетельствует находка салада, аналога которого, как уже отмечалось, ранее второй половины XV в. неизвестны, а убедительных аргументов, которые однозначно указывали бы на XIV в., пока не обнаружено. Увязка ближайших аналогов мстиславльских шлемов с грюнвальдской экспедицией выглядит не столь безупречно, как кажется на первый взгляд. Известно, что военные контингенты ВКЛ участвовали и в более поздних походах на прусские земли, в том числе и во время войны Польши с Тевтонским орденом 1520–1525 гг.

На сегодняшний день сосуществование в позднее средневековье на землях бывшего Великого княжества Литовского, в том числе Беларуси, западного и восточного вооружения не вызывает сомнения; вопросы возникают только относительно их количественного соотношения и уровня популярности в определенные исторические периоды в конкретных регионах. Пограничный статус восточнобелорусских земель, где Мстиславль являлся заметным военным форпостом, в полной мере способствовал проникновению сюда восточных тенденций, что не могло не отразиться и на ассортименте используемых боевых средств.

См. иллюстрации на цветной вкладке II.

¹ <http://litopys.org.ua/psr13235/lytov09.htm>

² Жуков К. А. Русские сфероконические шлемы развитого средневековья.

ДВА ШЛЕМА ИЗ НОВОЧЕРКАССКОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Находки шлемов эпохи средневековья, несмотря на масштабные исследования в восточно-европейской степи, достаточно редки.

В Новочеркасском музее истории донского казачества хранятся два однотипных сфероконических шлема, обнаруженные в конце XIX – начале XX вв. На вершине оба имеют отверстия для крепления навершия с втулкой-гнездом для плюмажа или султанчика. Основания шлемов прямые. Снаружи каркас из железных пластин обтягивался листом бронзы. В одном случае сохранились фрагменты бронзового покрытия с остатками железного каркаса (III–348), в другом железный каркас сохранился более полно (III–347).

От шлема III–348 сохранилась тонкая бронзовая оболочка, под которой местами прослеживались остатки железного пластинчатого каркаса. Край бронзовой оболочки был загнут за железный край каркаса и прижат к нему. Одна сторона бронзовой оболочки сильно утрачена, в верхней части имеется отверстие для крепления бронзового навершия. Для этого по краю отверстия в оболочке было пробито изнутри шлема маленькое отверстие. Тогда как вдоль прямого края и чуть выше основания шлема располагались два маленьких отверстия диаметром 0,2 см на расстоянии 13 см, видимо, для присоединения кольчужной бармицы. Судя по тлену, в основании бронзовой оболочки был кольцевидный обруч из ленты шириной около 1,5 см. Высота бронзовой оболочки – 19 см, диаметр верхнего отверстия 2,5 см, основания – около 19 см (Рис. 1: 1).

К поверхности приклеена бумажная этикетка с надписью: «р. Дон ст. Есауловская», из-под которой выглядывает нижний край более ранней, на которой видна только цифра «1893» – время поступления в коллекцию.

В каталоге археологических находок Музея истории донского казачества, составленном Б. А. Раевым, отмечено, что не известны не только обстоятельства находки, но даже источник поступления бронзового шлема из «уроч. Частые у хут. Захарова ст. Есауловской»¹.

В каталоге Х. И. Попова под № 1082 указано, что «медная оболочка с шлема» имела «верхнюю остроконечную накладку к ней с концом»². Ее размеры точно соответствуют шлему III–348.

По каталогу, шлем был «найден близ хут. Захарова ст. Есауловской, в урочище Частых, в Большом кургане казаком Алексеем Суховым. В музей шлем поступил от окружного атамана Второго Донского округа В. П. Сергеева»³.

В рукописной описи, составленной Х. И. Поповым по округам и по годам еще до подготовки каталога археологического отдела Донского музея (ныне Новочеркасского музея истории донского казачества), значатся панцирь и медный шлем. Предметы были переданы в мае в 1893 г. Находки были обнаружены в юрте ст. Есауловской близ хут. Захарова в урочище Частые в Большом кургане казаком Алексеем Суховским⁴.

¹ Раев Б. А. Каталог археологических коллекций. Новочеркасск, 1979. С. 88.

² Попов Х. И. Каталог археологического отдела. [Б. г.]. С. 76.

³ Там же.

⁴ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 886. Л. 8.

В той же описи под 1886 г. среди находок из 2-го Донского округа перечислены вещи Курнаковых, которые были переданы в музей в октябре есаулом Мишаревым. Среди них – «панцырь и шлем» А в начале абзаца отмечено и перечеркнуто «от Сергеева»¹.

2. Бок шлема № III–347 сильно фрагментирован. В одном случае железные пластины соединены внахлест, а поверх их лежит узкая полоска железа шириной 2,5 см, выступающий край которой, по-видимому, перекрывался железным обручем, расположенным у основания шлема.

Верхний край шлема имеет небольшое круглое отверстие диаметром 2,1 см. Оба края бронзовой оболочки, покрывавшей железный каркас, были загнуты и зафальцованы. На край верхнего отверстия, судя по окислам, надевалось несохранившееся бронзовое навершие для крепления плюмажа или султана. На поверхности бронзовой оболочки прослежена кольцевидная кайма шириной 2,5 см от навершия, у нижнего края которой расположена лента позолоты шириной до 0,5 см. Нижний диаметр навершия 7 см. Вдоль нижнего края шлема, на равном удалении от выступающей узкой железной пластинки, расположены два бугорка – окислившиеся заклепки, которые соединяли железный обруч с железным каркасом, обтянутым бронзовым листом. Крепилась ли к шлему при помощи этих заклепок бармица, неизвестно.

Высота бронзовой оболочки – 15,7 см, диаметр верхнего отверстия 2,3 см, основания – около 21,7 см. Толщина стенок 0,4 см (Рис. 1: 2).

На поверхность нанесен красной краской старый номер – 520, к стенке шлема привязана этикетка с № 3597. В инвентаризационной книге 1950-х гг. указан под № 3597 «Большой медный шлем конусообразной формы, в котором сбоку имеется пробоина. Внутри – остатки тонкой древесной прокладки. Найден в ст. Луганской в 1910 г.» (Архив НМДК).

Во время инвентаризации археологических коллекций Б. А. Раевым было отмечено, что шлем (?), найденный в ст. Луганской, поступил в музей в 1910 г., обстоятельства находки неизвестны².

Шлемы этого типа относятся ко II типу по классификации А. Н. Кирпичникова. Сфероконические шлемы состоят из четырех склепанных пластин, обтянутых медно-бронзовой позолоченной обтяжкой, со втулкой на макушке³. Эти шлемы из кочевнических могил изготовлены «или на Руси, или... более вероятно, в кочевнических мастерских Восточной Европы, знакомых с русской оружейной продукцией»⁴.

Такая форма шлема была неуязвима для прямого удара. Основание шлема было стянуто медно-бронзовым или железным обручем, украшавшимся чеканным орнаментом. Отверстия, расположенные вдоль нижнего края шлема, вероятно, предназначались для крепления кольчужной бармицы. На каменных мужских изваяниях шлемы изображались, как правило, без бармиц⁵.

Шлемы из степных погребений принадлежали знатым воинам и датируются XII–XIII вв.⁶ В Московской Руси шлемы подобной формы назывались шишаками.

См. иллюстрации на цветной вклейке II.

¹ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 886. Л. 3.

² Раев Б. А. Каталог археологических коллекций. С. 88.

³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // САИ. Е1–36. Л., 1971. С. 26–28. Табл. 8.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния // САИ Е4–2. М., 1974. С. 25. Прим. 4.

⁶ Кирпичников А. Н. Шлем XII века из погребения кочевника // Археологические раскопки на Дону. Ростов/Д, 1962. С. 139, 140.

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ШЛЕМ КОЧЕВНИКОВ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ БУРЯТИИ ИМ. М. Н. ХАНГАЛОВА

В последние годы в научный оборот вводится большое количество материала, позволяющего по-новому взглянуть на комплекс вооружения кочевников Центральной Азии. В ряде работ описываются шлемы, которые являются, пожалуй, самой редкой находкой. Шлемы с территории Центральной Азии публиковались в работах П. фон Винклера, С. И. Вайнштейна, Ю. С. Худякова, М. В. Горелика, В. В. Горбунова, А. А. Тишкина, С. Ю. Исупова, Л. А. Боброва¹. Описания позднесредневековых шлемов в хакасском эпосе были собраны В. Я. Бутанаевым². Попытка рассмотреть бурятские шлемы с привлечением письменных, фольклорных и этнографических источников была предпринята в работе В. А. Михайлова³.

У известных на сегодняшний день боевых оголовий, относимых к центральноазиатским кочевникам, обширная география. Она включает Хакасию, Горный Алтай, Внутреннюю Монголию, Восточный Туркестан. Однако до сих пор не было опубликовано ни одного средневекового шлема из Байкальского региона, в связи с чем публикация экземпляра, хранящегося в фондах музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова представляет несомненный интерес.

Шлем изготовлен из стали, по форме напоминает сильно вытянутый сферо-конус. Купол шлема склепан из восьми сегментов. Четыре наложенных сверху сегмента имеют фигурно вырезанные края, они склепаны с нижними пластинами четырьмя заклепками каждый. Края верхних сегментов под тупым углом отогнуты внутрь, что, по нашему мнению, должно было придавать конструкции дополнительную прочность. Тулью шлема венчает наверху в виде воронки (вырезано из листа железа, свернуто и склепано на одну заклепку), приклепанное четырьмя заклепками к нижним пластинам. По низу тульи идет обруч, приклепанный двенадцатью заклепками. В нем пробито 21 отверстие для крепления бармицы. Спереди к обручу приклепан небольшой козырек, крепящийся при помощи трех сильно расплюснутых заклепок.

¹ Винклер П. Фон. Оружие. М.: Софт-мастер, 1992. С. 254; Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы: историко этнографические очерки. М.: ИФВЛ РАН, 1961. С. 16. Рис. 8; Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. С. 87–100; Он же. Вооружение центральноазиатских кочевников эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991; Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.

² Горелик М. В. Ранний монгольский доспех // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 163–208; Горбунов В. В., Тишкин А. А. Вооружение населения лесостепного Алтая в Монгольское время (XIII–XIV вв.) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб, 1998. С. 262–266; Горбунов В. В., Исупов С. Ю. Монгольские шлемы с территории Алтая // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 135–143; Бобров Л. А. Позднесредневековые шлемы из собраний музеев Красноярского края // Военное дело nomадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2002. С. 89–97.

³ Бутанаев, 1981. С. 188–197.

³ Михайлов В. А. Оружие и доспехи бурят. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ Сибирь, 1993. С. 73.

Размеры шлема: высота – 25,7 см, длина ото лба до затылка 28 см, от виска до виска – 27 см, ширина обода – 1,9 см, длина обода по окружности – 65,9 см, диаметр втулки в самом широком месте 3,6 см, высота втулки – 7,9 мм. Шлем сделан из довольно тонких пластин. Сзади обод обломан, поэтому удалось измерить толщину сегментов. Она составляет 1 мм. Толщина обруча – 1 мм. Козырек изготовлен из еще более тонкого металла толщиной 0,8 мм. Шлем не глубокий; если одеть его с толстым подшлемником, то он закроет только верхнюю часть головы по линии лоб–виски–затылок. У такого шлема обязательно должны были быть подбородочные ремни и бармица.

К сожалению, в музее не сохранилась информация о месте и времени находки и времени поступления шлема в фонды. Тем не менее, опираясь на сравнительно-типологический анализ, мы с большой долей вероятности можем определить территориальные и хронологические рамки бытования данного боевого оголовья.

Шлем имеет ряд признаков, характерных для шлемов средневековых кочевников Центральной Азии: сфероконический купол, собранный из 8 сегментов, на вершине в виде воронки и небольшой козырек. Рассмотрим аналогии составляющих элементов шлема.

Форма рассматриваемого шлема по-своему уникальна, среди археологических находок аналоги отсутствуют. Похожие по форме шлемы изображены на двух китайских картинах XVI–XVII вв. На одной из них в подобном шлеме изображен «чжурчжэньский военачальник»¹, на второй («Выезд императора Ваньли») схожий по форме шлем изображен на императоре Шень-Цзуне (Ваньли)². В обоих случаях шлем закрывает только макушку головы. Подобным образом сидят шлемы на головах воинов среднеазиатских миниатюр XVI–XVII вв.³ Так же носили чжурдженские (судя по находкам шлемов в Приамурье) и многие маньчжурские, тибетские и корейские шлемы⁴. Во всех случаях шлем снабжался бармицей.

Конструкции купола традиционна для Центральной Азии. Подобным образом был изготовлены шлем из Хакасии (район г. Абаза)⁵, из Якутии (р-н оз. Мюрю)⁶, а также калмыцкие, хранящиеся в музеях Восточного Туркестана⁷ и в Оружейной палате Московского Кремля⁸.

Отличительной чертой шлема являются фестоны, которыми вырезаны верхние накладные пластины купола. На большинстве известных шлемов накладки с вырезанным краем имеют ребро жесткости, но иногда встречаются пластины и без него⁹. Наличие фестонов на накладных пластинах – характерная черта шлемов

¹ Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого и позднего средневековья и нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии эпохи позднего средневековья. Новосибирск, 2003. С. 192. Табл. 13, 5.

² Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Астрель, АСТ, 2000. С. 105.

³ Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего средневековья. // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2002. С. 143. Рис. 1, 10; С. 145. Рис. 3, 9; С. 146. Рис. 4, 11; Рис. 5–7.

⁴ Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров...

⁵ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. С. 129. Табл. XLIV.

⁶ История Якутской АССР. Т. 1. Изд-во АНССР. М., 1955. С. 247. Рис. 74, 4.

⁷ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов... С. 129.

⁸ Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Боевые наголовья кочевников Монголии и Калмыкии второй половины XVI – начала XVIII вв. // Древности Алтая. № 11. Табл. 1, 3. Электронная версия: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2003/11/13.html>

⁹ Там же.

X–XIV вв., найденных в Монголии, Маньчжурии¹ и Алтае, на позднесредневековых шлемах Тувы, Хакасии и Красноярского края².

Одним из датирующих элементов шлема может являться козырек. На востоке он впервые зафиксирован на шлемах IV–V вв. н.э., происходящих с территории Японии и Кореи³. По мнению М. В. Горелика, козырек был одной из отличительных черт монгольских шлемов эпохи развитого средневековья. Однако ни на одном из центральноазиатских шлемов X–XIV вв., известных по археологическим находкам, козырьков нет. На приводимых М. В. Гореликом миниатюрах козырек встречается только один раз. Шлемы XIII–XIV вв. с козырьками происходят с территории Золотой Орды (Южнорусские степи, Кавказ и Предкавказье), но по конструкции большинство из них разительно отличается от образцов из Центральной Азии. В то же время, практически все известные на сегодняшний день позднесредневековые шлемы Центральной Азии и Южной Сибири снабжены козырьками. Козырьки присутствуют на калмыцких, киргизских, тувинских и монгольских шлемах XVI–XVIII вв. Таким образом, козырек можно считать отличительной чертой позднесредневековых шлемов центральноазиатского региона.

Навершие в виде воронки имеет аналогии в ряде сибирских и центральноазиатских шлемов. Похожее навершие имеют два шлема, найденные в Якутии⁴ и шлем, обнаруженный на Алтае⁵, где оно крепится непосредственно к куполу. У одного из якутских шлемов навершие свернуто из листа железа.

Таким образом, наличие козырька, форма шлема, навершие в виде воронки позволяют отнести наш образец к позднему средневековью. По совокупности признаков его можно датировать XVI–XVII вв. и этнически соотнести с бурятскими племенами, населявшими Байкальский регион. Согласно русским архивным документам XVII в., шлем являлся неотъемлемой частью комплекса вооружения бурят. «Шеломы» и «шишаки» часто упоминаются в донесениях служилых людей: «взяли со всем в кукяке с наручи, и в шишаке и с саадаком»; «у брацких людей и шеломы многие с голов отбили»; «брацкие мужики воинские, многие, конные, бывают на боях в кукяках и в наручах и в шишаках»; «приходят братья на конях сбруйны, в кукяках и шишаках»⁶. Не исключено, что «шеломами» русские служилые люди называли именно такие шлемы «брацких людей», как описанный нами, с высокой тульей.

Введение в научный оборот и датировка данного шлема позволяет не только составить более полное представление о комплексе вооружения населения Байкальского региона, но и дает возможность сравнить его с оружием других народов проживающих на территории Центральной Азии в эпоху позднего средневековья.

¹ Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. С. 86. Рис. 44.

² Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Боевые наголовья кочевников Монголии и Калмыкии...

³ Горелик М. В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего востока. Новосибирск, 1993. С. 163.

⁴ История Якутской АССР. Т. 1. С. 247. Рис. 74, 4.

⁵ Горбунов В. В., Исупов С. Ю. Монгольские шлемы с территории Алтая // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002.

⁶ Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Вып. 1. / Сост. Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. Улан-Удэ, 1960. С. 47, 59, 62–63.

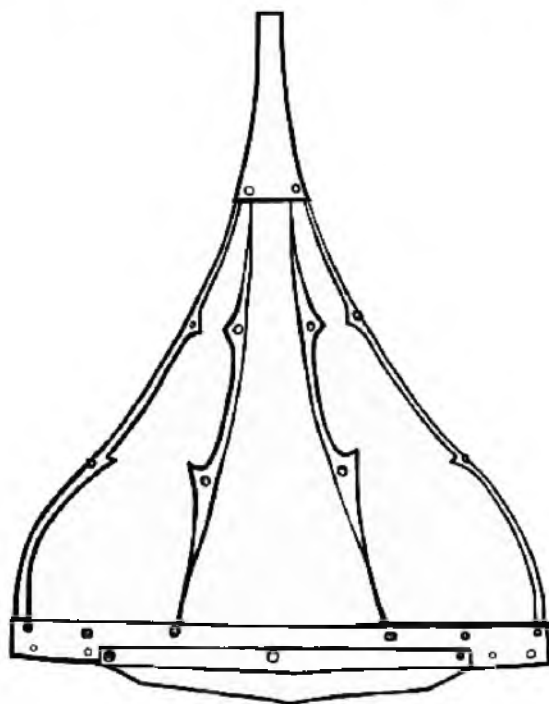
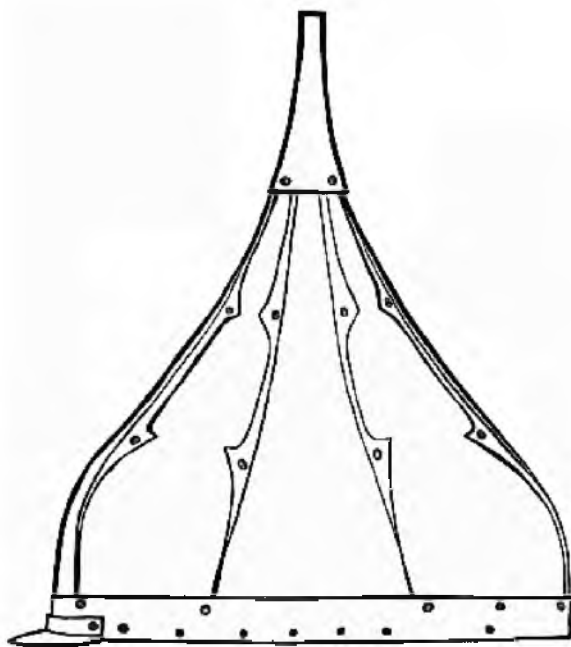

Рис. Позднесредневековый шлем кочевников Байкальского региона.

ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У РОСТОВА-НА-ДОНУ

В 2003 г. на северо-западной окраине г. Ростова-на-Дону экспедицией Донского археологического общества проводились раскопки курганного могильника «Хавалы IV». В одном из курганов (№ 2) содержалось одиночное позднекочевническое захоронение. Курган диаметром 8 м имел слабо выраженную, расплывшуюся вследствие многолетней распашки насыпь. Ее окружал округлый, слабо углубленный в материк ровик, в западной половине перекрытый дугообразным каменным кромлехом. В восточной части кургана кромлех отсутствовал. Расположенный неподалеку курган 3, не содержащий погребений, также был окружен кольцевым каменным кромлехом и, по всей видимости, составлял с курганом 2 единый комплекс.

На поверхности кургана 2 были найдены фрагменты как минимум 3 амфор. Фрагменты двух из них с примесью мелких частиц слюды принадлежат грушевидным амфорам производства г. Трапезунд. Остальные фрагменты с примесью мелких белых известковых частиц (стенки) и навоза (ручки) относятся к веретенообразным амфорам (Рис. 1: 3, 8–9) производства г. Триллия на южном берегу Мраморного моря¹.

Погребение было совершено в центре кургана в яме с подбоем, перекрытой каменной вымосткой. Могильная яма подпрямоугольная со скругленными углами, ориентирована по линии запад–восток. В северной части ямы устроена ступенька, в южной – подбой. Погребение было частично ограблено.

На ступеньке в неповрежденном состоянии находилось чучело (череп, кости четырех ног и хвостовые позвонки) среднерослой лошади, вероятно кобылы, 3–4 лет, мордой на восток². Передние ноги согнуты, задние – вытянуты. Чучело сопровождалось элементами конской упряжи:

1. Во рту найдены фрагментированные железные, вероятно, двухсоставные удила с подвижными, чуть расплюснутыми кольцами диаметром 5,5 см. Стержень удила слегка утолщается к загнутому концу (Рис. 1: 7).

2. Среди костей передних ног – костяные «пуговицы»-ворварки. Одна крупная, подовальная в сечении (Рис. 1: 15), другая мелкая, уплощенно-коническая (Рис. 1: 14).

3. Также среди костей передних ног находилась железная округло-рамчатая подпружная пряжка с уплощенным подпрямоугольным язычком (Рис. 1: 5). Фрагмент рамки еще одной аналогичной пряжки был найден в заполнении.

¹ Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашуга Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. Сб. 7. Свердловск, 1971. С. 153.

² Остеологические и антропологические определения выполнены научным сотрудником археологической лаборатории Ростовского государственного университета Е. Ф. Батиевой.

4. Между костями передних и задних ног на дне ступеньки найдено железное стремя с треугольной вершиной дужки и двумя боковыми выступами-кулачками в месте перехода к прогнутой широкой овальной подножке (Рис. 1.4).

Камера подбоя больше всего пострадала от грабителей. На дне были найдены отдельные разрозненные кости мужчины 30–40 лет с травмой черепа и периоститом правых большеберцовой и лучевой костей. В камере были сделаны следующие находки:

1. В юго-восточном углу *in situ* стоял закопченный бронзовый котел устьем вверх. Он изготовлен из двух тонких бронзовых пластин, из которых одна, прямоугольная, была согнута в цилиндр и составляла тулово сосуда, а другая – округлая, слегка выгнутая, являлась днищем. Края пластин вырезаны в виде квадратных выступов-шипов, с помощью которых и осуществлялось соединение пластин (горизонтальный зубчатый шов по периметру днища и вертикальный по тулову). Устье сосуда было оковано довольно широкой и толстой железной пластиной, в одном месте которой прослежено овальное железное основание несохранившихся ушек котла. Дугообразная ручка также изготовлена из железа. Концы ручки загнуты в округлые кольца (Рис. 1: 2).

2. В западной части камеры, рядом с черепом погребенного, найден фрагментированный сфероконический железный шлем. Основная часть шлема свернута из целой железной пластины, края которой в месте соединения чуть расплюсчены, заведены друг за друга и заварены. Навершие шлема коническое, изготовлено из цельной железной пластины, наваренной внахлест на основную часть шлема. Нижняя часть навершия выполнена в виде четырех симметричных овальных выступов-лепестков. Шлем венчает округлое шарообразное утолщение-яблоко, переходящее в зауженную верхушку-шпиль с вертикальным сквозным отверстием для крепления султана или флажка-яловца. У нижнего края шлема прослежены остатки двух железных заклепок и небольшое округлое сквозное отверстие, возможно, для крепления бармицы (Рис. 1: 1; 2).

3. В западном углу на дне камеры, а также в ее заполнении, найдены разрозненные части железной кольчуги. Система плетения традиционная – один к четырем, когда на каждое кольцо надето по два кольца верхнего и два кольца нижнего ряда. Кольчужные кольца диаметром 9 мм изготовлены из округлой в сечении проволоки толщиной 1,5–2 мм. Способ скрепления краев колец не прослеживается.

4. В центральной части камеры на дне лежала округлая костяная «пуговица»-ворварка, в сечении усеченно-коническая. Сбоку по окружности изделие орнаментировано узкими короткими насечками, инкрустированными серебром (Рис. 1: 16).

5. Под задней стенкой в восточной части камеры найдены две плечевые накладки лука из кости со слегка расширяющимися концами. Внутренняя сторона покрыта неглубокими узкими продольными бороздками (Рис. 1: 12–13).

6. В западной части камеры найдены фрагменты двух срединных боковых накладок лука из кости со слегка сужающимися закругленными концами. Края накладок покрыты узкими наклонными насечками. Внутренняя сторона неровная, с частыми глубокими продольными бороздками (Рис. 1.10–11).

7. Также в западной части камеры лежала одна срединная нижняя накладка лука из кости. По внешней и боковой стороне на расширяющемся конце накладки – неглубокие узкие поперечные дугообразные бороздки. Внутренняя сторона ровная, гладкая, с частыми неглубокими продольными бороздками (Рис. 1: 17).

8. В центре на дне камеры найден фрагмент железной колчанной петли с остатками железной заклепки (Рис. 1: 6).

9. В центре на дне камеры лежало 3 фрагмента узких костяных декоративных накладок на колчан, украшенных циркульным орнаментом, попарно соединенным наклонными бороздками (Рис. 1: 18).

10. У середины задней стенки камеры найдена трапециевидная костяная накладка на колчан с округлым сквозным отверстием вверху. Изделие украшено тремя рядами соединенного бороздками циркульного орнамента (Рис. 1: 19).

Кроме того, в комплекс погребального инвентаря, вероятно, входила и железная сабля, от которой в заполнении могильной ямы был найден небольшой маловыразительный фрагмент железа высокого качества.

Определение ориентировки погребного из-за сильной разрушенности костяка вызывает некоторую сложность. Однако ряд косвенных признаков позволяет полагать, что он был положен головой на запад. Во-первых, череп человека с фрагментами шлема находился в западной части могильной ямы. Во-вторых, в большинстве позднекочевнических захоронений кости коня укладывались слева от погребенного¹. Таким образом, если чучело коня находится в северной части могильной ямы, то погребенный должен быть ориентирован головой на запад. И, наконец, в-третьих, – во всех известных нам позднекочевнических захоронениях бронзовый котел располагался в ногах погребенного². В нашем случае котел был найден стоящим *in situ* в юго-восточном углу могильной ямы, что указывает на западную ориентировку погребенного.

Если предложенная нами ориентировка погребенного не бесспорна, то четко зафиксированная восточная ориентировка чучела коня является довольно редкой для позднекочевнических погребений Нижнего Дона. Здесь нам известно одно аналогичное подбойное погребение с восточной ориентировкой чучела коня и западной ориентировкой человека из курганного могильника «Целинский II» (курган 1, погребение 2, раскопки В. В. Потапова 1999 г.) со сходным инвентарем (костяные обкладки лука и колчана, «пуговица»-ворварка, подпружная пряжка). По строению чучела наше погребение относится к III типу по классификации А. Г. Атавина³, который появление подобных погребений с отчленением костей конечности коня по колено и выше связывает с приходом половцев⁴. В целом погребальный обряд носит смешанный характер, в нем проявляются черты как половецкой (каменные конструкции в насыпи кургана, восточная ориентировка лошади), так и печенежской (чучело коня, а не весь костяк, предположительно западная ориентировка погребенного) традиции.

Перейдем к анализу инвентаря. Прежде всего вызывает интерес довольно редкая для Нижнего Дона находка железного шлема. Он относится к типу I позднекочевнической классификации⁵ или к типу II Б древнерусской классификации⁶.

¹ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966. С. 128.

² Евглевский А. В. Погребения золотоордынского времени из раскопок новостроечной экспедиции Донецкого университета // Донецкий археологический сборник. Вып. 1. Донецк, 1992. С. 93. С. 109–110; 9. С. 106; 12. С. 204; 13. С. 117, 122; 27.

³ Атавин А. Г. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. 1984. № 1. С. 134–135.

⁴ Там же. С. 139.

⁵ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы... С. 32–33.

⁶ Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 315.

Большинство подобных шлемов происходит из черноклобуцких погребений Порося¹ и датируется XII–XIII в.²

Бронзовый котел относится к очень редкому III типу по типологии М. Л. Швецова³. Погребения с различными котлами датируются XII – первой половиной XIII в.⁴ или концом XII–XIII в.⁵

Стремена с заостренной дужкой и выступами-кулачками относятся к типу Г IV позднекочевнической классификации⁶ или к типу IX древнерусской классификации⁷. Датируются они XII–XIII вв.⁸, при этом отмечается, что выступы-кулачки входят в употребление в XII – первой половине XIII в.⁹, а к концу XII в. заостренная дужка стремян становится ровной, дуговидной¹⁰. Подобные стремяна широко представлены как в кочевнических¹¹, так и в древнерусских древностях¹².

Удила относятся к типу Г III позднекочевнической классификации¹³ и имеют аналогии в памятниках конца XII – начала XIII в.¹⁴. Известная закономерность в развитии удил заключается в увеличении со временем диаметра подвижных колец от 4 (XI–XII вв.) до 7 см (XII–XIII вв.)¹⁵. Исходя из этого наш экземпляр с диаметром колец 5,5 см следует отнести примерно ко второй половине XII в.

Костяной инвентарь имеет довольно широкие и многочисленные аналогии в позднекочевнических захоронениях XII–XIII вв.¹⁶. В этой связи следует указать лишь наиболее близкие комплексы Нижнего Дона – «пуговица» с инкрустированными серебром насечками была найдена вместе с клепаным бронзовым котлом в погребении 17 кургана 2/3 могильника «Крутенький I»¹⁷. В этом же могильнике в погребении 1 кургана 4 содержалась инкрустированная серебром «пуговица» с насечками и циркульным орнаментом вместе с узкими и широкой трапециевидной орнаментированными колчанными накладками¹⁸. Накладки очень близки нашим, различие заключается в отсутствии наклонных бороздок, соединяющих циркульный орнамент. Еще одна «пуговица» с насечками была найдена вместе с неорна-

¹ Кирпичников А. Н. Русские шлемы X–XIII вв. // СА. 1958. С. 59–61; Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение. С. 315.

² Там же.

³ Швецов М. Л. Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. 1980. С. 197.

⁴ Там же. С. 200.

⁵ Плетнева С. А. Кочевники восточноевропейских степей в X–XIII вв. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 216.

⁶ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы... С. 13.

⁷ Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение. С. 315.

⁸ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы... С. 15.

⁹ Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение. С. 318.

¹⁰ Плетнева С. А. Кочевники восточноевропейских степей в X–XIII вв. С. 215.

¹¹ Глебов В. П., Яценко В. В. Позднекочевническое погребение на севере Ростовской области // Донская археология, 1998. Рис. 4.1–2; 14. Рис. 2.1; 15. Таб. XXIII.10; 18. Рис. 45.3; 20. Рис. 10.4; 30. Рис. 2.13 и др.

¹² Никольская Т. Н. Городище Слободка XII–XIII вв. М., 1987. Рис. 69.9, 11; 25. Рис. 31.3 и др.

¹³ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы... С. 18.

¹⁴ Там же. С. 106.

¹⁵ Плетнева С. А. Кочевники восточноевропейских степей в X–XIII вв. С. 215.

¹⁶ Ларенок В. А., Ларенок П. А. Курганы у с. Рясное. Ростов н/Д, 1993. Таб. XXIII.6; Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие // САИ, Вып. Е1–36, М., 1966. Таб. 3.11; Санжаров С. Н., Литвиненко Р. А., Евлевский А. В., Прокопенко Е. А. Исследование кургана 8 у с. Октябрьское // Древности Северского Донца. Вып. 2. Луганск, 1992. Рис. 24.1; Швецов М. Л. Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. 1980. Рис. 1.12.

¹⁷ Парусимов И. Н. Раскопки курганного могильника Крутенький I // Аксайские древности. Ростов н/Д, 2002. Рис. 8.5–6.

¹⁸ Там же. Рис. 11.3, 12.1–2.

ментированной трапециевидной колчанной накладкой с пятью сквозными отверстиями в погребении 1 кургана 4 могильника «Дружба»¹.

Решающее значение при определении датировки комплекса из курганного могильника «Хавалы IV» имеют находки триллийских веретенообразных амфор из тризны на поверхности кургана. Эти амфоры широко представлены в материалах средневекового Херсонеса², где они составляют тип XXII³ или класс 48⁴ различных классификаций. Здесь они встречаются в комплексах XII–XIV⁵ или XII – конца XIII в.⁶. На Нижнем Дону такие амфоры найдены в слоях древнерусских поселений дельты (Казачий Ерик)⁷ и северного побережья Таганрогского залива (Самбек, Куричи)⁸, откуда они, вероятно, и поступали в степь. В эволюционном ряду развития амфор триллийской группы наши фрагменты относятся к типу, время бытования которого определяется рамками XII–XIII вв.⁹. Период их наибольшего распространения приходится на XII в.¹⁰, а в 1204–1261 гг. их поступление в Причерноморье почти прекращается¹¹.

Таким образом, общий комплекс инвентаря из курганного могильника «Хавалы IV» укладывается в рамки второй половины XII – первой половины XIII в. Однако, с учетом амфорного материала, кажется обоснованным сузить датировку погребения до рубежа XII–XIII вв.

¹ Парусимов И. Н. Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 3. Новочеркасск, 1998. Рис. 46. 1–2.

² Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. // МИА. № 17, М.–Л., 1950. С. 104–106; Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 111.

³ Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса. С. 93.

⁴ Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова А. В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. С. 78–80.

⁵ Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса. С. 93.

⁶ Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова А. В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. С. 78–80.

⁷ Волков И. В. Исследования Южнороссийской комплексной экспедиции в Приазовье в 1995–1997 гг. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып. 15. Азов, 1998. С. 50; Гадло А. В. Поселение XI–XII вв. в дельте Дона // КСИА. Вып. 99. 1964. С. 41.

⁸ Прокофьев Р. В. Древнерусские поселения Северо-Восточного Приазовья // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Ростов н/Д., 1998. С. 135.

⁹ Он же. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Вып. 1. Азов, 1992. Рис. 5.5.

¹⁰ Он же. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов н/Д., 1989. С. 97.

¹¹ Он же. Исследования Южнороссийской комплексной экспедиции в Приазовье... С. 49.

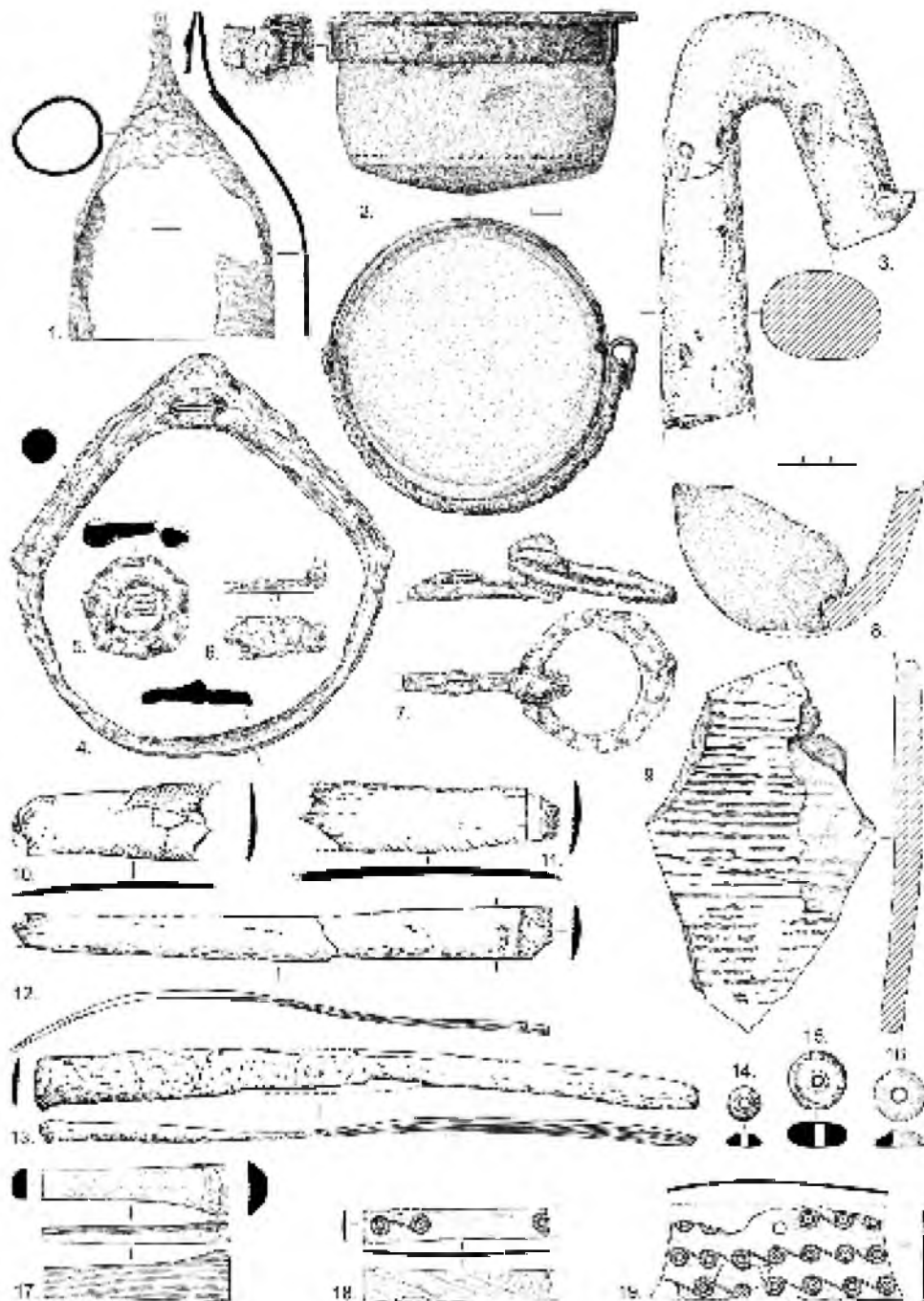

Рис. 1. К/м «Хавалы IV», курган 2, погребение 1.

1. Инвентарь: 1 – шлем, 2 – котел, 3, 8, 9 – фрагменты амфоры, 4 – стремя, 5 – подпружная пряжка, 6 – колчанная петля, 7 – удила, 10–13, 17 – накладки лука, 14–16 – «пуговицы», 18–19 – колчанные накладки; 1, 4–7 – железо, 2 – бронза-железо, 3, 8, 9 – керамика, 10–15, 17–19 – кость, 16 – кость с инструкцией серебром.

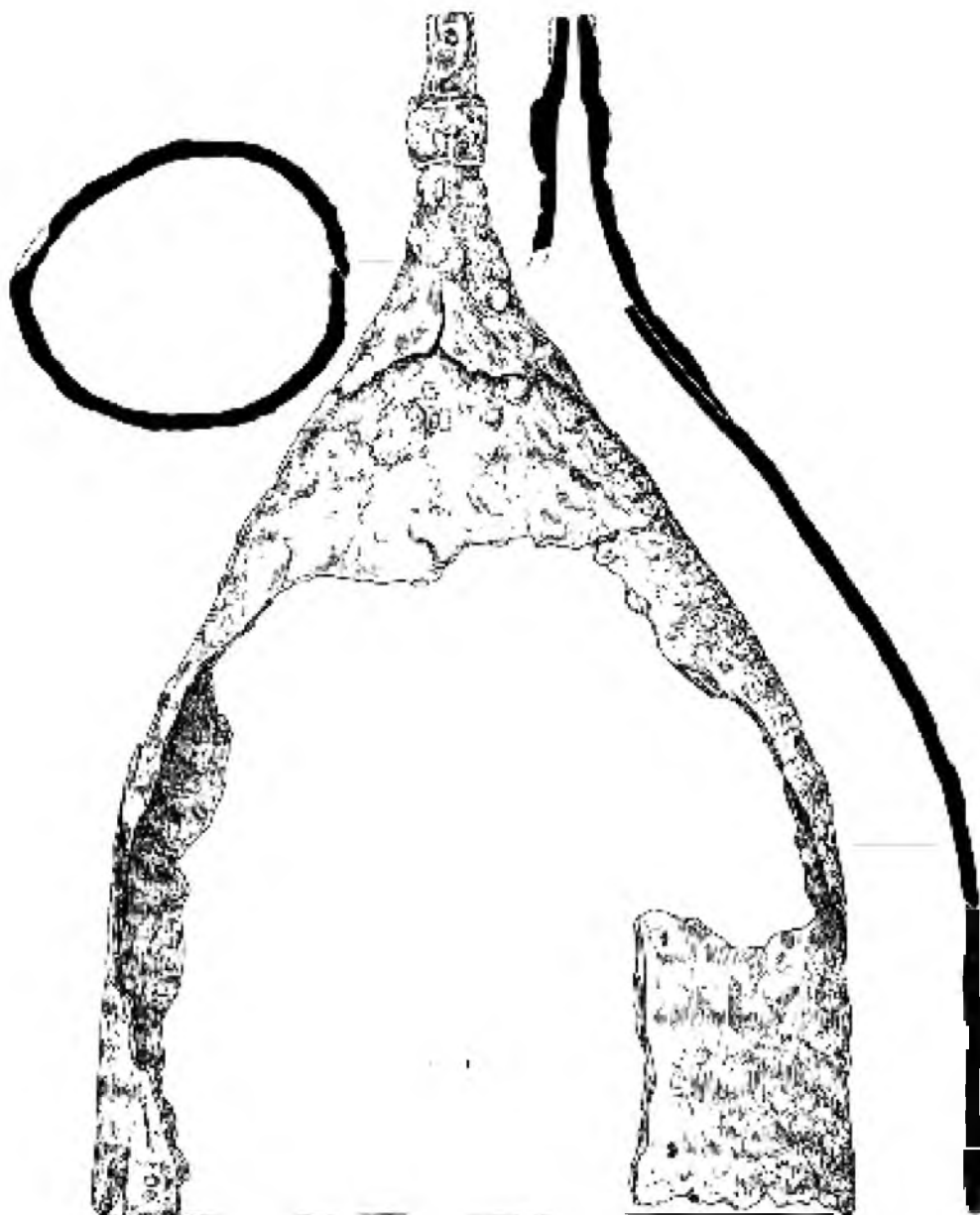

Рис. 2. К/м «Хавалы IV», курган 2, погребение 1.
1. Железный шлем.

ШЛЕМ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В археологической коллекции Днепропетровского исторического музея находится средневековый железный шлем, который во время создания новой музейной экспозиции в 1975 г. был помещен в раздел древнерусского вооружения, где экспонируется и поныне.

К сожалению, о нем отсутствует какая-либо информация: ни о месте находки, ни о времени и способе приобретения в коллекцию музея ничего не известно. Кроме того, до настоящего времени шлем остается вне поля зрения специалистов, так как никогда не публиковался.

Шлем имеет сфероконическую форму, отличающуюся некоторым своеобразием: в нижней части тульи, на высоте 1,8 см от верхнего края обруча, проходит опоясывающая рельефно выступающая линия. Общая высота корпуса 2,5 см, диаметр 22,5×19 см.

Откован шлем из двух частей, собранных встык и соединенных с каждой стороны накладной полосой (шириной 1,5 см), имеющей шесть направленных вниз отростков, расположенных попарно, по три с каждой стороны. Каждая накладка соединена с тульей круглыми в плане выпуклыми заклепками: четырьмя в месте верхней пары отростков, двумя в местах второй и третьей пары и двумя внизу тульи. Кроме того, заклепкой скреплен и край каждого из отростков.

Низ шлема стягивает узкий обруч, изготовленный из одной полосы, в которой пробиты квадратные отверстия, затем полоса сложена вдвое и между ее плоскостями помещен нижний край тульи. В итоге обруч в готовом виде имеет зубчатый нижний край, использовавшийся для крепления бармицы (остатки проволоки видны в некоторых петлях обруча с тыльной стороны шлема). На затылочной части, над верхним краем обруча видны небольшие сквозные отверстия, расположенные на расстоянии 8 см друг от друга, вероятно, служившие для крепления подкладки. Обруч охватывает весь низ тульи шлема, кроме налобной части.

Венчает шлем навершие – втулка для султана высотой 5 см. По основанию втулки также имеются небольшие сквозные отверстия (всего семь), вероятно, служащие для соединения ее с корпусом.

Лобная часть шлема оформлена железной накладной начельной пластиной подтреугольной в плане формы в виде рельефной прорезной сильно схематизированной полумаски, где читаются выпуклые глаза, прорезаны дуги бровей. Пластина также крепится к шлему заклепками. Внизу пластины, по центру, сохранилась небольшая выступающая петелька. Описывая один из шлемов (экземпляр, обнаруженный у д. Немия бывш. Могилевского уезда Подольской губернии), А. Н. Кирпичников определяет такую петельку как свидетельство прикрепления

кольчужной сетки прямо под глазами¹. Возможно, в нашем шлеме эта деталь выполняла ту же функцию.

Наносник у экземпляра из коллекции музея отсутствовал. Весьма сложным является вопрос датировки памятника. Во-первых, как уже отмечалось, ничего не известно о месте и способе его находки эта информация безусловно, помогла бы решить проблему. Кроме того, само изделие лишено определенной совокупности четко датирующих особенностей. Прямых аналогов памятнику нами не обнаружено. Если рассматривать шлем с точки зрения классификации А. Н. Кирпичникова, то приходится отметить, что он не подпадает четко ни под одну из предложенных категорий. Наиболее близок он типам II и II А схемы: с изделиями этой группы описываемый шлем роднят форма тульи, наличие втулки и стягивающего обруча, отсутствие наносника. Однако наш шлем имеет скромное убранство; типичные медно-бронзовая обтяжка, серебрение и позолота деталей в описываемом экземпляре не прослежены. Кроме того, изделия указанных типов датируются исследователем достаточно широко – X–XIII вв.²

Можно отметить, что набивная начальная пластина днепровского шлема отдаленно роднит его со шлемом из д. Немия. Однако это единственная особенность (и еще, возможно, оформление лицевой защиты), объединяющая оба экземпляра. Учитывая же существование шлемов различной формы, можно предположить, что описываемый памятник определенно принадлежит группе боевых наголовий домонгольского периода, возможно, одновременен шлему из Немии (XI в.), или является более поздним, но хронологически близким.

¹ Кирпичников А. Н. Шлем ХIв. Из Юго-Западной Руси. // СА. 1962. № 2, С. 231.

² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // САИ. Е1–36. Л., 1971. С. 25–28.

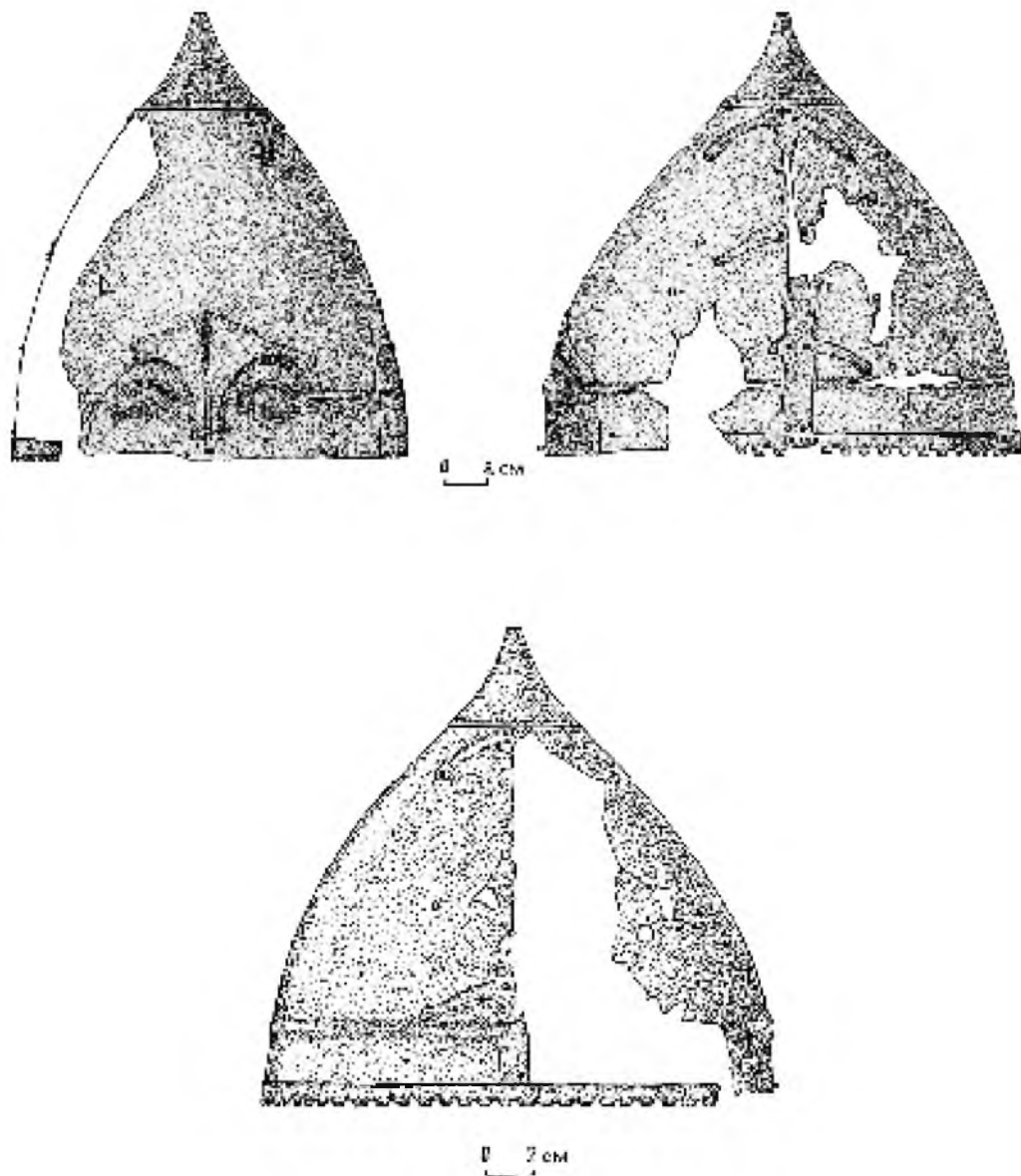

Рис. Шлем из коллекции Днепропетровского исторического музея.

С. Ю. Каинов

КАТАЛОГ МЕЧЕЙ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ, СОСТАВЛЕННЫЙ В. В. АРЕНДТОМ

В научно-ведомственном архиве Государственного Исторического музея (старый номер хранения 40, 1956 год) хранится рукописный каталог мечей из собрания ГИМа, составленный в 1931 году известным отечественным оружиеведом В. В. Арэндтом¹ (далее – Каталог). Каталог представляет собой десять листов с наклеенными по две картонками с рисунками мечей в масштабе 1 к 2, листа с картой находок мечей и листа с кратким текстом (Рис. 1–6). Текст содержит информацию о датировке, инвентарном номере хранения (указано не для всех мечей), месте находок и авторе раскопок (указано не для всех мечей). Мечи сгруппированы по хронологическому принципу – IX век, X век, 2-я половина X века, конец X века, начало X века. Хронология мечей предложена на основании датировок Я. Петерсена.

Информация, содержащаяся в Каталоге, была использована В. В. Арэндтом при написании статьи, вышедшей в Германии в 1933 году и малоизвестной отечественным исследователям². «Каталогом» В. В. Арэнды пользовался А. Н. Кирпичниковым при составлении своего Каталога древнерусских раннесредневековых мечей³. Е. Н. Носов опубликовал рисунок меча (№ 18а), происходящего по мнению А. Н. Кирпичникова, с Рюрикова городища под Новгородом⁴.

В настоящей статье Каталог В. В. Арэнды публикуется полностью и сопровождается примечаниями, уточняющими данные по происхождению, типологическому определению и датировке.

Текст Каталога приводится с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

Легенда

к графическому каталогу варяжских мечей из собрания феодального отдела ГИМ

IX век

1. Инв. № 41007. Из Ярославск. губ. и уезда, села Михайловского. Раскоп. В. А. Городцова.
2. Чернигов. Курган Гульбище. Раскоп. Д. Я. Самоквасова.

¹ Благодарю В. В. Мурашёву за помощь в ознакомлении с Каталогом.

² *Arendt W. Das Schwert der Waringerzeit in Russland // Mannus. Bd. 25. Heft 2. Leipzig. 1933.*

³ *Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. САИ. Е1-36, М.–Л., 1966. С. 74–84.*

⁴ *Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л. 1990. С. 155. Рис. 61.*

3. Смоленск, Гнездовский могильник. Раскоп. В. И. Сизова.
4. Инв. № 34707. Казанск. губ. Чистоп. уезда. Найден при распашке у деревни ст. и нов. Алметьево. Поступил от В. И. Сизова.
5. Новгородск. губ.
6. Инв. № 50992. т. VII. Местонахожд. неизвестно. Дар гр. П. С. Уваровой.
- 7–8. Смоленск. Гнездовский могильник. Раскоп Сергеева в 1898 г. (№ 195. охр. 98)
9. Инв. 44037. Казанск. губ. Болгарск. городище. Покупка.
10. Инв. 34707. Казанск. губ. Чистоп. уезда. Найден при распашке поля между ст. и нов. Алметьевым.

Х в.

11–12. Чернигов. Курган Черная могила. Раскоп. Д. Я. Самоквасова.

13. –

14. Новгородск. губ. дер. Вахрушево. Курган 116. раскоп. Бранденбурга.

2-ая пол Х в.

15. Новгород. Найден при срытии дома «Марфы Посадницы». Из собр. гр. Уварова.

К. Х в.

16. Из коллекции Д. Я. Самоквасова.

17. Новгор.

18. Ярославск. губ. и уезда. Село Михайловское. Находка Тихомирова.

Н. XI в.

18а. Новгор.

Составлено применительно к классификации J. Petersen.

В. В. Арендт

25. III. 1931 г.

Примечания

1. Меч найден В. А. Городцовым в 1902 году при раскопках кургана № 1 Михайловского могильника. Меч относится к типу D по типологии Я. Петерсена (далее Я. П.)¹. Наиболее обоснованная датировка комплекса кургана № 1 предложена В. В. Мурашевой – первая половина X века². Хранение – опись 1641/59.

2. Меч происходит из черниговского кургана «Гульбище», раскопанного в 1872 году Д. Я. Самоквасовым. Относится к типу E (по Я. П.), варианту E–2³. Наиболее вероятная датировка кургана Гульбище – середина – вторая половина X века. Хранение – опись 6/1.

3. Меч найден в 1874 году М. Ф. Кусцинским при раскопках кургана № 15 Гнездовского могильника. Относится к типу E (по Я. П.), варианту E–1⁴. Наиболее вероятная датировка комплекса – вторая четверть X века⁵. Хранение – опись 1071/69.

4. И. Л. Измайлов предполагает, что меч происходит с городища Биляр, а весь Староальметьевский «клад», якобы найденный при распашке у сел Старое и Новое Альметьево, «является коллекцией, собранной на Билярском городище скупщика»

¹ Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. 2005. С. 106–111.

² Мурашева В. В. Курган 1 из Михайловского (Опыт атрибуции и датировки) // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 111. 1999. М. С. 30–32.

³ Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. С. 111–117; Каинов С. Ю. Еще раз о датировке гнездовского кургана с мечем из раскопок М. Ф. Кусцинского (К вопросу о нижней дате Гнездовского могильника) // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124, М., 2001. С. 55–58.

⁴ Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. С. 111–117; Каинов С. Ю. Еще раз о датировке гнездовского кургана... С. 55–58.

⁵ Там же. С. 60.

ми древностей из села Старое Альметьево». Скупщики продавали вещи коллекционерам и краеведам, часть вещей стала основой болгарских коллекций ГИМа и Эрмитажа¹. Меч относится к типу Е (по Я. П.), вариант Е-1². В Скандинавии и Финляндии мечи типа Е за редким исключением датируются IX веком. На территории Древней Руси все датируемые мечи этого типа найдены в комплексах, относящихся к X веку³. Хранение – опись 920/130.

5. Как место находки меча В. В. Арендт указал Новгородскую губернию. Если предполагать, что меч найден в погребении, то наиболее вероятное место находки меча – курганы Юго-Восточного Приладожья. В коллекции Государственного Исторического Музея на настоящий момент меч не выявлен. Относится к типу Е (по Я. П.), вариант Е-1⁴.

6. В Каталоге меч изображен с перекрестием и основанием наверху. В настоящее время основание наверху отсутствует. Место находки меча неизвестно. В сопровождающей меч этикетке указано, что он поступил в 1917 году в качестве дара от графини П. С. Уваровой. Меч относится к типу Н (по Я. П.). Мечи этого типа Я. Петерсен датировал концом VIII – серединой X вв⁵. Среди древнерусских мечей этого типа, экземпляров, найденных в комплексах, относящихся ко времени ранее X века, по нашим данным нет⁶. Хранение – опись 2380/2.

7. Меч найден в октябре 1898 года в разрушенном при строительных работах погребении, совершенном по обряду ингумации в камере, располагавшемся в центральной курганной группе Гнездовского могильника. Вместе с мечом были найдены умбон, наконечник копья и обрывки кожаного сбруйного ремня с бронзовыми бляшками, инкрустированными серебряными звездами⁷. Меч относится к типу Н (по Я. П.)⁸. Погребение относится ко времени не ранее второй половины X века. Хранение – опись 1537/1535.

8. Меч найден 14 июля 1899 года в разрушенном при строительных работах погребении, совершенном по обряду ингумации в камере, в центральной курганной группе Гнездовского могильника. Захоронение содержало многочисленный инвентарь парного погребения, сопровождавшегося погребением коня⁹. Меч относится к типу V (по Я. П.)¹⁰. Погребение датируется временем не ранее второй половины X века. Хранение – опись 1537/482-483.

¹ Измайлов И. Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Казань-Магадан, 1997. С. 34.

² Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. С. 111–117; Каинов С. Ю. Еще раз о датировке гнездовского кургана... С. 55–58.

³ Там же.

⁴ Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. С. 111–117; Каинов С. Ю. Еще раз о датировке гнездовского кургана... С. 55–58.

⁵ Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. С. 125–135.

⁶ А. Н. Кирпичников не исключал датировку концом IX века двух мечей типа Н из Новоселок (Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. С. 76–77). Но находки вместе с мечами типа Н гребней группы II (по О. И. Давидан) не позволяют датировать погребения ранее второй четверти X века. В. С. Нефедов предлагает датировать новоселковский могильник первой половиной – серединой X в, «скорее всего не ранее 2-й четверти этого столетия» (Нефедов В. С. Новоселки и Гнездово // XIV конференция по изучению скандинавский стран и Финляндии. Тезисы докладов. М. – Архангельск, 2001. С. 156).

⁷ Жарнов Ю. Э. Гнездовские курганы с остатками трупоположения // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 93.

⁸ Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. С. 125–135.

⁹ Жарнов Ю. Э. Гнездовские курганы... С. 93, 103.

¹⁰ Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. С. 183–184.

9. Меч происходит с Болгарского городища, возникновение которого относится к первой половине X века¹. Меч относится к типу Н (по Я. П.)². Хранение – опись 39/1.

10. И. Л. Измайлов предполагает, что этот меч происходит с Билярского городища (См. примечание к мечу № 4)³. Меч относится к типу I (по Я. П.), который Я. Петерсен датировал второй половиной IX – серединой X века⁴. Хранение – опись 920/131.

11. Меч найден в 1872–73 гг. Д. Я. Самоквасовым при раскопках черниговского кургана «Черная могила». Меч относится к типу Т–2 (по Я. П.), который Я. Петерсен относит ко второй половине X – началу XI вв⁵. Хранение – опись 1539/3.

12. Меч найден в 1872–73 гг. Д. Я. Самоквасовым при раскопках черниговского кургана «Черная могила». Меч относится к типу Z-особый⁶. Тип выделен А. Н. Кирпичниковым, который датировал его второй половиной X века⁷. Хранение – опись 1539/2.

13. Никакой информации об этом мече в «Каталоге» не содержится. В этикетке, сопровождающей меч, указано, что место находки неизвестно. Но В. И. Сизов в своем труде сообщал, что меч был передан в дар Историческому музею владельцем Гнездова П. В. Филимоновым По его словам, «мечь этотъ былъ найденъ рабочими при срытїи кургана въ полъ послѣднего вонзеннымъ въ землю»⁸. Меч относится к типу Т–2 (по Я. П.)⁹. Хранение – опись 2380/1.

14. Меч найден в кургане СХVI (комплекс 1) близ д. Вахрушево при раскопках Н. Е. Бранденбургом курганов Юго-Восточного Приладожья в 1878–1886 гг¹⁰. Меч относится к типу V (по Я. П.)¹¹. О. И. Богуславский датирует комплекс, из которого происходит меч, 920–950 гг.¹² Хранение – опись 1371/1.

15. Рукоять меча без клинка найдена в Новгороде, как указывается в каталоге графа А. С. Уварова, «при срытїи дома «Марфы Посадницы»¹³. Меч довольно сложно атрибутировать какому-либо типу в типологии Я. Петерсена. По всей видимости, следует согласиться с мнением А. Н. Кирпичникова, отнесшего его к типу Т–1¹⁴. В то же время следует отметить, что у мечей типа Т–1 (по Я. П.) ни разу не встречены пятичастные головки навершия. Данный признак встречает-

¹ Измайлов И. Л. Вооружение и военное дело... С. 197.

² Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. С. 125–135.

³ Измайлов И. Л. Вооружение и военное дело... С. 34.

⁴ Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. С. 135–138.

⁵ Там же. С. 178–181.

⁶ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. С. 34.

⁷ Там же. С. 82–85.

⁸ Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР. СПб., 1902. № 28. С. 28.

⁹ Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. С. 125–135. А. Н. Кирпичников относит этот меч к типу V (Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. С. 80–81). По нашему мнению, морфология деталей рукояти и их орнаментация – высокая средняя часть головки навершия, сочетание треугольников и ромбов, расположенных в вертикальной и горизонтальной развертках – позволяют однозначно атрибутировать этот меч типу Т–2 (по Я. П.).

¹⁰ Кочуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989. С. 178–179.

¹¹ Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. С. 183–184.

¹² Богуславский О. И. К хронологии Юго-Восточного Приладожья IX–XII вв. // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 108–109.

¹³ Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. Отд. III–VI. М., 1907. Рис. 72.

¹⁴ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. С. 78.

ся у мечей тип S, по мнению Я. Петерсена, «родственному» типу T¹. Хранение – опись 240/1.

16. Место находки меча неизвестно. Находился в коллекции Д. Я. Самоквасова. Меч относится к типу Z (по Я. П.), который Я. Петерсен относил ко второй половине X – первой половине XI вв². Немногочисленные древнерусские мечи этого типа А. Н. Кирпичников датировал X – началом XI вв³. Хранение – опись 2385/2.

17. Меч обозначен В. В. Арендтом как найденный в Новгороде (или Новгородской губернии?). А. Н. Кирпичников, сославшись на статью В. В. Арендта 1933 года, уточнил, что он найден в окрестностях Новгорода⁴. Меч относится к типу X (по Я. П.)⁵. Норвежские мечи этого типа Я. Петерсен датировал первой половиной X – началом XI в.⁶ Древнерусские мечи типа X датируются X веком⁷. Хранение – опись 2585/1.

18. Меч найден в 1897 году в кургане 10 Михайловского могильника во время раскопок И. А. Тихомирова. Меч относится к типу X (по Я. П.)⁸. Погребение, из которого происходит меч, датируется Н. Г. Недошивиной второй половиной X – началом XI вв., И. В. Дубовым – серединой X века⁹. Хранение – опись 290/256.

18а. В. В. Арендт указывал, что меч найден в Новгороде (или Новгородской губернии?). По мнению А. Н. Кирпичникова, на рисунке изображены фрагменты меча, найденного на Рюриковом городище под Новгородом¹⁰. Впервые рукоять меча с изогнутым перекрестьем и навершием почти ромбовидной формы, найденная на Рюриковом городище, упомянута Т. Арне в его работе «Швеция и Восток». Т. Арне осмотрел рукоять во время пребывания в Пскове, где хранились часть вещей, найденных на Рюриковом городище¹¹. А. Н. Кирпичников отнес меч к типу Z-особый, датирующемуся второй половиной X века¹². В коллекциях Государственного Исторического музея фрагменты меча, изображенные в Каталоге, к настоящему времени не выявлены.

¹ Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. С. 174. Рис. 115; С. 178.

² Там же. С. 202–204.

³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. С. 82–83.

⁴ Там же.

⁵ Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. С. 186–194.

⁶ Там же. Я. Петерсен, исходя из морфологии деталей рукояти, выделяет два варианта мечей типа X – более ранний вариант с высоким и тонким навершием, высоким и слегка изогнутым перекрестием (к этому варианту относится меч из «окрестностей Новгорода») и более поздний с низким и толстым навершием, низким и широким перекрестием¹. Украинский исследователь Ф. А. Андрощук считает критерии выделения двух вариантов меча типа X формальными и не отражающими «какие, то хронологические изменения» (Андрощук Ф. А. О первой археологической находке из Шестовицы // Стародавній Історостень і слов'янські гради VIII–X ст. К., 2004. С. 5–6).

⁷ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. С. 82–83.

⁸ Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. С. 183–184.

⁹ Недошивина, 1963. С. 55; Дубов И. В. Погребения с мечами в Ярославских могильниках (к этнической и социальной оценке) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 28.

¹⁰ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. С. 83–84.

¹¹ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л. 1990. С. 155.

¹² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. С. 82–83.

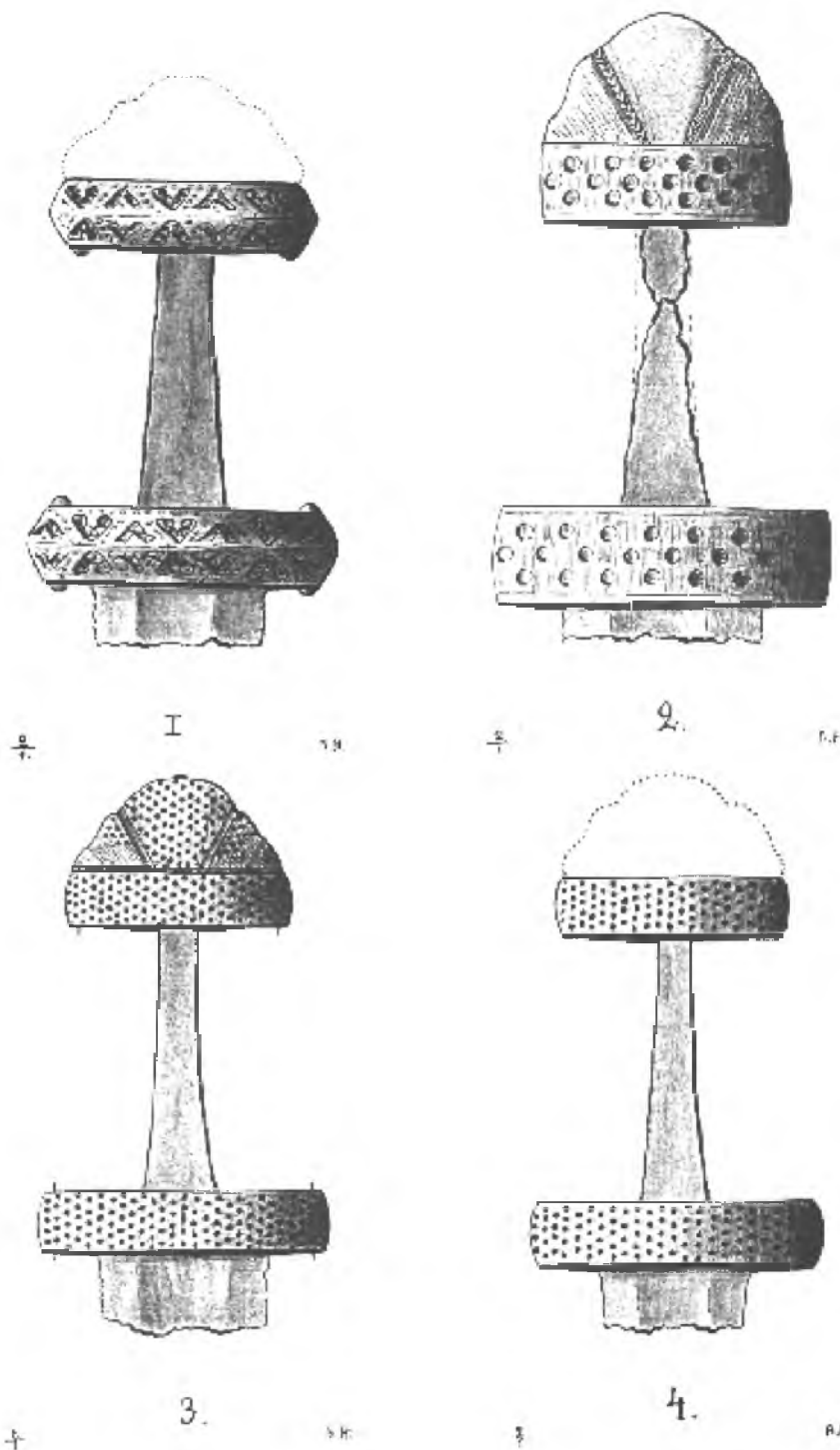
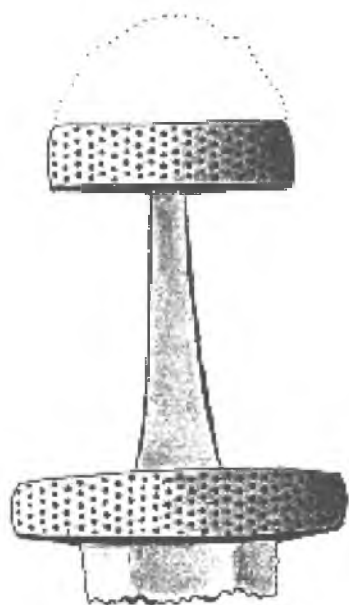

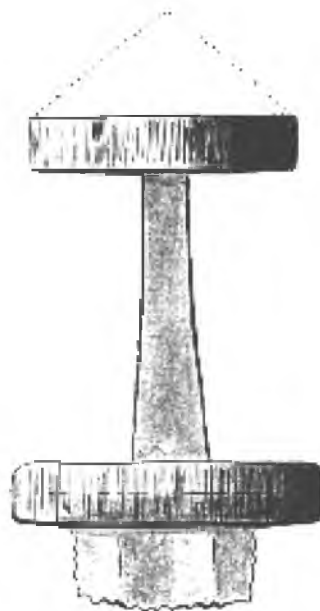
Рис.1. Каталог мечей (мечи №№ 1-4).

5.

+

в.л.

6.

+

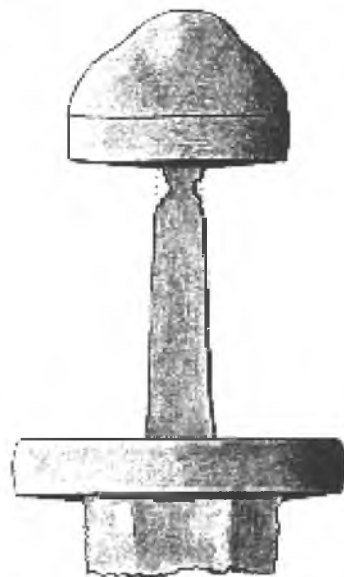
в.л.

7.

+

в.л.

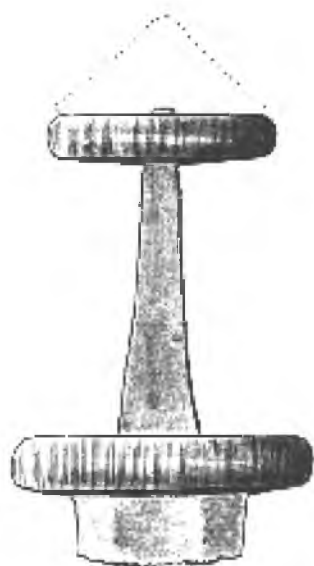

8.

+

в.л.

Рис. 2. Каталог мечей (мечи №№ 5-8).

9.

+

00

10.

+

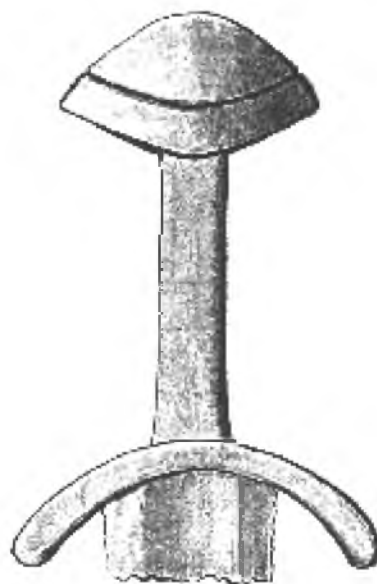
00

11.

+

00

12.

+

00

Рис. 3. Каталог мечей (мечи №№ 9-12).

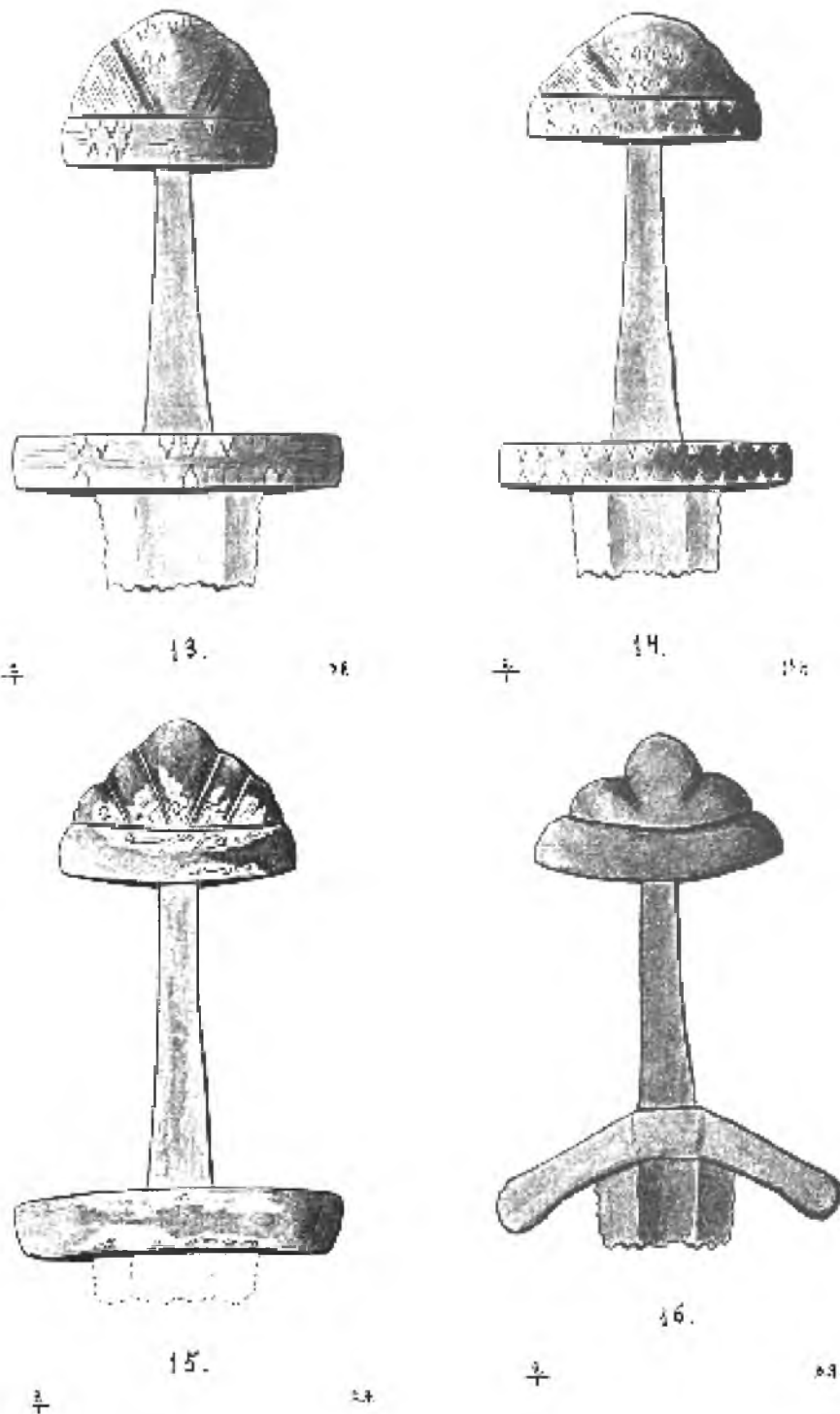

Рис. 4. Каталог мечей (мечи №№ 13-16).

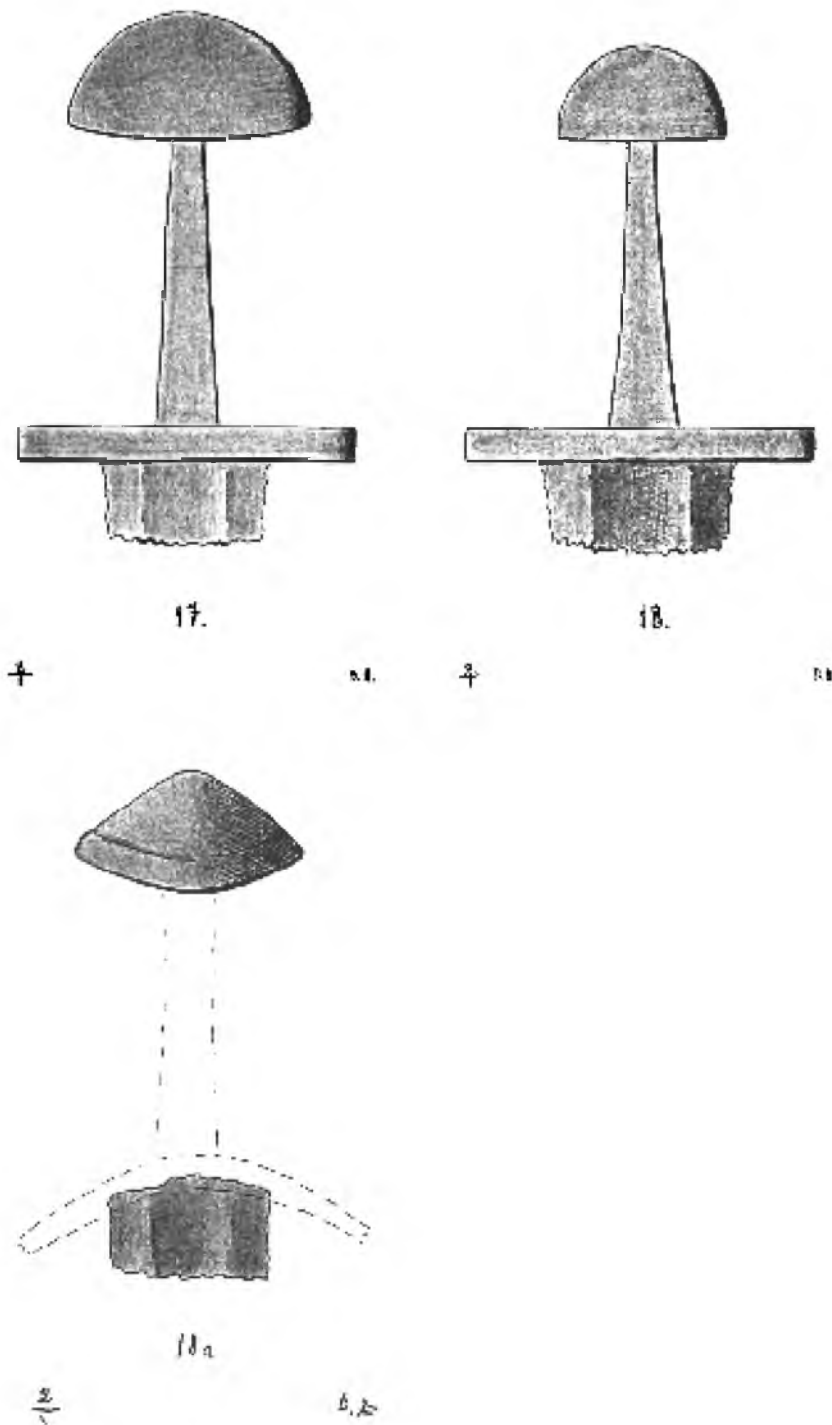

Рис. 5. Каталог мечей (мечи №№ 17-18а).

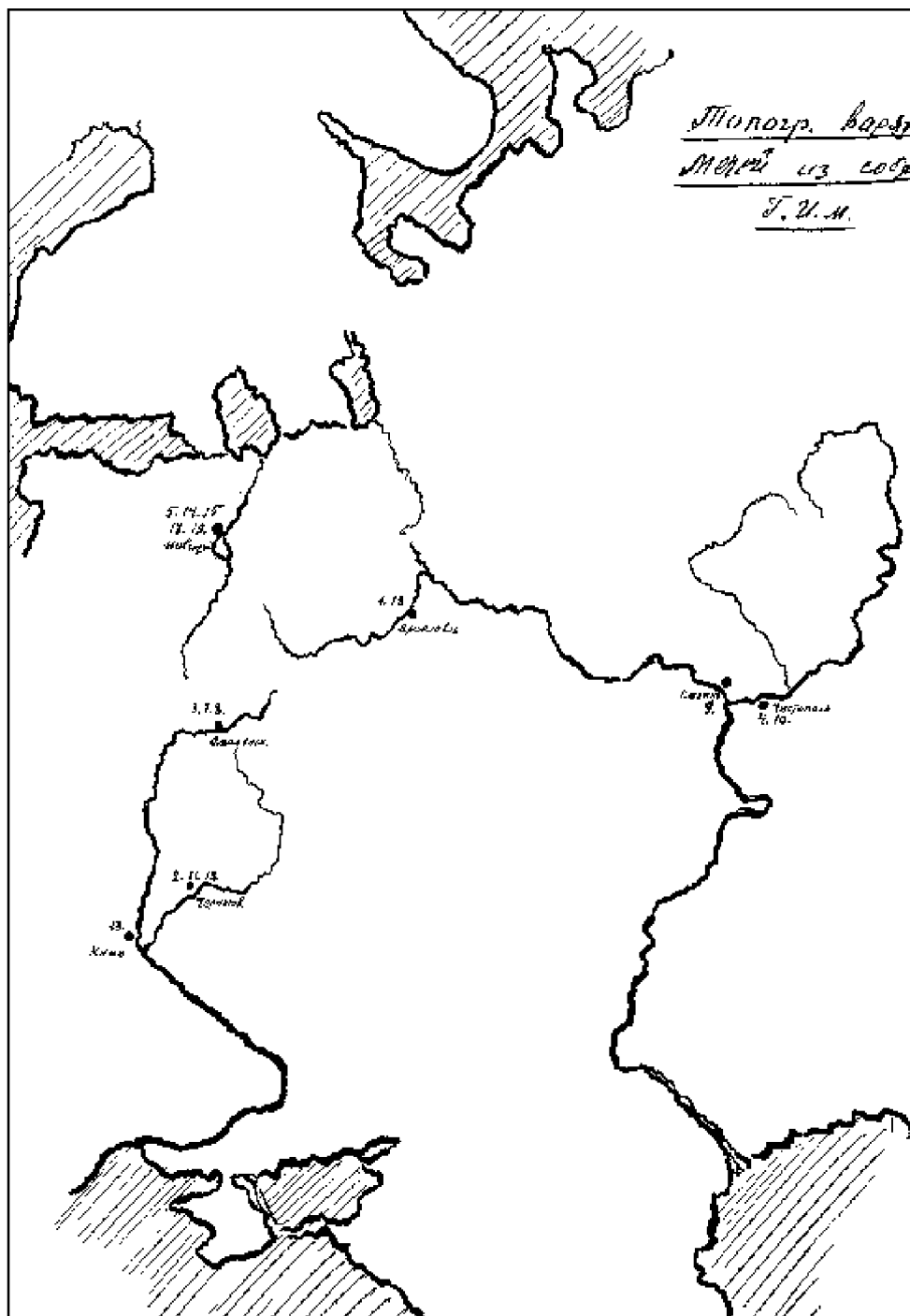

Рис. 6. Топография варяжских мечей из собрания ГИМа.

РАБОТЫ 2007 ГОДА ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОТРЯДА ВЕРХНЕ-ДОНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГИМ НА МЕСТЕ ДОНСКОГО СРАЖЕНИЯ

В 2007 году военно-исторический отряд ВДАЭ ГИМ продолжил работы по изучению места Донского сражения 1380 г. с использованием детекторов металла.

Поиск осуществлялся на двух участках: № 23, кв. 1–12, расположенном к северо-западу от д. Хворостянки, и № 22, планшет 7, кв. 1–2, расположенном к юго-востоку от скопления находок, предположительно связываемых с битвой.

Участок № 23, кв. 1–10 ограничен с южной стороны посадками и строениями д. Хворостянки, с севера он доходит до высотной отметки 224,7. Выбор участка не случаен: была поставлена цель обследовать часть Куликова поля вдоль Хворостянского оврага, проверив наличие на нем предметов как XIII–XIV, так и XVII–XIX вв.

Была охвачена площадь 10 га; установлено, что статистическое соотношение предметов материальной культуры сильно отличается от поисковых участков в районе балок Рыбий Верх и Верходуб, где сконцентрированы предметы, связанные с Донским побоищем.

На участке № 23, кв. 1–12 не выявлено предметов, датируемых ранее XIX в., что косвенно может говорить об интенсивном обживании и хозяйственном использовании данной территории, происходивших в позднейший период. Данный планшет отличается большой насыщенностью подъемным материалом, в том числе из железа и цветных металлов: всего было собрано свыше 5000 предметов.

Отсутствие находок предметов вооружения и снаряжения верхового коня и всадника XIV в. также может свидетельствовать о том, что в этом месте поля сражение не перешло в активную фазу боя, при которой и происходит основная утеря предметов.

Участок № 22, планшет 7, кв. 1–2 ограничен: с запада полевой дорогой Монастырщина–Хворостянка и границами поисковых участков, разработавшихся ранее, с востока – балками Верходуб и Безымянная. При его определении стояла цель обследовать зону Куликова поля, как предполагается, перед фронтом полка левой руки русских войск. Планировалось получить статистическую картину по характеру и количеству предметов материальной культуры участков, покрытых лесом на момент сражения (реконструкция таких площадей по бортам балок Прудовая и Безымянная проведена М. П. Гласко) и распаханых не ранее середины XIX в.

Из-за сильной «задернованности» участка и нехватки сил нами была пройдена площадь всего 2 га с незначительным наличием подъемного материала: обнаружено 130 предметов периода тракторной распашки XX в.

Поскольку в XIV в. большая часть обследованной территории была покрыта лесом, находок, связанных с разворачивавшимся рядом сражением, сделано не было. Отсутствовали и предметы, относимые к освоению этой территории в XVIII–XIX вв.

МОСКОВСКИЙ СЕМИНАР ПО ВОЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

В 2001 г. был создан Военно-археологический семинар для плодотворного общения людей, интересующихся военной историей и военной археологией. Хронологический диапазон тем, обсуждаемых на семинаре – от древности до конца XVII в. Отдельная секция семинара посвящена периоду наполеоновских войн и изучению мест сражений, в частности Бородинского. Территориальный охват – весь Евразийский регион.

Функционирование научно-практического семинара происходит под патронажем и научным руководством ГИМ, на базе Отдела комплексных археологических исследований. В работе семинара принимают участие сотрудники ГИМ, Института археологии РАН, РГАДА, МИГМ, Музеев Кремля, Кафедры археологии МГУ, Центра археологических исследований Москвы.

Ниже мы приводим основания, на которых работает семинар, а также тематику заседаний в 2001–2005 гг. Тексты докладов, прочитанных в 2006–2007 гг., отражены в данном сборнике или войдут в последующие его выпуски.

1. ПРОГРАММНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Основные цели

1. Формирование единого информационного поля для всех интересующихся военной историей и археологией;
2. Формирование новой отрасли научного знания – военной археологии. Военная археология объединяет три основных направления военно-исторических исследований:
 - 1) военно-историческое, где базовыми являются письменные источники.
 - 2) военно-археологическое, где базовыми являются вещественные источники.
 - 3) экспериментальная археология или военно-историческая реконструкция, где первостепенное значение имеет сам эксперимент по военно-исторической реконструкции.

Основные задачи

1. Разработка единой терминологической базы.
2. Введение в научный оборот и публикация письменных (в первую очередь, документальных) источников по военной истории с древнейших времен до второй половины XVIII в.
3. Введение в научный оборот и публикация результатов современных исследований участников военно-археологического семинара по проблемам, имеющим прямое отношение к тематике Семинара по военной археологии.

4. Введение в научный оборот и публикация неопубликованного научного наследия историков и археологов, посвященного различным темам военной истории и археологии человечества (в первую очередь, Евразийского региона) с древнейших времен до второй половины XVIII в.
5. Публикация предметов вооружения, как хранящихся в государственных музеях, так и находящихся в частных коллекциях.
6. Переиздание важнейших работ в области военной истории и археологии, составляющих сегодня библиографическую редкость.
7. Инициирование и содействие созданию и публикации различного рода справочников по военной истории и археологии.
8. Работа по созданию каталога предметов вооружения и связанных с военным делом вещественных источников, хранящихся в фондах музеев РФ.
9. Разработка принципов хранения, реставрации, описания и публикации предметов вооружения.
10. Исследование, атрибуция, научная обработка и введение в научный оборот коллекций ГИМ, связанных с военным делом древности, Средних Веков и раннего Нового времени.
11. Разработка методов научной реконструкции.
12. Критика изданий, освещающих различные проблемы военной истории и археологии.
13. Создание и пополнение библиографической базы данных по проблемам военной истории и археологии.
14. Основание и организация издания (или изданий) и серий книг и сборников для публикации материалов, перечисленных в пунктах 2–8, а также нормативно-методических и информационных материалов, указанных в пунктах 1, 9–13.
15. Организация и проведение плановых, программных и внеплановых заседаний семинара.
16. Организация докладов и сообщений в рамках тематики семинара.

Формы реализации и порядок функционирования семинара

Плановые заседания проводятся два раза в месяц. На них заслушиваются и обсуждаются запланированные доклады.

Программные заседания семинара. Они связаны с реализацией основных задач, стоящих перед участниками семинара, и проводятся в заранее оговоренный день.

Помимо плановых и программных заседаний могут проводиться промежуточные заседания семинара, на которых заслушиваются и обсуждаются доклады приглашенных исследователей.

Проведение заседаний посвященных обсуждению новых и редких публикаций.

Публикация материалов семинара. В качестве варианта предлагается публиковать накапливаемые за год материалы в рамках археологического сборника ГИМ.

Организация тематических выставок. Участники семинара планируют подготавливать концепции выставок, затрагивающих военно-археологическую тематику и представленных для рассмотрения Дирекцией ГИМ.

ТЕМЫ ДОКЛАДОВ И ДИСКУССИЙ СЕМИНАРА

2001

- 17 марта** *Рукавишников Д. В.* Доспех из Джангалы;
Двуреченский О. В. Московские подковы XV–XIX вв. (типология, назначение, традиция подковывания).
- 31 марта** *Каинов С. Ю.* Древнерусские щиты X века по археологическим данным.
- 14 апреля** *Попов Д.* Возможности Интернета применительно к задачам коллоквиума;
Барышев А. В. О технике изготовления кассетных ножей.
- 12 мая** *Пахомов И. Н.* Вооруженные силы Русского государства во время правления Василия III.
- 27 мая** *Новоселов В. Р.* История фехтования в Западной Европе в XIII–XIX вв.
- 8 сентября** *Курбатов О. А.* Конница Новгородского разряда в войнах 1654–1667 гг.
- 22 сентября** *Печейкин А. В.* Штык – военно-историческое значение и терминология;
Новоселов В. Р. Система организации единого информационного пространства в области изучения военной истории в современной Франции.
- 6 октября** *Федоров О. В.* «Идеальный комплекс». Открытая дискуссия о методах и традициях современной военной иллюстрации и военной реконструкции
- 20 октября** *Меньшиков М. Ю.* Изменение инвентаря воинских погребений рязано-окских могильников.
- 17 ноября** *Каинов С. Ю., Барышев А. В.* К вопросу о технике инкрустации предметов вооружения IX–XI вв.;
Волков И. В. Изображение предметов вооружения по нумизматическим материалам.

2002

- 10 февраля** *Малов А. В.* Проблемы изучения символики русских воинских знамен XVII в. (по документальным источникам).
- 24 февраля** *Двуреченский О. В.* Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из Тушинского лагеря.

- 10 марта** *Каинов С. Ю., Спасов Ф. В.* Обувные шипы (опыт применения); *Курмановский В. С.* Сабля с Куйбышевской площади Москвы. Вариант интерпретации.
- 24 марта** *Курбатов О. А.* Эволюция тактики русской конницы в походах 1664–1667 гг.
- 7 апреля** *Рукавишников Д. В.* К вопросу о тяжеловооруженной коннице кочевников южнорусских степей XIII–XIV вв.
- 21 апреля** *Пахомов И. Н.* Пищальники Ивана III и Василия III.
- 8 сентября** *Малов А. В.* Вооружение служилых людей пешего строя России XVII в.
- 22 сентября** *Каинов С.Ю., Михайлов К.* О времени появления сложносоставного лука на территории Древней Руси; Дискуссия по теме: «Профессиональный воин и армия (проблема идентификации)».
- 6 октября** *Пахомов И. Н.* К вопросу о тактике и стратегии русских войск первой трети XVI в.
- 3 ноября** *Курбатов О. А.* Тактика полков нового строя; *Русаков П. С.* Изображения осадного метательного орудия на миниатюрах XVI в.
- 17 ноября** *Новоселов В. Р.* Тактика и вооружение турнирных боев в XII–XIV вв.; *Татарников В. С.* Материальное обеспечение Русской армии начала XVIII в.

2003

- 1 февраля:** Дискуссия по теме: «Профессиональный воин и армия (проблема идентификации)».
- 1 марта:** *Малов А. В.* Вооружение служилых людей пешего строя России 30–80 гг. XVII в.
- 15 марта** *Курмановский В. С.* Русские сабли XVI–XVII вв. К вопросу о типологии.
- 29 марта** Дискуссия по теме: «Тяжелая кавалерия/рыцарство: соотношение терминов (проблема идентификации)».
- 12 апреля** *Дзуреченский О. В., Каинов С. Ю.* Опыт разработки типологии шлемов.
- 26 апреля** *Малов А. В.* Судьба служилых людей с отошедших к противнику территорий Великих Лук первой половины XVII в.;
- 31 мая** *Каинов С. Ю.* Начальный этап формирования Древнерусского комплекса вооружения второй половины IX – начала XI в.; *Егоров К. А.* Некоторые предметы вооружения из коллекций Еврейского Университета.

- 13 сентября** Федоров О. В. «Идеальный комплекс». Открытая дискуссия о методах и традициях современной военной иллюстрации, и военной реконструкции.
- 27 сентября** Печейкин А. В. Европейский кинжал – типология и терминология.
- 11 октября** Каинов С. Ю. Наконечники ножен мечей из раскопок в Гнездове.
- 15 ноября** Барышев А. В., Каинов С. Ю. О находках из частных коллекций.
- 29 ноября** Двуреченский О. В. Наконечники стрел Московской Руси кон. XV–XVII вв. (первичный опыт типологии).

2004

- 29 января** Стрельченко А. В. Происхождение и развитие шлема типа «армэ» в XV в. (по изобразительным и вещевым источникам).
- 12 февраля** Малов А. В. Выборные солдатские полки в борьбе с Разинщиной.
- 26 февраля** Дискуссия по теме: «Состав войска Средневековой Руси в XIII–XV вв.».
- 11 марта** Стрельченко А. В. Рыцарские доспехи Германии и Богемии с 1400 по 1500 гг.
- 25 марта** Рукавишников Д. В. Изобразительные источники XIV–XV вв. и материалы культуры кочевников южнорусских степей XIV–XV вв.
- 8 апреля** Курбатов О. Тактика поместной конницы XVI в.
- 6 мая** Каинов С. Ю. Древнерусские шлемы IX–XI вв.
- 20 мая** Двуреченский О. В. Новые находки защитного снаряжения в Москве (по материалам раскопок 1989–2001 гг.)
- 3 июня** Малов А. В. Ход Смоленской войны на Невельском направлении с июня 1633 по лето 1634 г.

2005

- 3 февраля** Вальчак С. Б. Мечи и кинжалы предскифской эпохи.
- 17 февраля** Малов А. В. Первые гусары в русском войске. 1633–1654.
- 3 марта** Дискуссия по теме: «Восточноевропейские мечи XIV–XV вв.».
- 17 марта** Кулешов Ю. Раннезолотоордынский комплекс вооружения (этнический аспект).
- 31 марта** Курмановский В. С. Сабельные полосы XVI–XVII вв. из собрания Оружейной палаты.
- 17 апреля** Курбатов О. А. Иноземческие формирования русской конницы XVI–XVII вв.: происхождение, организация, особенности боевого применения.
- 28 апреля** Двуреченский О. В. Холодное наступательное оружие ближнего боя Московской Руси конца XV–XVII вв. (основные типы).
- 15 сентября** Барышев А. В., Каинов С. Ю. Два средневековых шлема из частной коллекции.

-
- 14 октября** *Курбатов О. А.* К вопросу о регламентации «людности и оружности» русской конницы XVI–XVII вв.
- 28 октября** *Малов А. В.* «Служилая рухлядь» московских землевладельцев в XV–первой половины XVII вв. (по духовным и рядным грамотам).
- 11 ноября** *Стрельченко А. В.* К вопросу о мечах Центральной Европы и их внешних особенностях (типологические аспекты).
- 25 ноября** Дискуссия по теме: «Клинковое оружие – разработка терминологии».

БИБЛИОГРАФИЯ

Окороков А. В. История отечественной подводной археологии / Отв. ред. В. Г. Сташевский. М.: Российский институт культурологии, Конфедерации подводной деятельности России, 2008. 160 с.: ил.

Книга выпущена к пятидесятилетию Конфедерации подводной деятельности России в рамках Российского института культурологии. Ее автор – одна из ключевых фигур нашей подводной археологии. Александр Васильевич Окороков – доктор исторических наук, зав. сектором Российского института культурологии, член научного комитета Конфедерации подводной деятельности России, член-корреспондент Международного комитета по подводному культурному наследию, действительный член Русского географического общества РАН и Академии военных наук.

Спортсмен-подводник, водолаз. Подводной археологией занимается с 1980 г. Создал первую в СССР группу подводных исследований (1985). В 1987 г. возглавил отряд подводных исторических исследований Морской арктической комплексной экспедиции НИИ культуры Министерства культуры и АН СССР. В 1989 г. организовал Центр комплексных подводных исследований при том же институте. В 1993 г. защитил первую в стране кандидатскую диссертацию по подводной археологии.

Работал на Черном, Каспийском, Белом, Балтийском морях, островах Арктики, внутренних водоемах России. В числе наиболее значимых практических работ: исследование корабля XVIII в. экспедиции князя А. Бековича-Черкасского на Каспийском море; изучение «морских» памятников Соловецких островов; исследование затопленного поселения XVI–XVIII вв. «Затон» на Балтийском море.

В соавторстве с В. Таскаевым подготовил и опубликовал первые в России методики по подводной разведке и раскопкам памятников истории и культуры. Автор свыше 300 научных и научно-популярных работ в отечественных и зарубежных изданиях, в том числе 20 книг, монографий и методических пособий.

А. В. Окороковым в монографии произведен ретроспективный обзор исследований исторических памятников, оказавшихся под водой, начиная с первых указов Петра I о сохранении обнаруженных под водой «редкостей» и заканчивая 1990-ми гг. Книга подготовлена на основе материалов личного архива автора (интервью, неопубликованные материалы), научных отчетов экспедиций, а также множества публикаций, вышедших в разное время и рассыпанных по периодическим, в том числе региональным, изданиям.

Работа (вед. ред. – канд. ист. наук Е. А. Воронцова) состоит из пяти глав. Предисловие и послесловие написаны В. Г. Сташевским – научным редактором книги, президентом Конфедерации подводной деятельности. Книга снабжена богатым иллюстративным материалом.

Автор видит основное назначение исследований подводных археологов в выявлении памятников, подъеме реликвий, документов, дневников, установлении имен погибших, выяснении или уточнении обстоятельств гибели кораблей, самолетов и других объектов, составлении точных списков их личного состава. Другой задачей этого движения является выявление, извлечение и музеефикация ред-

ких образцов техники, которые сохранились только в труднодоступных местах. Едва ли следует подробно расписывать важность такой работы для патриотического воспитания, главным образом, молодого поколения.

В книге подробно рассказывается, в том числе, о комплексных подводных исследованиях 1956–1960 гг. под руководством Г. Н. Караева по уточнению места Ледового побоища (1242 г.) на Чудском и Теплом озерах. Экспедиция осуществила подводно-археологические, геологические и археологические исследования, сбор материалов по топонимике и фольклору, обследование путей сообщения (дорог, волоков). В 1958–1959 гг. работы велись с использованием металлоискателя в районе о-вов Вороний, Станюк, Лежница, Сиговец и на месте затопленной водами Теплого озера дер. Чудская Рудница и базировались на данных аэрофотосъемки, выполненной с вертолетов.

Книга, по нашему мнению, будет полезна специалистам, занимающимся научными и прикладными аспектами подводной деятельности, активистам и профессионалам подводного (дайвинг) сообщества, а также археологам иного профиля.

НАУЧНОЕ ФАКСИМИЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА

Лицевой летописный свод – монументальный памятник древнерусского книжного искусства. В силу грандиозности и исключительной ценности ему по достоинству принадлежит место в ряду национальных реликвий. Из-за очень большого объема и разрозненности по нескольким хранилищам Свод был доступен лишь ограниченному кругу ученых-историков и искусствоведов.

Лицевой свод – вершинное достижение древнерусского книжного художества. Грандиозное произведение излагает события от сотворения мира до Византии, а также освещает отечественную историю с 1114 по 1567 г.

Свод был создан для Ивана Грозного в конце 1560-х – 1580-е гг. Исследователи сходятся во мнении о личной инициативе царя в создании этого грандиозного исторического труда, допуская участие самого царя в работе над Сводом.

В настоящее время памятник представляет собой десять фолиантов in folio, находящихся в разных книгохранилищах России – отделах рукописей ГИМ (Москва), БАН и РНБ (Санкт-Петербург).

Выпуск факсимильного издания Свода явился чрезвычайно сложной задачей в техническом и организационном плане: большого размера книги (46x35 см) находятся в древлехранилищах Москвы и Санкт-Петербурга. ОАО «ПРОТЕК» было создано издательство «АКТЕОН» под руководством Х. Х. Мустафина. Заключены договоры с хранилищами, проведено сканирование и публикация томов свода, а также томов с научным аппаратом. Комплект выпущенных книг был представлен в июне сего года на презентации в Государственном Историческом музее.

Технологии цифрового сканирования с последующей компьютерной обработкой и печать на установках цифровой полиграфии последнего поколения позволили достичь беспрецедентного качества. Впервые в России использовался книжный сканер формата 2xA2, который при высочайшей точности цветопередачи обеспечил щадящее обращение с подлинниками (бесконтактность, кратковременность облучения узким лучом света без ультрафиолета и тепловой составляющей, наличие специальной книжной колыбели), а также с помощью программного обеспечения для виртуального выравнивания листов оригинала.

Факсимильное издание – комплект из 19 книг, воспроизводящих тома свода, и 11 томов научного аппарата. Научный аппарат состоит из статей по истории рукописи, описанию ее кодикологических, палеографических и текстологических особенностей, дан обзор проблематики изучения Лицевого летописного свода. Подготовлены указатели имен и географических названий. Предметно-тематический указатель облегчает поиск нужного изображения на миниатюрах рукописи. Представлена основная библиография.

Текст рукописи был транслитерирован специалистами отделов рукописей ГИМ (руководитель отдела Э. В. Шульгина), БАН (главный хранитель И. М. Беляева), РНБ (главный хранитель отдела Е. В. Крушельницкая) и Археографической комиссии РАН (В. В. Морозов), что позволяет расширить круг читателей Свода.

Издание выпущено на бумаге, обеспечивающей идеальную цветопередачу. Ручной переплет выполнен из натуральной кожи с тиснением по старым технологиям, позволяет достичь полного раскрытия книги и обеспечивает ее сохранность.

Особую ценность издание представляет для специалистов по русской военной истории и археологии, не избалованных качественным иллюстративным материалом.

В своде около 10 тысяч рукописных листов и более 17 тысяч не повторяющихся красочных миниатюр. Именно они делают текст удивительно наглядным. Зачастую реалии, не отмеченные в тексте, но характерные для исторического события, запечатлены только на миниатюре. Достоинством является достоверность изображения. Реальные формы архитектурных сооружений – зданий Киева, Новгорода, Владимиро-Суздальской Руси, недавно возведенные московские строения. Многие миниатюры с реками, озерами и морями являются своего рода картами.

Точно воспроизводятся вооружение (сабли, мечи, мортиры, пушки, баллисты), техника боя, способы ведения войны, характерные для каждого исторического периода. Древнейшее упоминание о пушках на Руси относится к обороне Москвы от Тохтамыша (1382), и именно к этому упоминанию относится первый рисунок с пушками в Древнем летописце. Изображения пушек важны по своей археологической четкости, причем можно проследить, как на протяжении веков изменялись их конструктивные особенности от самых древних пушек XIV в. с прямыми дулами без раструбов и многочисленными кузнечными швами – до пушек XVI в., отлитых в цельной форме и с раструбом («максимилиановская пушка») или гладкоствольных и прямых с валиками на передней части и орнаментом. Мы имеем также ценные изображения древнерусских пороков (баллист).

Над созданием миниатюр трудилось 10–12 художников, придавших миниатюрам великолепную многоцветную раскраску. Труд писцов и художников свода был прерван вскоре после смерти Грозного в 1584 г. Рукопись не была полностью закончена и длительное время хранилась в Московском Кремле в виде стоп тетрадей и отдельных листов. После Смуты части свода стали переходить в иные места хранения и к новым владельцам – частным лицам, по именам которых названы первые пять книг русской истории, фрагменты рукописи переплетались в самостоятельные кодексы.

В семи томах излагаются события русской истории. Коротко укажем наиболее крупные тексты в погодном летописном изложении, посвященные военным событиям.

1. Голицынский том (РНБ). 1035 л., 1964 миниатюры. Содержит изложение за 1114–1149, 1155, 1180, 1225–1240, 1425–1475 гг. Включает легенду о походе Владимира Мономаха на Царьград и обретении императорских регалий; фрагменты повести о Батыевом нашествии; начало повести о взятии Царьграда турками (1453); известия о приходе Орды на Дон.

2. Лаптевский том (РНБ). 1005 л., 1951 миниатюра. Охватывает 1116–1117, 1149–1225, 1241–1252 гг. К настоящему времени рукопись расплетена и хранится в виде стопы тетрадок по 8–9 листов. В том входят рассказ об убиении Андрея Боголюбского, Повесть о приходе Андрея Боголюбского к Новгороду, Повесть о взятии Константинополя крестоносцами, Повесть «О Калках, о избиении русских князей», Житие Александра Невского, Повесть о Михаиле Черниговском.

3. Остермановский первый том (БАН). 802 л. 1552 миниатюры. Содержит изложение за 1254–1378 гг. Важнейшими являются темы взаимоотношений русских князей с Ордой, борьба за великое княжество Владимирское, Великий Новгород. В составе рукописи – Повесть о убиении в Орде великого князя Тверского Михаила Александровича.

4. Остермановский второй том (БАН). 887 л. 1581 миниатюра. Хронологически продолжает Остермановский первый и содержит повествование о событиях с 1378 по 1425 гг. Эти два тома известны также как Древний летописец.

5. Шумиловский том (РНБ). 986 л., 1893 миниатюры. Содержит изложение за 1425, 1472–1533 гг. Вошли подробные рассказы: О поезде Ивана III в Новгород (О покорении Новгорода), О пришествии Ахмата на Угру, О приходе Магаммет-Гирея на Оку.

Последние два тома – описывают события с 1533 по 1567 г., современные или близкие ко времени создания Свода.

6. Синодальный том (Никоновская с рисунками) (ГИМ). 626 л., 1125 миниатюр. Содержит изложение за 1535–1542, 1553–1560, 1563–1565, 1566–1567 гг. Миниатюры частично раскрашены в XVI в. поновлены в XVII в.

В рукописи повествуется о событиях царствования великого князя (с 1547 г. – царя) Ивана IV Васильевича. Включает повести о поимании Андрея Ивановича Старицкого, приходе Саип-Гирея на Оку в 1541 г., взятии Ругодива, битве на Судбищах, приходе Девлет-Гирея на Рязань в 1564 г.

7. Царственная книга (ГИМ). 687 л., 1291 миниатюра. Изложение российской истории 1542–1553 гг. с приписками и 1533–1542 гг. в виде перебеленного варианта. В ее составе рассказы о поставлении Свяжска, Казанском взятии.

Последние два кодекса чрезвычайно интересны для исследователей истории XVI в., так как имеют редакторскую правку на полях и между строк, возможно, Ивана Грозного. Когда-то единый текст с известиями 1533–1567 гг. был своеобразной «Историей царя Ивана». Работа по ее составлению еще не была закончена, когда рукопись подверглась правке редактора. В Царственную книгу попал текст с повествованием о событиях 1533–1542 г. с уже перебеленными приписками; кодекс также интересен тем, что наглядно представляет все этапы работы над миниатюрой.

Хранители и издатели выполнили свою задачу. Научное факсимильное издание сделало Лицевой свод достоянием мировой культуры, не только значительно расширив доступ к памятнику, но и обеспечив на будущее сохранность оригиналов, представив памятник в наиболее адекватной форме. Комплекты экземпляров издания поступили как в места хранения подлинников, так и наиболее крупные библиотеки страны. Специалисты же, углубленно изучающие частные сюжеты, могут получить копии листов непосредственно через издательство.

ВОЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ
Сборник материалов семинара
при Государственном историческом музее

Выпускающий редактор Н. П. Рогатко
Художественное оформление А. Ю. Никулин
Корректор Н. В. Жарова
Верстка К. М. Садретдинова

Формат 70x100/16. Бумага мелованная
Печать офсетная. Гарнитура... Усл.-печ. л. 15. Печ. л. 12,5.
Тираж 1000 экз.

Издательство ООО ПЦ «Квадрига»
Типография «Альянс-пресс»